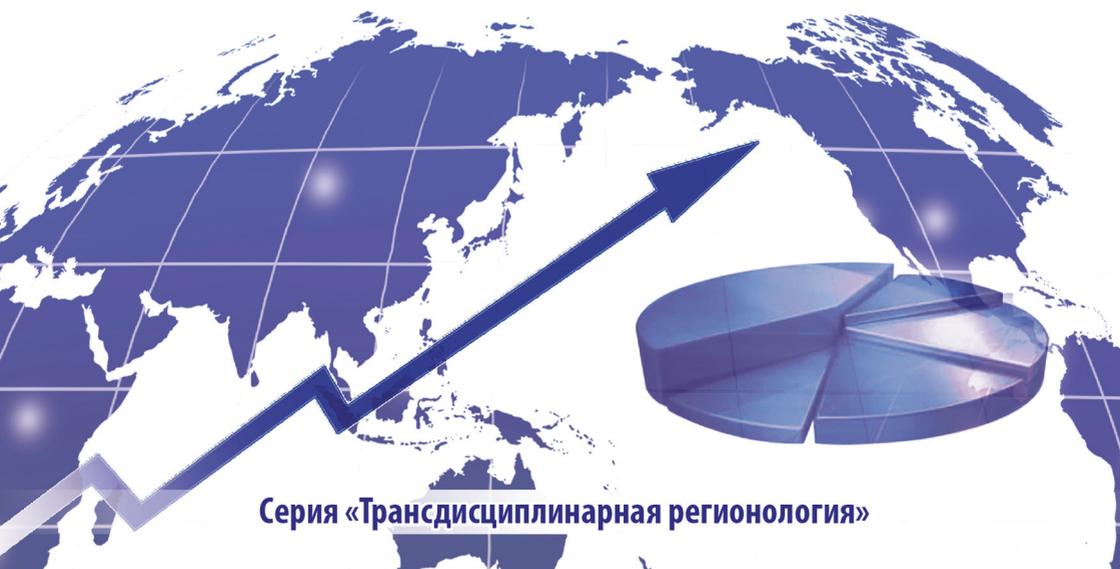

**Е. В. Кремнёв
О. В. Кузнецова
Е. В. Лесниковская**

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНАЯ РЕГИОНОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Серия «Трансдисциплинарная регионология»

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации

Трансдисциплинарная регионология

Е. В. Кремнёв
О. В. Кузнецова
Е. В. Лесниковская

**ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНАЯ РЕГИОНОЛОГИЯ:
ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ**

Монография

УДК 338:91
ББК 65.04
К79

Серия основана в 2020 году

Печатается по решению Ученого совета ИФИЯМ ИГУ

Научный редактор:

Е. Ф. Серебренникова, д-р филол. наук, проф.

Рецензенты:

П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф.

А. Д. Калихман, д-р физ.-мат. наук, проф.

В. В. Малявин, д-р ист. наук, проф.

Ю. И. Дробышев, канд. биол. наук, канд. ист. наук

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-011-00040 «История и методология
регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона
в русле современной трандисциплинарной регионологии».*

Кремнёв Е. В.

К79 Трансдисциплинарная регионология: теория и методология : монография / Е. В. Кремнёв, О. В. Кузнецова, Е. В. Лесниковская ; [под науч. ред. Е. Ф. Серебренниковой]. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2020. – 155 с. – (Трансдисциплинарная регионология).

ISBN 978-5-9624-1915-2

В монографии в русле теории научных революций рассматривается проблема вступления регионологии как науки в период трансформации парадигмы регионологического исследования и формулируется концепция трандисциплинарной регионологии как наиболее адекватный современной научной и социально-культурной картине мира ответ на назревший кризис в данной научной области. Описаны подходы к регионологическому знанию в отечественной и зарубежной научной литературе, представлены и обоснованы цель и задачи трандисциплинарной регионологии, отграничены ее объект и предмет, выявлены особенности дефиниции региона рядом отечественных и мировых регионологических школ, дана их критическая оценка, определены место и роль трандисциплинарной регионологии в системе наук, подробно рассмотрена ее структура, представлены базовые подходы к выбору регионологических подходов и методов, уточнен терминологический аппарат.

Исследование может представлять интерес как для регионологов, так и для широкого круга специалистов – экономистов, политологов, философов, культурологов, историков, лингвистов, преподавателей и всех тех, кто интересуется вопросами места и роли регионологического знания в мировой науке и практике.

УДК 338:91
ББК 65.04

ISBN 978-5-9624-1915-2

© Кремнёв Е. В., Кузнецова О. В.,
Лесниковская Е. В., 2020
© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Авторы благодарят	5
Введение	6
Глава 1. Трансдисциплинарность как новая парадигма в сфере регионологии.....	11
1.1. Регионология и теория научных революций	11
1.2. Подходы к пониманию научной революции	15
1.3. Предпосылки к научной революции в современной регионологии.....	32
1.4. Трансдисциплинарность как научная парадигма.....	42
Глава 2. Трансдисциплинарная регионология как новый этап науки о регионах: эволюция, структура, место среди других наук	47
2.1. Эволюция трансдисциплинарной регионологии	47
2.2. Структура трансдисциплинарной регионологии	51
2.2.1. Теоретические основания анализа структуры трансдисциплинарной регионологии	51
2.2.2. Комплексная структура трансдисциплинарной регионологии	58
2.3. Место трансдисциплинарной регионологии среди других наук.....	66
Глава 3. Теоретико-методологические основы трансдисциплинарной регионологии	71
3.1. Цель и задачи трансдисциплинарной регионологии .	71
3.2. Объект и предмет трансдисциплинарной регионологии: эволюция, подходы, противоречия, тенденции	83
3.2.1. Подходы к определению региона как объекта в системе мирового регионологического знания. Специфика предметного поля	83
3.2.2. Противоречия в определении региона	112
3.2.3. Объект и предмет трансдисциплинарной регионологии	115

3.3. Подходы и методология трансдисциплинарной регионоведения.....	116
3.3.1. Методологический переход к трансдисциплинарности в регионоведении	116
3.3.2. Выбор теоретических подходов и методов исследования в рамках трансдисциплинарной регионоведения	120
Заключение	138
Библиографический список.....	141
<i>Приложение. Сопоставительная характеристика терминов, служащих для номинации научных направлений и учебных дисциплин о регионах.....</i>	151

АВТОРЫ БЛАГОДАРЯТ

- Научного редактора монографии *Евгению Федоровну Серебренникову*, доктора филологических наук, профессора.

- Уважаемых рецензентов *Павла Петровича Дерюгина*, доктора социологических наук, профессора кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета и кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета; *Аркадия Давидовича Калихмана*, доктора физико-математических наук, профессора, специалиста по регионоведению Прибайкалья, одного из первых заведующих кафедрой экономики, менеджмента и регионоведения Иркутского государственного лингвистического университета; *Владимира Вячеславовича Малявина*, доктора исторических наук, профессора департамента зарубежного регионоведения Высшей школы экономики; *Юлия Ивановича Дробышева*, кандидата исторических наук, кандидата биологических наук, старшего научного сотрудника отдела истории Востока Института востоковедения РАН.

- Руководство Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации ИГУ и лично *Марину Борисовну Ташлыкову* за поддержку исследований по региологии на базе института.

- Коллег по гранту *Светлану Борисовну Макееву* и *Надежду Сергеевну Карачеву*.

- Коллег, магистрантов и студентов кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИГУ и Школы востоковедных и регионоведческих исследований О. М. Готлиба за помощь в сборе материала.

- Российский фонд фундаментальных исследований за финансовую поддержку проекта.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время мы становимся свидетелями событий и трендов, стремительно трансформирующих социальный мир. Нарастание темпов информатизации, изменение структуры социальных движений, рост неопределенности и угроз в мире и отдельных регионах, усиление социально-экономической дифференциации стран и регионов – эти тенденции не являются сверхновыми: для представителей общественных наук это важнейшие составляющие парадигмы, преобладающие в течение ряда лет. Тем не менее можно констатировать очередной виток каждой из этих тенденций, в разворачивании которого проявляются принципиально новые черты, например, «вынужденная» и ускоренная цифровизация в условиях пандемии значительно отличается от «плановой». Данные обстоятельства выступают внешними факторами, вызывающими в социальных науках «переключение гештальта» (по Т. Куну), или изменение доминирующей парадигмы (парадигм).

На сегодняшний день особое место среди социальных наук занимает региология. Растущий исследовательский интерес к региологии обусловлен сложной конфигурацией глобализационных и регионализационных процессов в современном мире, повышающейся сложностью региона как системы и объекта управления, все более утверждающегося в качестве источника эндогенного роста, признанием роли территориальной близости и территориального капитала в развитии национальных инновационных систем, поиском оптимизации связи «центр-периферия» и решений актуальных вопросов социально-экономической и социально-политической субъектности регионов, возникновением новых важных региональных игроков в мировой системе, усилением позиций регионального уровня экономики и безопасности.

При этом в научной литературе по-прежнему сохраняются пробелы в анализе и концептуализации принципов регионального знания, отсутствует четкий категориально-понятийный аппарат регионологии, наблюдается заметная путаница в родственных терминах как в отечественной науке (регионология, регионалистика, регионоведение и т. д.), так и в зарубежной (например, в англоязычном дискурсе сосуществуют *area studies*, *regional studies*, *regional science* и другие термины).

В теоретико-методологическом плане, как следствие, наиболее важным представляется вопрос о современной парадигме регионологии. В данной работе выдвигается и аргументируется положение о том, что регионология как наука вступила в период научных революций: имеет место трансформация парадигмы регионологического знания. Не оспаривая утверждение о мультипарадигмальности социальных наук, авторы выделяют проявляющуюся доминантную парадигму в регионологии, а именно парадигму трансдисциплинарности. «Разворот» регионологии в сторону парадигмы трансдисциплинарности обусловлен как внутренними, исходными факторами (междисциплинарность, мультидисциплинарность регионологии; включенность неакадемического знания; необходимость интеграции «инсайдерского» взгляда), так и внешними, текущими причинами (повышение сложности управления региональным развитием; растущее неравенство между регионами; накопившиеся «парадоксы», неразрешенные задачи; концептуальный кризис регионального знания на рубеже веков). Трансдисциплинарность как парадигмальная метамоделирующая категория рассматривается в монографии в свете концепции научных революций (теории Т. Куна, В. С. Степина и др.).

Эффективный ответ на назревший кризис в региональных исследованиях, наиболее адекватный современной научной и социально-культурной картине мира, видится в институционализации трансдисциплинарной регионологии. Такая дисциплинарная единица и исследовательская область вводится впервые. В результате развития и пере-

осмысления ранее выдвинутых идей о ее роли и месте [44; 84] авторы данного исследования пришли к следующему определению, отражающему, по нашему мнению, ее основную сущность и назначение. *Трансдисциплинарная регионология* – это наука интегративного плана, изучающая экономико-географическое, культурно-историческое, социально-политическое, языковое и иное своеобразие регионов, выявляющая закономерности регионального развития и межрегионального взаимодействия и опирающаяся на комплексную теоретико-методологическую базу, разработанную в регионах – объектах исследования. Принцип интегральности в контексте теории научных революций понимается нами как способ перехода на новый парадигмальный виток не путем отрицания или суммирования всех полученных знаний, а с помощью их переосмысления – выведения на более высокий уровень обобщения в соответствии с константной целью трансдисциплинарной регионологии (более глубоким пониманием объекта изучения). Таким образом, в современной науке следует констатировать два взаимосвязанных процесса: трансдисциплинаризация регионологии как объективный процесс, который является реакцией на внутренний кризис этого направления, и осознанное продвижение концепции трансдисциплинарности отдельными научными школами, чьи усилия необходимы для окончательного закрепления этой перспективной парадигмы.

В русле раскрытия данной концептуальной установки в монографии описаны подходы к региональному знанию в отечественной и зарубежной научной литературе; представлены и обоснованы цель и задачи трансдисциплинарной регионологии; проясняются ее объект и предмет; выявлены особенности дефиниции региона рядом отечественных и мировых регионологических школ, дана их критическая оценка; определены место и роль трансдисциплинарной регионологии в системе наук, подробно рассмотрена ее структура; представлены методологические подходы трансдисциплинарной регионологии.

Особое место в монографии отводится уточнению терминологического аппарата в виде авторской сопоставительной характеристики терминов, служащих для номинации научных направлений и учебных дисциплин о регионах (приложение). Сопоставление терминов, понятий в русскоязычном и англоязычном академических дискурсах призвано внести ясность в понятийно-категориальное поле наук о регионе и уточнить в этом поле сопоставительную значимость вводимых в исследовании терминов. Этой же цели служит отграничение и трактовка терминов и понятий в русле принятой концепции: трансдисциплинарной регионологии, регионологического знания и трех его типов, отражающих этапы развития проторегионологического знания, систематического регионологического знания, институционализированного регионологического знания. Выбор термина «регионология» в качестве гиперонима для остальных («регионоведение», «регионалистика» и т. д.) обусловлен тем, что он, по нашему мнению, точнее отражает процессы формирования самостоятельной научной дисциплины в отличие от регионоведения как совокупности накапливаемых знаний об объекте исследования. «В русском языке часть слова “логия” – из названий наук вроде “сейсмология”, “паразитология”, “нутрициология” и др. – принято связывать с таким типом знания, когда на основании имеющихся данных и логической структуры данного знания возможны дедуктивные выводы» [59, с. 3]. Применяя этот подход к анализу терминологии регионологического знания, В. С. Елистратов указывает, что модель «регионоведение» отсылает к энциклопедическому комплексу, а «регионология» – к комплексу дедуктивному [22]. Опираясь на вышесказанное, мы предлагаем термин «регионология» для указания на научное поле, интегрирующее все остальные регионологические школы и направления. Иные термины мы используем для обозначения тех направлений и научных школ, которые выбрали для себя соответствующий вариант. Кроме того, мы отсылаем к регионологии в самом общем смысле, когда пишем «наука о регионах», «система регионологического знания», «регионологические исследования».

Научная новизна монографического исследования определяется, таким образом, введением в научный оборот трансдисциплинарной регионологии как новой науки и академической дисциплины. Теоретическая значимость работы в этой связи состоит в обосновании интегрирующих основ трансдисциплинарной регионологии в континуальности становления знания о регионах, определении ее структуры и методологии, в раскрытии трансдисциплинарности как новой парадигмы в региональных исследованиях, систематизации подходов к определению региона и критическом сопоставлении терминов и понятий в науках о регионе.

Прикладная значимость работы заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в практике государственного управления региональным развитием при разработке концепций социально-экономического развития регионов России и стратегий внешнеполитической деятельности страны. Результаты работы также могут быть использованы в образовательной сфере в рамках подготовки будущих специалистов-регионоведов, а также специалистов экономического, социологического, политологического, международного и других профилей.

ГЛАВА 1

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ КАК НОВАЯ ПАРАДИГМА В СФЕРЕ РЕГИОНОЛОГИИ

1.1. РЕГИОНОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ НАУЧНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ

Регионоведение в целом долгое время ассоциировалось с накоплением и систематизацией сведений о регионе, т. е. с организацией регионального знания, характерного, в частности, для страноведения. Региональные исследования в рамках университетской науки в России имеют тридцатилетнюю историю развития в русле такой академической дисциплины, как регионоведение. Регионоведение в самом широком смысле и на заре открытия соответствующих учебных специальностей определялось как знание о регионе. Более того, сами корни этого направления, а именно образцы описательной географии, посвященные новым, исследуемым территориям, предполагают скрупулезное накопление разнообразных знаний о территориальной общности. Таким образом, в истории регионоведческого знания можно четко проследить кумулятивную составляющую. Полагаем, что на ранних стадиях развития этой дисциплины данная функция была основной. В понятии «*регионоведение*», в отличие от *регионоведения*, «логос» подчеркивает необходимость именно научного знания, научного начала, акцентирует логику и дух науки, дифференцируя ее от процесса накопления фактов и данных, систематизации и организации знания о регионе.

Тем не менее из работ по истории и теории науки известно, что наука не является лишь процессом накопления знаний. Так, в фундаментальной работе Т. Куна «Структу-

ра научных революций» показано, что, помимо так называемой кумулятивной модели развития, в науке неизбежно присутствуют и совершенно иные направления [39, с. 19]. Кумулятивная модель развития науки играет важную роль: уточнение, прояснение, конкретизация и дополнение к уже известным фактам, постепенное расширение поля знаний в рамках существующей научной парадигмы составляет основу того, что Т. Кун определил как «нормальную науку». Проясняя не совсем удачный и запутывающий термин, С. Р. Микулинский и Л. А. Маркова отмечают, что термин «нормальная наука» можно понять как обозначение типичной, характерной науки. Однако и то, что Т. Кун не относит к «нормальной науке» (переломные открытия, изменения научной парадигмы, которые еще до Т. Куна (в работах А. Койре) получили название «научные революции»), также является закономерной, органичной частью науки. Именно поэтому правильнее было бы назвать «нормальную науку» в терминологии Т. Куна просто «периодом спокойного, эволюционного развития» науки [Там же, с. 287]. По мнению С. Шейпина, революции вначале происходили именно в науке, а лишь потом были перенесены в сферу политики: «...Понимание революции как эпохальной и необратимой перемены, скорее всего, сначала утвердилось, приняв форму систематической оценки, в науке, а потом уже было перенесено как структура опыта на политические события. Поэтому мы смеем сказать, что первыми революциями были научные...» [17, с. 318].

Следует обратить внимание и на сам термин «революция». На неоднозначность термина (по крайней мере, в исторической перспективе) в отношении к научным революциям специально обращает внимание С. Шейпин. С момента своего возникновения и до Нового времени этот термин понимался как повторяющееся, цикличное событие. Знаменитая работа Н. Коперника 1543 г. носила название *De revolutionibus orbium coelestium*, а термин применялся к вращению (небесных сфер). В переводе с позднелатинского *revolutio* – это поворот, переворот, обращение. Англоязычный

термин *revolution* и сейчас имеет такие значения, как цикл, кругооборот, ротация, виток, т. е. понятия, неразрывно связанные с ожидаемой цикличностью, периодичностью. Интересно, что сохраняется и значение, связанное с движением назад, – периодическое возвращение. В отношении социально-политического события, политического переворота термин «революция» начинает использоваться в конце XVI – начале XVII в. (впервые он был употреблен Н. Макиавелли, скорее всего, случайно, а в оборот его вводит Ф. Бэкон) [66, с. 89]. Такое изменение трактовки семантики знака привносит именно английский, а не латинский язык [Там же]. Таким образом, революция как резкий слом старого или же как переход на качественно новый уровень используется сравнительно недавно, а в корне ее сохраняется (в том числе в современном английском) первоначальный смысл повторяемости, цикличности. С. Шейпин указывает на то, что понимание революции как слома, изменения, резкого перехода от старого к новому стало возможным только с распространением понимания времени как линейного [17, с. 317]. С тех пор как время воспринимается безвозвратно уходящим в будущее, мы трактуем революцию как качественный переход к новому. Интересно отметить, что в таком восприятии, в том числе научных революций, исследователи находятся под влиянием современного западного цивилизационного концепта и именно в этом контексте рассматривают и научные революции, и, собственно, науку. Т. Кун задается вопросами, насколько правомерно такое восприятие в отношении науки (ее линейной эволюции), куда она устремлена в своей эволюции и где ожидаемый учеными ее предел, однако признает, что вопросы эти скорее риторические [39, с. 223–224].

Известный отечественный теоретик науки В. С. Степин говорит о плавном переходе от одной парадигмы к другой, на более глубинном уровне такой переход обуславливается сменой самих установок познания, идеалов и норм науки. В фундаментальной работе «Теоретическое знание» В. С. Степин утверждает, что те основания, нормы и идеа-

лы науки, которые были сформированы в XVII в., продолжали транслироваться вплоть до XIX в. [64, с. 556]. Таким образом, речь идет о плавном переходе от одного способа видения мира (природы в естественных науках) к другому через осознание необходимости перестройки и переформулирования философских оснований науки, смену базовых мировоззренческих установок. В классический период развития науки, подчеркивает В. С. Степин, социальным обстоятельствам и условиям, при которых происходило познание мира, практически не уделялось внимание, исследовательская деятельность не рассматривалась как социально обусловленная; субъект познания мыслился как изолированный и обозревал мир как бы со стороны, не привнося активного деятельностного фактора в процесс познания. Сама интерпретация фактов, обоснование связи теории и обнаруженного факта мыслилась как единственно возможная, чему, по мнению В. С. Степина, способствовала господствующая парадигма механицизма. Ученый отмечает, что «...особую роль в системе обоснования отмеченных установок в качестве «единственно возможных» идеалов и норм научности сыграл метафизический механистический материализм, принципы которого вплоть до XIX столетия выступали в качестве методологической базы естественнонаучного исследования» [64, с. 557]. Необходимость пересмотра самих методологических установок постепенно была осознана, прежде всего, в рамках философии. Постепенно менялось понимание самой природы познания, в котором наконец была признана важнейшая роль субъекта познания; распространенность получила историческая и социальная детерминированность познания, зависимость мышления исследователя и процессов исследовательской деятельности от исторически сложившихся общественных структур и практик. Перемены в восприятии процесса познания отразились на смене исследовательских установок: больше внимания стало уделяться формированию гипотезы; для объяснения наблюдаемого факта стала возможной более чем одна интерпретация (теоретическое обоснование);

трансформировались методы обоснования научных критериев; концептуальному пересмотру подверглись и такие незыблемые научные принципы, как принципы наблюдаемости, инвариантности и относительности [64, с. 557–559]. Сформировался новый тип рациональности – неклассическая рациональность, принципиально иная картина мира.

С необходимостью связывать контекст возникновения и протекания научной революции с широким социальным, культурным, философским контекстом согласен и С. Шейпин. Ученый обращает внимание на многочисленные связи научной деятельности в XVII в. и методологических изменений в ней с преобразованиями в ряде жизненных сфер – религиозной, политической, экономической [17, с. 319]. Согласимся с американским исследователем в том, что современные ученые также находятся под влиянием текущих установок познания, в частности, в общественных науках и следуют современной тенденции изучать объекты, помещая их в широкий социально-культурный контекст.

1.2. ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ НАУЧНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Подходы к пониманию сущности и структуры научных революций могут быть весьма различны. Рассмотрим более подробно подходы Т. Куна и В. С. Степина.

Т. Кун разделяет историю науки на допарадигмальный и парадигмальный периоды. В допарадигмальный период, в отсутствие общепризнанной парадигмы, наблюдалась активная конкуренция множества научных школ, плюрализм мнений, эклектичность взглядов на устройство мира, его познание и организацию знания, широкий ряд традиций и моделей науки. Парадигма как концептуально-ценностная схема определяет подходы, способы, методы исследования, нормативно-ценностные установки выявления, накопления, систематизации, обращения со знанием. Очевидно, что парадигма теснейшим образом связана и определяет методо-

логию исследования. О соотношении модели исследования (методологии) и парадигмы пишет сам Т. Кун, отмечая, что парадигмы «в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [39, с. 11]. Известна и хорошо описана в литературе неопределенность, размытость понятия парадигмы. Вслед за Н. С. Розовым признаем, что такая размытость конструктивна и не требует детализации и подробного выявления структуры парадигмы. Как он отмечает, именно эта размытость «отвечает невозможности реально выявить методологический статус состоявшихся научных построений» [60, с. 247]. Согласно определению Н. С. Розова, базирующемуся на куновском понимании парадигмы, последние предлагают методологическую основу для исследований. Таким образом, важнейшим признаком науки допарадигмального периода выступает отсутствие единой, сложившейся методологии.

Похожие идеи о расплывчатости парадигмы и связи ее с невозможностью выявления точного методологического статуса научных исследований обнаруживаем у исследователя интеллектуальных революций С. С. Аверинцева. Как он утверждает, «принципиально невозможно стабильное, налаженное, устойчивее отношение между данными науки и деятельностью воображения, которое ведь имеет свои законы и свои традиции» [1, с. 5]. Парадигмы постоянно перестраиваются, они и обязаны перестраиваться. Научные представления, проходя проверку новым витком развития научного знания, новой научной, или (в терминологии С. С. Аверинцева и в более широком смысле) интеллектуальной революцией, изменяются. Невозможно поэтому с точностью установить, как ученые воспринимали некое явление тогда. Как подытоживает С. С. Аверинцев, любое научное представление на самом деле «ненаучно, если держится слишком долго» [Там же]. Невозможность подробного установления аутентичного методологического статуса научного представления, проявлявшегося в научном обществе и воспринимаемого им в определенный исторический период, соотносится с максимальной широтой,

трансцендентностью парадигмы. Расплывчатость парадигм усугубляют и различия между научным методом и реальной научной практикой, а также сосуществованием и различием между формализованным, кодированным знанием и неявным знанием (М. Поланьи), включающем в себя субъективный опыт ученого. Однако поскольку существует возможность выделить ведущую парадигму в отрезке времени, ей соответствует возможность установить ведущий научный метод (методы), подготовленный, обеспеченный, возвращенный этой парадигмой.

При этом взаимосвязь парадигмы и методологии остается малоизученной. Как отмечает В. П. Котенко, проблема исследования методологической функции парадигмы не получила должного внимания со стороны исследователей [33, с. 21]. Важное место при определении связи методологии и парадигмы занимает проблема соотношения осознанного и неосознанного в науке. По мнению В. П. Котенко, лишь «осознанная парадигма выступает в качестве методологии научного познания» [33, с. 22]. В качестве одного из факторов, осложняющего анализ методологической функции парадигмы, ученый выделяет отсутствие единства в понимании методологической роли парадигм [Там же]. С другой стороны, отсутствует единство понимания и методологии научного исследования. Оба понятия – и парадигма, и методология – сложны и обладают рядом схожих признаков. Наконец, важнейшей проблемой при исследовании методологической роли парадигм в науке являются расхождения в понимании и определении собственно науки и научной деятельности [Там же, с. 23].

В частных науках ряд исследователей уделяет внимание указанной проблеме. Так, в лингвистике связь методологии и парадигмы, проблема соотношения ведущего метода и парадигмы подробно исследовалась Е. С. Кубряковой. Изучая новую парадигму в лингвистике, а именно когнитивизм, Е. С. Кубрякова рассуждает о том, что новая парадигма является принципиально новой системой взглядов, предполагает новые трактовки известных явлений [37, с. 9].

При формировании новой парадигмы, указывает Е. С. Кубрякова, проявляются ее «конститутивные признаки», среди них – установки нового подхода, приоритетные объекты анализа, ключевые для новой парадигмы понятия [Там же, с. 11]. В исследовании становления парадигмы когнитивизма и когнитивно-дискурсивной парадигмы Е. С. Кубрякова раскрывает идею об оформлении методологии новой парадигмы, о том, что определенной парадигме соответствует ведущий метод, и именно наличие собственной методологии определяет научность концепции.

Отсутствие же ведущего метода, что было предопределено отсутствием парадигмы, проявлялось в чрезмерно широком охвате объектов исследования и исследовательских проблем, «рассеивало» внимание ученых допарадигмального периода, не позволяло избрать более узкий круг проблем, на которые можно было бы направить консолидированное коллективное исследовательское внимание. Множество конкурирующих школ вынуждены были тратить время на согласование даже простейших установок и признание давно открытых фактов. Требовалась платформа, общий базис, с которого исследователь мог начинать свою деятельность, а также вектор, который бы задал направление исследовательской деятельности, сконцентрировав внимание ученых на постепенном, последовательном разрешении насущных научных проблем, и увеличил бы таким образом эффективность науки как сферы и рода деятельности. Таким базисом и вектором призвана была стать научная парадигма. Поколение ученых обеспечивалось парадигмой, которая помогала отобрать из множества фактов наиболее актуальные для исследования, придавала уверенность ученым в правильном выборе объекта исследования и исследовательской проблемы. Собственно, под парадигмами Т. Кун понимает «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [39, с. 11]. Будущие ученые знакомятся с текущей парадигмой в период своего обучения; из заданной (уточненной) парадигмой об-

ласти исследования они могут выбрать собственную исследовательскую задачу и начать работать над ней. Тесно связанная с парадигмой «нормальная наука» (т. е. спокойный период развития науки без смен парадигм), по мысли Т. Куна, развивается по таким направлениям, как увеличение точности и расширение круга известных фактов; доказательство соответствия теории и природы; эмпирическая работа, обеспечивающая дальнейшую разработку парадигмальной теории в целях разрешения оставшихся неясностей и улучшения решения проблем [39, с. 47–48]. Осуществление научной деятельности делится на периоды, когда в науке преобладает качественное развитие (более глубокая разработка парадигмы) и количественное. Большую часть научной работы, по мнению Т. Куна, занимает именно уточнение парадигмы. Наука в ее обычном состоянии, отмечает он, мало ориентирована на открытие новых фактов, новых теорий, учеными движет стремление к решению задач-головоломок, которые предопределяются и предлагаются существующей парадигмой, и результат решения таких задач в определенной мере предсказуем [Там же, с. 59]. Т. Кун замечает, что «...парадигмы направляют научное исследование как благодаря непосредственному моделированию, так и с помощью абстрагированных из них правил» [Там же, с. 74–75]. При своего рода «истощении» парадигмы, когда она не может ответить на ряд возникающих важных вопросов и выявляет ряд «аномалий», научных фактов, несогласующихся с теорией, что приводит к растущему сомнению в существующей парадигме и к кризису в науке, происходит отказ от парадигмы и переход к новой парадигме, что и обозначается как научная революция [Там же, с. 126–127].

В описании Т. Куна переход от устаревшей парадигмы к новой не выглядит внезапным. Даже открытие нового научного факта (Т. Кун рассматривает в качестве примера открытие кислорода) редко имеет точно обозначенную дату, напротив, научные открытия совершаются в некотором роде постепенно, требуют концептуализации нового факта, при-

ведения существующей теории в соответствие с новым открытием. В свою очередь, даже важнейшие и радикальные научные открытия не вызывают непосредственно научную революцию, или смену парадигмы, хотя и влияют на нее. В этой связи возникает вопрос о том, что же предвещает смену парадигмы.

В процессе разработки парадигмы, уточнения теоретических положений, проведения различных опытов в попытке ответить на вопросы, поставленные в рамках парадигмы, выявляются, по терминологии Т. Куна, «аномалии», т. е. расхождения, «несостыковки» в теории и наблюдаемых опытах, явления, которые невозможно объяснить в рамках принятой парадигмы. Такие аномалии стимулируют научные открытия: всем открытиям новых видов явлений предшествует осознание таких расхождений, а их признание приводит к последующим изменениям парадигмальных категорий и методологии [39, с. 86–93]. Такой процесс не происходит гладко: отмечается своего рода сопротивление существующей парадигмы при открытии новых фактов и теорий. Т. Кун обозначает следующую структуру научной революции: сначала воспринимаются только те факты и теории, которые предопределены принятой парадигмой; затем следует нарастающее осознание аномалий; далее идет процесс, когда «концептуальные категории подгоняются до тех пор, пока аномалия не становится ожидаемым результатом» [Там же, с. 94]. Работа с аномалиями и подгонкой под них теории привлекает внимание ученых в этой области науки, сильно ограничивает исследовательское внимание (фокусирует его), происходит интенсивное накопление подробной информации относительно аномалии и ее теоретического обоснования. Процесс сочетается с негативными настроениями научного сообщества: Т. Кун отмечает, что возникновению новых теорий предшествует «период резко выраженной профессиональной неуверенности» [Там же, с. 98]. Такой период Т. Кун отмечает как концептуальный кризис, ощущаемый в той или иной мере всеми участниками научного сообщества. Неопределенность правил, уже с

трудом регулируемых существующей парадигмальной теорией, возрастает – ситуация становится острой. Разработка новой теории становится своего рода социальным требованием. «Новая теория, – отмечает Т. Кун, – возникает только после резко выраженных неудач в деятельности по нормальному решению проблем» [39, с. 107]. Новая парадигмальная теория служит ответом, реакцией на возникший в научной отрасли концептуальный кризис. Таким образом, кризисы играют важнейшую роль в эволюции науки, обеспечивая смену парадигм. Однако при появлении кризиса от устоявшейся парадигмы не спешат отказываться, она сохраняется, пока не «созревает» новая, более эффективная парадигма. Как указывает Т. Кун, «...решение отказаться от парадигмы всегда есть решение принять другую парадигму...» [Там же, с. 111].

Теория Т. Куна вызвала значительный интерес со стороны исследователей, ряд ее аспектов подвергся критике. Рассмотрим такую часто встречающуюся позицию критики, как представление Т. Куном науки в качестве существующих жестких рамок. Исследователи озадачены тем, что такое представление не оставляет места творческому, активному, преобразовывающему началу исследовательской мысли. Возникает ощущение, что ученый с начала своей деятельности оказывается как бы помещен в жесткую «сетку» предписаний и норм, и даже область и объекты исследования для него предопределены. С. Р. Микулинский и Л. А. Маркова в послесловии к отечественному изданию работы Т. Куна 1977 г. отмечают следующее: «Кун явно сгустил краски, характеризуя особенности научной деятельности в период спокойного развития науки, и сильно сблизил ее с алгоритмизированной деятельностью, почти целиком лишив ее критического и творческого начала» [Там же, с. 287]. Действительно, Т. Кун пишет о «жестко определенной сети предписаний – концептуальных, инструментальных и методологических», в условиях которой существует исследователь [39, с. 287]. Что же касается проявлений индивидуального гения, личных творческих прорывов ученых,

то, по мнению исследователя, это прерогатива почти исключительно либо молодых ученых, либо новичков в данной научной отрасли.

На наш взгляд, для прояснения указанной проблемы следует обратиться к теориям творчества. Полагаем, что, акцентируя внимание на заданной сетке предписаний и правил, Т. Кун, по сути, излагает свою версию критериев научного творчества. Как известно, современные исследователи проблем творчества (в том числе научного творчества) и креативности выделяют ряд критериев – требований к продуктам творчества. Речь идет о критерии объективности нового, критерии целесообразности или уместности, критерии соответствия или полезности (см. работы А. Т. Шумилина, Т. Амабиле). В частности, работы американской исследовательницы Т. Амабиле о творчестве (в том числе о критериях творческой деятельности) получили широкую известность на Западе. Компонентная теория творчества Т. Амабиле получила распространение в 1970-е – начале 1980-х гг., т. е. после публикации работы Т. Куна, однако ее работу логично рассматривать как квинтэссенцию научных тенденций и взглядов, сформировавшихся за определенное время до этого. Таким образом, можно предположить, что в период подготовки работы Т. Куном в западной науке уже складывался взгляд на необходимость своего рода «фильтров» для творчества: каждый продукт творчества, в том числе научного творчества, должен проходить своего рода проверку на предмет целесообразности и «полезности» для общества. Логично предположить, что акцентирование Т. Куном внимания на жестких рамках, предписаниях, правилах для исследовательской деятельности следует рассматривать в первую очередь как критерии-требования к научному творчеству.

В то же время творчество вообще, в том числе и научное, представляет собой выход за пределы. Так, широко известно определение Г. С. Батищева, согласно которому творчество представляет собой «...выход за пределы всякой заранее данной ограниченности, как результат способности со

временем преодолеть любые заранее данные пределы, создать принципиально новую возможность...» [4, с. 57]. Т. Кун также замечает мимоходом, что для подлинного открытия необходим основательный пересмотр парадигм [39, с. 85]. Иными словами, сначала нужно выйти за рамки существующей парадигмы, мыслить вне ее. Вопрос в том, что именно позволяет ученому выйти за рамки этой парадигмы: его индивидуальный гений или уже начавшаяся перестройка философских оснований научных взглядов. По мнению Т. Куна, «новая парадигма или подходящий для нее вариант, обеспечивающий дальнейшую разработку, возникает всегда сразу, иногда среди ночи, в голове человека, втянутого в водоворот кризиса» [Там же, с. 126]. В то же время исследователь мыслит и творит в окружающей его действительности, с присущей конкретной исторической эпохе картиной мира, в определенных социальных условиях. Словом, это обращает нас к давнему и фундаментальному вопросу о соотношении индивидуального и коллективного в характере творчества вообще и научного творчества в частности.

Рассмотрение научных революций в более широком культурно-философском контексте предлагает В. С. Степин. В изложении отечественного теоретика науки процесс смены парадигм представлен более плавно, без резкого перехода. Сам он подчеркивает, что «...перестройка оснований науки не является актом внезапной смены парадигмы (как это считал Т. Кун), а представляет собой процесс, который начинается задолго до непосредственного преобразования норм исследования и научной картины мира» [64, с. 557]. По мысли ученого, такой процесс начинается с философского осознания тенденций в науке, с размышлений над культурными основами научной деятельности, что постепенно приводит к выработке новых идеалов и категорий, составляющих новую научную картину мира.

Большое значение, по мнению В. С. Степина, имеет общая подготовленность культуры к принятию новой картины мира. Он отмечает, что «европейская культура конца

XIX – начала XX в. оказалась подготовленной к восприятию новых идей, лежащих в русле неклассического типа рациональности» [64, с. 576]. Такая подготовленность наблюдалась одновременно в разных отраслях науки: исследователь приводит в пример своеобразную «переключку» между теорией относительности А. Эйнштейна и идеями «лингвистического авангарда», или лингвистической относительности (Й. Винтелер). Принцип конфигурационной относительности, который Й. Винтелер применял к звуковым единицам языка, соотносится с принципом относительности в теории А. Эйнштейна. Более того, подчеркивает В. С. Степин, идеи двух концепций могут быть рассмотрены и в гораздо более широком контексте и сопоставлены с тенденциями того времени в художественном искусстве (импрессионизм, постимпрессионизм) и литературе (психологизм) [Там же, с. 576]. Соответственно, общей философской концепцией для всех описанных тенденций можно назвать изучение, изображение, описание объекта не в его автономности, изолированности, а во взаимосвязи, в отношении к окружающей среде, окружающим единицам. Таким образом, смена парадигмы в одной научной области (в физике, в естественных науках в целом) отражает общефилософские, общекультурные концепции и веяния, обнаруживающие свое присутствие во всех сферах жизни, имеющих отношение к мышлению и сознанию, речь идет о глубинных, порой трудно осязаемых, мировоззренческих установках, определяемых исторической эпохой и определяющих ее.

Соответствие новой парадигмы современным культурным установкам детерминирует ее судьбу: получит ли эта парадигма или теория развитие в науке. Согласимся с В. С. Степиным о заложенной множественности вариантов развития науки. Реконструируя ход исторического развития научной мысли, мы принимаем получившие развитие теории за единственно возможные, хотя на самом деле в момент принятия новой теории или парадигмы всегда существовал ряд альтернатив. Предпочтение одной парадигмы другим определяется сложным комплексом факторов. Как

указывает В. С. Степин: «В эпоху научных революций, когда осуществляется перестройка оснований науки, культура как бы отбирает из нескольких потенциально возможных линий будущей истории науки те, которые наилучшим образом соответствуют фундаментальным ценностям и мировоззренческим установкам» [64, с. 619].

Отметим, что В. С. Степин также акцентирует внимание на важности того, что он называет «парадигмальными прививками». Речь идет о переносе парадигм из одной области науки в другую, т. е., в сущности, о концептах междисциплинарности и трансдисциплинарности. Рассмотрим указанные идеи несколько позже, в частности, применив их к регионологии.

Изучим взгляды В. С. Степина на структуру научных революций. Начнем с прояснения понятия «научные революции». Согласно определению ученого научные революции – это «этапы развития [в науке], связанные с перестройкой исследовательских стратегий, задаваемых основаниями науки» [Там же, с. 533]. Указанная перестройка, в свою очередь, вызвана столкновением науки с новыми объектами исследования, и соответственно, новыми подходами и стратегиями в их изучении. Такой процесс может оказаться глубинным: новые объекты исследования могут потребовать «изменения схемы метода познавательной деятельности, представленной системой идеалов и норм исследования» [Там же, с. 533]. Очевидно, следуя идее Т. Куна о том, что научной революцией целесообразно считать не только радикальную смену парадигм, но и парадигмальные изменения в узкой области определенной науки, В. С. Степин также допускает два вида научных революций: первую можно назвать локальной, или специальной, так как она меняет лишь специальную картину мира; второй тип научных революций видится глобальным, так как такие научные революции подвергают основания, идеалы и нормы науки радикальной трансформации [64, с. 533]. Новшеством, по сравнению с теорией Т. Куна, выступает разделение В. С. Степиным научных революций на внутридисци-

плинарные и междисциплинарные. Соответственно, представляется два пути развития науки: первый предполагает развитие знания внутри дисциплины, а второй – за счет переноса парадигмы из одной дисциплины в другую. Когда наука вступает в свой экстраординарный период, т. е. период научных революций, часто возникают ситуации, когда существующие теории, нарабатывая эмпирические данные и расширяясь за счет включения новых теоретических обоснований, приходят в состояние рассогласования с окружающей действительностью [Там же, с. 536–537]. В этом структура научных революций, представленная В. С. Степиным, идентична структуре, описанной Т. Куном. Возникают, как и описывал Т. Кун, аномалии (В. С. Степин использует термин «парадоксы»). Парадоксы далее разрешаются перестройкой философских оснований науки, что «обязательно предполагает изменение картины мира» [Там же, с. 537]. Как и в концепции Т. Куна, отказаться от существующей парадигмы (сменить картину мира) нелегко, ведь именно уже сложившаяся картина мира выступала основой исследований и воспринималась как наиболее адекватное (скорее, даже как единственно адекватное) отображение действительности. Исследователь, решившийся на такой отказ, должен выйти за пределы существующей парадигмы. Так, Т. Кун, обращаясь к опытам Лавуазье, замечает, что для того, чтобы увидеть в экспериментах открытие (Лавуазье был не первым, кто делал эксперименты, приведшие к открытию кислорода), он должен был основательно пересмотреть парадигмальные подходы того времени [39, с. 85]. Т. Кун, однако, не углубляется в более детальный вопрос самих механизмов такого пересмотра. В. С. Степин же описывает их следующим образом. Ученый отмечает, что исследователю, для того чтобы выйти из кризиса (разрешить парадокс), необходимо занять особую позицию. Ему нужно «выйти из сферы специально научных проблем и рассмотреть их в аспекте закономерностей процесса познания, т. е. обратиться к языку философско-методологического анализа» [64, с. 538–539]. Если в процессе конкретно-научного ис-

следования ученый взаимодействует с математической формулировкой законов, эмпирической интерпретацией и теоретической схемой, соотносящейся со специальной научной картиной мира, то при столкновении с парадоксом исследователю необходимо «подняться» на уровень философско-методологического анализа процесса познания, подвергнуть концептуальному пересмотру основания науки, включающие философские основания, идеалы и нормы науки, общенаучную картину мира, специальную научную картину мира [Там же, с. 539]. Предпринятый исследователем философско-методологический анализ помогает, во-первых, критически оценить основания существующей парадигмы, а во-вторых, сформировать новые основания исследования.

Широкий философский и культурологический контекст, значимость которого для научных революций заявлена в теории В. С. Степина, предоставляет методологические рамки для исследования смены парадигм в социальных науках. Необходимо отметить, что Т. Кун в своих работах вел речь о парадигмах в естественных и точных науках. В этой связи встает вопрос, насколько применима концепция научных революций в общественных науках. Не уделяя внимания социальным наукам в своем основополагающем труде, Т. Кун тем не менее отмечал, что «перехода от допарадигмального к парадигматическому периоду нельзя ожидать в дисциплинах, имеющих социальные и политические системы в качестве объектов исследования» [Цит. по: 56, с. 65]. Как указывает С. И. Платонова, социальные и политические системы слишком сложны и нестабильны, что не позволяет ученым в этих науках прийти к согласованному мнению [Там же]. Заметим, что доминирование одной парадигмы наблюдалось на заре становления, например, социологии (доминирование биологического детерминизма). Это давало повод рассматривать социальные науки как более приближенные к естественным, чем к гуманитарным. Однако уже в тот период отмечалось существование ряда парадигм. В современных социальных науках наличие нескольких парадигм (неомарксистской, феминистской, пост-

модернистской, глобалистской и т. д.) не вызывает сомнения. При этом они сосуществуют достаточно мирно: в целом не наблюдается жесткой конкуренции, полемики, споров между представителями разных парадигм, как это описано у Т. Куна в отношении допарадигмального периода в естественных науках. Более того, многих исследователей в области общественных наук трудно ассоциировать лишь с одной парадигмой, ученые зачастую используют инструментарий многих современных парадигм в зависимости от объекта и задач исследования. По мнению С. И. Платоновой, социальные науки являются в принципе полипарадигмальными, при этом разные парадигмы дополняют друг друга. С. И. Платонова отмечает: «Социальные теории, социальные парадигмы должны рассматриваться не как конкурирующие, а как дополняющие друг друга подходы к изучению социальной реальности. Любая социальная теория является односторонней и должна быть нацелена на критический рефлексивный анализ собственных исходных предпосылок и оснований и, следовательно, на выход за пределы жесткой системы своих исходных познавательных координат. Социальные парадигмы во многом не противоречат друг другу, так как обращены к действиям разных типов или к разным их аспектам» [56, с. 65–66]. Таким образом, ученый приходит к выводу, что логика научных революций подходит в гораздо большей степени для естественных, чем для общественных наук. Для последних справедлива не конкуренция и смена парадигм, а их сосуществование и комплементарность.

Собственно, общественные науки были отнесены к мультипарадигматическим еще М. Мастерманн в ходе дискуссий, разразившихся в русле критики концепции Т. Куна. Мультипарадигматичность предполагает, что в науке присутствуют ряд конкурирующих друг с другом парадигм. Согласимся с тем, что, безусловно, логика социальных наук несколько иная, чем естественных и точных. Также не вызывает сомнения и то, что объекты социальных наук являются более сложными, и исследовательский процесс в целом представляется более подверженным субъективизму. В

то же время нам представляется, что именно общественные науки в гораздо большей степени социально-детерминированы, погружены в культурно-философский контекст своего времени, а значит, следуя вышеописанным идеям В. С. Степина, испытывают воздействие доминирующей картины мира. Иными словами, подход к рассмотрению смен парадигм в социальных науках действительно должен быть иным (на наш взгляд, теория В. С. Степина, придающая большую роль широкому философскому контексту, оказывается здесь более применима, чем теория Т. Куна), однако сама логика научных революций не противоречит в корне логике развития социальных наук. То обстоятельство, что в социальных науках одновременно действуют несколько парадигм, не выглядит препятствием к рассмотрению их в ключе теории научных революций.

Концепция, предложенная В. С. Степиным, подчеркивает детерминированность индивидуального и социального сознания историческими, культурно-философскими обстоятельствами. Осуществление исследовательского процесса и весь его смысл неразрывно связаны со сложившимся типом рациональности и соответствующей ему картиной мира. Как было показано, влияние этой общей философии, этого мировоззрения присутствует не только в науках (как естественных, так и гуманитарных), но и в визуальном искусстве, и в литературе, и, надо полагать, в самой жизненной философии (*lifeworld*). Социальные науки не могут оставаться в стороне от смены общих социокультурных парадигм, а то, что в этих науках одновременно действует целый ряд парадигм, очевидным образом влияет на особенности протекания научных революций в них.

С целью прояснения обозначенной проблемы обратимся к исторической реконструкции развития социальных теорий и парадигм. Одной из наиболее значимых работ новейшего времени предстает труд Дж. Ритцера. Помимо прочего, данный американский ученый является автором термина мультипарадигматичная социология (*multiple-paradigm sociology*) и постулирует наличие множества рав-

ноценных парадигм в современной социологии. Вместе с тем в своем труде «Современные социологические теории» Дж. Ритцер описывает ряд случаев, резонирующих с идеями, высказанными в концепции В. С. Степина, а именно: выбор той или иной парадигмы определяется подготовленностью культуры к ее восприятию (состоянием философско-культурных оснований науки и сложившейся картины мира в целом). Так, описывая теорию М. Вебера, Дж. Ритцер утверждает, что ее принятие научным сообществом было определено тем, что «...Вебер оказался более удобным для поздних социологов-теоретиков с политической точки зрения» [58, с. 47]. Другим примером служит обоснование скептического отношения к теории Г. Спенсера, такая точка зрения сложилась к 1930-м гг. Дж. Ритцер отмечает, что его теория плохо соответствовала текущим социально-политическим и социально-экономическим процессам (война, экономический кризис, ряд серьезных социальных проблем) [Там же, с. 66]. В качестве еще одного примера рассмотрим ситуацию упадка Чикагской социологической школы к 1930-м гг., причины которого хорошо описаны Дж. Ритцером. Ученый отмечает, что одной из важнейших причин упадка влиятельнейшей научной школы стало несоответствие общей научной традиции: в то время как набирала популярность тенденция к количественным методам, Чикагская школа отдавала предпочтение качественным, описательным методам [Там же, с. 74].

Описание Дж. Ритцером состояния британской социальной науки середины XIX в. представляет собой иллюстрацию концепции научных революций: нормальная наука (кумулятивная модель и разработка парадигмы), осознание кризиса, отказ от парадигмы. Дж. Ритцер отмечает: «В середине XIX в. в британской социальной науке ведущее место занимала статистика, этот вид сбора данных считался важнейшей задачей социологии... Парадоксально, но социологи, делавшие упор на статистику, пришли к пониманию ограниченности своего подхода. Некоторые из них стали ощущать необходимость более широкой теоретиче-

ской базы. Для них такая проблема, как бедность, указывала на недостатки в рыночной системе и в совокупности общественных отношений. Однако значительная часть социологического научного сообщества не стала фокусироваться на системе в целом, вместо этого они обратились к более детальным полевым исследованиям и к развитию более сложных и точных статистических методов» [58, с. 53]. Данное описание, на наш взгляд, представляет собой характеристику кризисной ситуации в науке, хорошо изложенной в концепции научных революций. Расхождения с миром действительности (в частности, существование проблем в социальных системах и невозможность их объяснить с помощью статистических методов) осознаются постепенно частью научного сообщества. Большая же часть не спешит отказываться от парадигмы и продолжает ее разработку, усложнение и уточнение методов в попытках подогнать их под реально существующие социальные явления. Дж. Ритцер отмечает, что их сомнения относились к используемым методам, а не к системе как таковой (заметим, что речь фактически идет о парадигме). Британская социальная наука того периода занималась накоплением и отбором социальных фактов, но важным представляется вопрос, каких именно фактов [Там же, с. 53]. Ученый подводит к мысли о том, что исследовательская область была избрана неверно. В свете концепции научных революций добавим, что существовавшая статистическая парадигма детерминировала отбор социальных фактов, сужала области исследования (как и полагается парадигме), однако со временем перестала быть способной объяснять существующие социальные явления. Описанный Дж. Ритцером исторический пример, на наш взгляд, подтверждает правомерность применения концепции научных революций к социальным наукам. Данное обстоятельство видится логичным, учитывая, что Дж. Ритцер является наиболее последовательным сторонником концепции Т. Куна в американской социологии [15].

Четко прослеживается и детерминированность научной картины мира широким культурно-философским контек-

стом. Дж. Ритцер предоставляет превосходный анализ того, как на развитие социологической теории повлияли промышленная революция, рост капитализма, урбанизация, социальные и религиозные изменения [58, с. 19–60].

Таким образом, несмотря на то что Дж. Ритцер постулирует мультипарадигмальность социальной науки, в историческом анализе ее развития, включая постсовременный период, четко прослеживаются тенденции, связанные с постепенным развитием парадигм, концептуальными кризисами, отказами от парадигм, выбором парадигмы среди альтернатив, обусловленным состоянием современной культуры. Фиксируется социальная детерминированность парадигм в общественных науках и их глубокая укорененность в культурно-философских тенденциях, т. е. прослеживается цикл и механизмы развития науки в логике научных революций с поправкой на то, что в момент времени наличествует не одна, а несколько парадигм.

Резюмируя описанные выше идеи, полагаем, что социальные науки (в их числе регионология) предстают *специальным случаем* в рамках концепции научных революций.

1.3. ПРЕДПОСЫЛКИ К НАУЧНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНОЛОГИИ

Как и другие социальные науки, современная регионология также располагает целым рядом парадигм (собственно, они являются общими для широкого ряда социальных и гуманитарных наук). Мультипарадигмальность в регионологии хорошо описана И. Н. Барыгиным.

Мультипарадигмальность регионоведения¹, в представлении И. Н. Барыгина, базируется на том факте, что ключевое его понятие и основная смысловая единица – регион – рассматривается по-разному в рамках разных дис-

¹ Поскольку И. Н. Барыгин пользуется термином «регионоведение» для обозначения научной дисциплины о регионах в целом, то при описании его концепции мы делаем также вслед за ним.

циплин. Таким образом, образуется ряд самостоятельных парадигмальных рядов, которые И. Н. Барыгин определяет как «совокупность парадигм данной науки, имевших и имеющих актуальное значение в настоящее время» [3, с. 116]. Поскольку региональные исследования зачастую носят междисциплинарный характер, исследователь работает не только с несколькими парадигмами (в силу мультипарадигмальности науки о регионах как любой социальной дисциплины), но и с категориями, выработанными в ряде наук с разными парадигмальными основаниями [Там же]. Регионоведение, по мнению И. Н. Барыгина, использует следующий ряд парадигм (общий с другими социальными науками): классическую, модернистскую, постмодернистскую, глобализационную и гендерную. В то же время если региональные исследования проходят в русле и методологических рамках теории международных отношений (как это часто бывает), то исследователь сталкивается со следующей проблемой: теория международных отношений имеет свои парадигмы (И. Н. Барыгин отмечает в качестве таковых реализм, либерализм и радикализм) [Там же]. Таким образом, возникает проблема соотношения и взаимосвязей между различными парадигмами и парадигмальными рядами. Решение проблемы мультипарадигмальности ученый видит в разработке универсальных парадигм для ряда научных дисциплин. В качестве таковых он называет, например, глобализационную и постмодернистскую парадигмы. Кроме прочего, анализ близости парадигмальных рядов позволяет, по мнению И. Н. Барыгина, уточнить место регионоведения в системе общественных наук: оно ближе к социологии и политологии, чем, например, к теории международных отношений [3, с. 118]. Само понимание ключевой смысловой единицы регионоведения (региона), объект исследования, исследовательская проблема определяются одной из используемых в регионоведении парадигм (принадлежащих сфере общественнознания). Постулируя проблему мультипарадигмальности в регионоведении, И. Н. Барыгин замечает, что указанная проблематика раз-

работана в научной литературе на данный момент довольно слабо [3, с. 118].

На наш взгляд, поставленная И. Н. Барыгиным проблема весьма актуальна. Действительно, отсутствие универсальной парадигмы в региональных исследованиях заставляет ученых-регионоведов вновь и вновь дискутировать, обсуждая элементарные категории науки, такие как регион и основополагающие вопросы (например, объективность региона или рассмотрение региона в качестве интеллектуального конструкта). Проясненные универсальной парадигмой базовые категории и вопросы позволяют сконцентрировать усилия на дальнейшей разработке понятийно-категориального аппарата регионоведения и решении актуальных исследовательских проблем, прогрессе регионального знания. Полагаем, что в качестве такой парадигмы способна выступить трансдисциплинарность: именно трансдисциплинарная регионоведение соответствует текущим философско-методологическим основаниям науки, а также широким социальным и культурным условиям. На наш взгляд, применение трансдисциплинарного подхода в регионоведении адекватно отражает современную общую картину мира.

Для того чтобы понять, как современная картина мира влияет на регионоведение, необходимо дать краткий анализ текущих мировых социальных тенденций. Как указывает В. С. Степин, в последней трети XX в. происходит коренная перестройка философско-методологических оснований. Такую перестройку, по мнению ученого, можно обозначить как четвертую глобальную научную революцию, ведущую за собой новый тип рациональности [64, с. 626]. Среди тенденций, ассоциированных с такой перестройкой, исследователь называет распространение мультидисциплинарного подхода и слияние академического и неакадемического знания.

На наш взгляд, обе эти тенденции (наряду с другими) объединяются в феномене трансдисциплинарности. В настоящее время в поле региональных исследований проявляются проблемы, которые не поддаются эффективному рассмотрению с помощью традиционных парадигм регио-

нальных исследований. В быстро изменяющемся мире требуется развитие более гибкого адаптивного знания о регионе, чем систематическое накопление фактов о нем (что было принято, например, в страноведении). В концепции Т. Куна высказывается идея о том, что новая парадигма должна превосходить новые научные результаты [39, с. 57]. В этой связи встает вопрос, какие именно результаты можно предугадывать относительно знания о регионе в текущий период времени – период высокой неопределенности, «хрупкой» экономики, цифровизации, нарастания угроз. Общественные процессы меняются часто: глобальный проект, общество риска, мультикультурализм, европейская интеграция являются «текучими»; в отличие от естественных или математических наук они не ждут, чтобы их решили (как задачи-головоломки, в терминологии Т. Куна), они активно изменяются. З. Бауман в своей концепции текучей современности подчеркивает возрастающую скорость передвижения, мышления, социальных процессов. Для региологии продуктивно рассмотрение утверждения З. Баумана о том, что значение времени возрастает, а значение пространства снижается [5]. Это положение, на наш взгляд, является дискуссионным, но очевидно, что текущие процессы привнесли необходимость концептуального пересмотра пространства в общественных науках. Мы полагаем, что значимость пространства не снижается. Например, в условиях пандемии и перекрытия границ (так называемых локдаунов) разных видов и по разным причинам значимость пространства будет резко возрастать. На этом примере видим, что концепт и концепция пространства, являющиеся ключевыми для региологии, максимально подвержены внешним событиям.

З. Бауман в этой связи в своей концепции раскрывает идею растущей в современных условиях дифференциации между странами разного порядка, т. е. речь идет о неравномерности регионального развития. Скорость, подвижность социальных процессов усиливают дифференциацию между регионами мира, неравномерность в региональном

развитии. В связи с этим парадигма региональных исследований «разворачивается» в сторону изучения закономерностей в региональном развитии, а также причин и факторов неравномерного регионального развития.

Т. Кун утверждает, что исследователь ищет новый способ предсказания, предугадывания [39, с. 57]. В то же время общественные науки как будто смирились с существованием «черных лебедей» (термин Н. Талеба) и пришли к тому, что ряд важнейших социальных событий и процессов предсказывать, предугадывать просто невозможно. Последние события в мире подтверждают такую точку зрения: пандемия вызвала ускоренную цифровизацию, которую никто не предсказывал. Таким образом, «текучесть» современного социального мира и присущая ему высокая неопределенность с «запланированными» неожиданными событиями составляют черты современной картины мира, характеризуют текущий процесс перестройки философско-методологических оснований науки.

Неопределенность круга проблем, стремительно появляющихся перед общественными науками в целом и регионологией в частности, не является непреодолимым препятствием для парадигмы. Как отмечает Т. Кун, «заранее неизвестно исчерпывающе, каковы будут эти проблемы. Нормальная наука состоит в реализации этой перспективы по мере расширения частично намеченного в рамках парадигмы знания о фактах. Реализация указанной перспективы достигается также благодаря все более широкому сопоставлению этих фактов с предсказаниями на основе парадигмы и благодаря дальнейшей разработке самой парадигмы» [39, с. 45]. Трансдисциплинарная парадигма также приоткрывает завесу проблем, которые могут быть решены в регионологии с ее помощью, а конечный ряд таковых неизвестен.

Основываясь на современном состоянии науки регионологии, на социально-культурных чертах современной картины мира, философско-методологических основаниях современной науки, приходим к выводу о том, что в регионоло-

гии существует необходимость в новой парадигме, и ею постепенно становится трансдисциплинарная парадигма (трансдисциплинарная регионология). Далее будут приведены аргументы в поддержку указанного вывода.

Во-первых, требует своего оформления междисциплинарность в регионологическом знании. Например, существующие научные школы в нашей стране, заявляя о междисциплинарных исследованиях, фактически делают упор на одну дисциплину (теорию международных отношений или историю). Такая дисциплина становится доминирующей. Как правило, доминирующей дисциплиной является та, в которой специализируется сам исследователь, или научное подразделение, на базе которого сформирована данная научная школа. В этой ситуации можно вспомнить слова Т. Куна о том, что можно характеризовать исследование «как упорную и настойчивую попытку навязать природе те концептуальные рамки, которые дало профессиональное образование» [Там же, с. 22]. Таким образом, значительная часть научных школ, заявляемых как междисциплинарные, в реальности имеют свои концептуальные рамки. Например, научная школа, базирующаяся на факультете международных отношений, придерживается в первую очередь теории международных отношений, на филологическом факультете действуют филологические, лингвокультурологические и иные рамки. Вместе с тем нарастает осознание необходимости компетентности в разных сферах и эффективного способа организации связей между компетенциями в разных областях. Таким способом организации связей и может выступить трансдисциплинарность.

Во-вторых, в настоящее время можно говорить о складывающейся исключительной ситуации в мире и отражении ее в регионологии. Вспомним, что одно из определений научных революций, предлагаемых Т. Куном, – это «исключительные ситуации, в которых возникает... смена профессиональных предписаний», возникает новый базис научных исследований [39, с. 23]. Для регионологии, на наш взгляд, такой исключительной ситуацией является уникальная

двойственная конфигурация в современном мире, когда, с одной стороны, регионы начинают играть роль субъекта (субъекта экономики, международных отношений, обеспечения безопасности), рассматриваются в качестве источника эндогенного роста, инноваций, территориального капитала, а с другой стороны, происходит «отрыв» от территории, нивелирование привязки к территории (например, как следствие тенденций цифровизации и т. д.). Востребованность трансдисциплинарной парадигмы в регионологии соответствует возрастающей сложности региона как системы.

В-третьих, в регионологии уже сложился ряд «расхождений» с окружающей действительностью, или «парадоксов», в терминологии В. С. Степина, что свидетельствует о назревающей необходимости смены парадигм. Приведем некоторые из таких «расхождений»:

1. Доминирование «западного» взгляда. Даже когда вводится понятие альтернативных мировоззренческих установок, то их вынужденно вводят как Не-Запад (см. работы А. Д. Воскресенского), т. е. определяют их через Запад, как обратное от Запада. Это говорит о неизученности, непредставленности «другого», «незападного» (мы также вынуждены использовать такое понятие).

2. Понимание регионологического знания как системы знаний об определенном регионе, которая формируется исходя из соответствующего и общепринятого интеллектуального конструкта (в данный период времени). Так, региональные исследования Ближнего Востока опираются на интеллектуальный конструкт «Ближний Восток», определяемый современными тенденциями (это богатый нефтью регион, исламский и «конфликтный»).

3. Принятие парадигмы глобального общества, что тесно связано с доминированием западной науки. Западные, развитые страны живут в глобальном, постиндустриальном («текущем», по З. Бауману) мире, а другие регионы не вписываются в этот мир.

4. Доминирование методологии определенной области знания, отсутствие попыток разработки собственной мето-

дологии регионологии. Полагаем, что это отчасти исходит от времени концептуального кризиса науки о регионе (в американоцентристском понимании, *area studies*²), когда внимание исследователей было акцентировано на том, что *area studies* не имеют собственной методологии и опираются на другие дисциплины. Тяготение к заимствованным методам (политологическим, историческим, лингвистическим и т. д.) вызывает требование относить регионологические исследования к этой науке – политологии, истории, лингвистике и т. д. Таким образом, регионология как бы скрывается в тени «доминирующей» науки.

В-четвертых, как новая парадигма трансдисциплинарная регионология призвана сформулировать проблему и гарантировать «существование определенного решения» [39, с. 50]. Перечислим ряд проблем, которые формулирует парадигмальная теория трансдисциплинарной регионологии:

- проблема комплексного рассмотрения региона как нового типа субъекта во всех видах отношений, как нового игрока в политической, экономической, социальной системе;
- проблема региона в пересечении глобализационных и локализационных тенденций;
- проблема переосмысления пространства;
- проблема переопределения роли национальных государств и регионов (региональных образований) в контексте нового витка развития информационных технологий (большие данные, разработка искусственного интеллекта), возрастания мощи и роли корпоративного мира, новых социальных движений (новый феминизм, новые движения за права этнических меньшинств), биологических и других угроз.

В-пятых, современная регионология тяготеет к объединению академического и неакадемического знания. Регионологические исследования тесно связаны с целями социально-экономического развития. Разработкой концепций регионального развития занимаются не только исследова-

² См. приложение.

тели, но и представители экспертного общества, включающего членов широкого ряда государственных и негосударственных организаций. В свою очередь, объединение традиционного академического знания с другими видами экспертизы является характерной чертой трансдисциплинарности.

Наконец, явным признаком, предшествующим возникновению новой парадигмы (симптомом научной революции, как это определяет Т. Кун), является кризисная ситуация в науке. Такой кризисной ситуацией, очевидно, выступает концептуальный кризис регионологии на рубеже XX–XXI вв. Здесь необходимо отметить, что одной из основных движущих сил развития науки о регионах было оформление и распространение в США в середине XX в. такой области знания (в основном университетской науки), как *area studies*. Это дало импульс к открытию учебных и научных подразделений, специализирующихся в региональном (в основном страноведческом) знании. В США основывались программы восточно-европейских, латиноамериканских, африканских и других регионологических исследований. Данные программы были стратегическими и усиленно финансировались с самого начала их появления. Такое развитие было связано с тем, что в условиях начавшейся холодной войны США обнаружили нехватку организованного знания о странах – стратегических соперниках. Как реакция в ответ на такие программы интенсивно развивались программы и в оппозиционном блоке. Так, в начале 1960-х гг. в СССР начали открывать программы североамериканских исследований. Таким образом, всплеск *area studies* во второй половине XX в. был обусловлен разворачиванием холодной войны. Соответственно, по окончании холодной войны *area studies* потеряли одно из важнейших обоснований своего существования. Однако это явилось не единственной причиной концептуального вызова регионологии в конце XX в.

Другим важным вызовом стала интенсификация глобализационных процессов и, соответственно, усиление дискурса глобализма. К XXI в. глобальные процессы постепен-

но ослабляют границы регионов. Глобализация предполагает философию и практику противопоставления глобального сообщества локальному сообществу, в то время как традиционное понимание региона как геополитического, социально-политического и социокультурного конструкта при этом «западает». Глобализация и глобализм ставят под сомнение необходимость скрупулезного изучения характеристик отдельного региона, поскольку рассматривают социальные процессы как достаточно универсальные для разных регионов мира [4, с. 123].

Третьим крупным вызовом для регионологии стало появление и популяризация во второй половине XX в. универсальных социологических теорий. Например, теория рационального выбора не является регион-специфичной и нивелирует региональные особенности. Она предписывает анализировать электоральное или потребительское поведение людей в любом регионе мира – России, США, Японии, арабских странах – без учета региональных факторов, например, особенностей национального менталитета или уникальных характеристик социально-политических институтов в указанных регионах. Безусловно, такой универсальный подход к любому региону отрицает важность знания региональных особенностей, представляя собой вызов для традиционных регионологических исследований.

Вышеописанные причины являются важнейшими, но не единственными причинами, вызвавшими к началу XXI в. концептуальный кризис регионологии, отчетливо прослеживающийся в западном академическом дискурсе. К этому времени назрела необходимость реконцептуализации науки о регионах, а перед исследователями встала задача поиска новой парадигмы.

1.4. ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ КАК НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА

В современном мире тенденция к стремлению к системному, комплексному, интегральному знанию отражается в актуализации междисциплинарных и трансдисциплинарных подходов. Очевидно, основной причиной востребованности такого знания и, соответственно, указанных подходов является усложнение мировых процессов, появление и обострение целого ряда проблем глобального масштаба. О распространении трансдисциплинарного подхода свидетельствует основание и функционирование национальных школ трансдисциплинарности: российской, американской, французской, швейцарской, китайской и др. Немаловажно и то, что в формирующемся информационном обществе все большее значение обретает экономика знаний, следовательно, закономерен интерес к способам организации знаний, ключевым из которых на сегодняшний день видится трансдисциплинарный подход.

В глобальном контексте трансдисциплинарность представляет собой способ организации, структурирования знания. Так, Х. дю Плесси и другие определяют трансдисциплинарность как «попытку сформулировать интегративный процесс производства и распространения знания» [73, р. 18]. Трансдисциплинарность видится как реакция на увлечение дисциплинарным разделением наук в XX в. [Там же]. В этом смысле трансдисциплинарность можно рассматривать как возврат к периоду до четкого установления дисциплинарных границ. Интересно, что сами основатели дисциплин (например, О. Конт – основоположник социологии) создали свои теории и методы, не будучи ограниченными рамками дисциплин в силу еще отсутствия оных, но основываясь на знаниях из многих научных областей [70]. Возможно, еще более показателен пример эпохи Возрождения с культом *homo universalis*, идеей всестороннего развития человека, предполагавшей продуктивную интеграцию целого ряда дисциплин (гуманитарных и естественных), а также искусства и ремесел.

Ключевым в этом плане становится вопрос о том, насколько важна трансдисциплинарность для организации и структуризации знания. Интересную точку зрения обнаруживаем у Х. Петри: трансдисциплинарность может послужить своего рода гарантом объективности знания [93, р. 308]. Действительно, в случае с регионологией существует опасность политической ангажированности (достаточно вспомнить негативный ореол, преследующий геополитику). Социальная теория склонна к попаданию под влияние популистских идей, подвержена политическому и социальному заказу. Таким образом, трансдисциплинарный подход в этих науках служит «гарантией качества» знания, уравнивает точки зрения, предотвращает «перекосы». Более того, некоторые важнейшие теории общества, такие как марксизм, структурализм, феминизм, являются примерами трансдисциплинарности [Там же, р. 305]. В случае использования трансдисциплинарного подхода знание выстраивается вокруг темы или проблемы: этот подход является проблемным [104, р. 19]. Он применяется для решения задач, существующих в реальном мире, имеющих практическое значение. Трансдисциплинарность позволяет оценить явления с множества углов зрения и предоставляет обществу возможность творческого поиска решения проблем [73, р. 11]. В этом аспекте особенно отчетливо проявляется взаимосвязь трансдисциплинарности с креативностью.

Полагаем, что именно в случае трансдисциплинарного подхода (в сравнении с дисциплинарным, мультидисциплинарным и междисциплинарным) требуется высокий уровень креативности. Трансдисциплинарность предполагает перенос когнитивных схем из одной сферы в другую. Таким образом, создается ситуация, уникальная для каждого рассматриваемого явления. При пересечении дисциплин, при переносе мыслительных схем, исследовательских стратегий, теорий и методов, при включении неакадемического знания возникает нечто новое, не бывшее ранее. Креативный характер (создание принципиально нового) трансдисциплинарности связан с ее проблемо-

ориентированностью, с поиском решения реальной задачи, так как креативность представляет собой генерирование идей, специфично подходящих для данных условий [75]. Более того, как креативность, так и трансдисциплинарность неизбежно предполагают выход за рамки устоявшихся схем мышления и интеллектуальных конструкций.

Трансдисциплинарность раздвигает рамки не только дисциплин, смешиваются и ракурсы: объективное и точка зрения ученого, внешний и инсайдерский взгляд, экспертное и популярное, теоретическое и практическое, фундаментальное и прикладное. Разные сферы знания имеют отличительные особенности восприятия и адаптации трансдисциплинарных исследовательских матриц, однако, полагаем, что существуют области знания, для которых органичен трансдисциплинарный подход. Одной из таких областей является знание о регионе.

Регионология изначально развивалась в мультидисциплинарных и междисциплинарных контекстах [104, р. 22]. Как указывает Дж. Превелакис, концепт географического пространства, как и политического, невероятно сложен и интегрирует все аспекты человеческой жизни [95, р. 295]. В современной регионологии исследуются географическое, политическое, экономическое, социальное, культурное пространства, что порождает сложную архитектуру взаимосвязей между разными видами пространства, а также разными элементами в регионе как системе. И. Валлерстайн в знаменитом докладе в Исследовательском центре по социальным наукам в 1996 г. приводит *area studies* как успешный пример междисциплинарного подхода, которому должны последовать другие социальные науки [107].

Известно, что *area studies* как академическая дисциплина развивается с 1940-х гг. Появление и продвижение регионоведения началось с США и финансировалось научными фондами с четкой целью получить информацию о стратегическом сопернике. Помимо контекста развертывания холодной войны, США приобретали вес на политическом поле, расширяли зоны жизненных интересов. В таком

свете интенсивное наращивание базы знаний о геополитических регионах становилось все более востребованным. Сама логика развития area studies разворачивается вокруг проблемы или задачи – поиск, анализ, интерпретация и структуризация знаний о регионе, государстве, политическом и/или географическом пространстве. Ориентированность на конкретную задачу способствует снятию ограничения дисциплинарными рамками, дисциплинарными парадигмами.

Трансдисциплинарность предполагает включение не-академического знания. По мысли В. Шэфера, должно иметь место не только взаимодействие специалистов различных дисциплин, но и привлечение других акторов [97]. Региональные проблемы требуют участия федеральных и муниципальных властей, бизнеса, некоммерческого сектора, гражданского общества. Современная парадигма регионального управления предполагает включение в вопросы принятия решений многих акторов и продвигает различные виды многостороннего партнерства. В этом смысле региология может послужить для других областей знания своего рода примером в организации взаимодействия между исследователями и акторами не-академической сферы.

Уникальным в смысле применения трансдисциплинарного подхода видится Азиатско-Тихоокеанский регион. По структуре он весьма разнороден и включает страны и пространства, значительно отличающиеся друг от друга и по историко-культурному наследию, и по социально-экономическому уровню. Помимо необходимости изучения всех интегративных элементов с позиций ряда дисциплин, для данного региона целесообразна комбинация исследовательских подходов. Как отмечает А. Дирлик, АТР является регионом, «сформированным взаимодействиями капитала, труда и культуры и структурированным оппозициями Востока и Запада («столкновение цивилизаций»), внутренним и внешним (противопоставление коренного населения и цивилизации), Севера и Юга (неравенство в развитии), «верхом» и «низом» (иерархия акторов)» [72, р. 7]. Приве-

денное определение ярко отражает ключевую роль трансдисциплинарных тем в конструировании АТР как региона и выборе исследовательских стратегий. К трансдисциплинарным исследователи относят темы, которые целесообразно изучать при помощи трансдисциплинарного подхода, поскольку ни одной из существующих дисциплин недостаточно. Среди таких тем – гендер, класс, неравенство, феминизм, национализм, капитал и т. д. [70; 104, р. 19]. С этой точки зрения перспективным представляется исследовательский подход, при котором АТР структурирован трансдисциплинарными темами и в связи с этим требует рассмотрения в данной парадигме.

На сегодняшний день осознание роли трансдисциплинарности в регионологии и необходимости реструктуризации регионологического знания в контексте трансдисциплинарных тем привело к развитию концепции трансдисциплинарной регионологии (Е. В. Кремнев, О. В. Кузнецова, Е. В. Лесниковская, С. Б. Макеева, Н. С. Карачева). Она призвана выполнить важнейшую функцию в реструктуризации знания о регионе в современных условиях, а ее теоретическая часть должна выполнить «систематизацию понятийного аппарата и методологической базы там, где с этой задачей специальные субдисциплины, существующие на стыке с другими науками, справляются лишь частично» [36, с. 41].

В целом трансдисциплинарный подход представляется органичным и целесообразным для применения в регионологии по целому ряду причин: изначальная междисциплинарная основа, проблемно-ориентированность, структурированность трансдисциплинарными темами, взаимодействие исследователей и неакадемических акторов (государство, бизнес, гражданское общество). В перспективе для продуцирования трансдисциплинарных когнитивных схем важно развитие своего рода метадисциплины, которая позволила бы эффективно организовать и структурировать знание о регионе в условиях усложнения глобальных процессов в соответствии с принципами системного, комплексного знания.

ГЛАВА 2

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНАЯ РЕГИОНОЛОГИЯ КАК НОВЫЙ ЭТАП НАУКИ О РЕГИОНАХ: ЭВОЛЮЦИЯ, СТРУКТУРА, МЕСТО СРЕДИ ДРУГИХ НАУК

2.1. ЭВОЛЮЦИЯ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЙ РЕГИОНОЛОГИИ

Под эволюцией трансдисциплинарной регионологии в широком смысле мы понимаем длительный исторический процесс, в результате которого сложилась общая мировая система современной трансдисциплинарной регионологии. Применяя принцип континуальности и учитывая специфику территорий, где формировалось свое регионологическое знание, мы предлагаем рассматривать его эволюцию как совокупность трех относительно длительных этапов, начало и окончание которых будет варьироваться в зависимости от стран и регионов:

- 1) период проторегионологического знания (до начала формирования научного знания в дисциплинарном смысле);
- 2) период систематического регионологического знания (изучение регионов в рамках других наук до закрепления самостоятельного статуса науки о регионах);
- 3) период институционализованного регионологического знания (с момента закрепления самостоятельного статуса науки о регионах в различных ее проявлениях).

Проторегионологический период предполагает наличие знания о регионах задолго до того, как началось его накопление в рамках сформировавшихся научных дисциплин. В Европе он продолжался до конца XVI в. – начала XVII в., в России – до начала XVIII в. Российское регионо-

логическое знание этого периода связано с такими источниками, как отдельные факты и сведения в русских летописях; греческие и южнославянские книги; хождения как жанр проторегионологического знания; страноведческие описания, составляемые в процессе освоения Сибири, Дальнего Востока и Восточной Азии; переписные книги и карты и т. д. [40]

В странах Восточной Азии этот этап ассоциируется с так называемой традиционной наукой, т. е. совокупностью научных знаний, накопленных до проникновения в эти страны западного позитивистски ориентированного знания. В частности, в Японии этот период продолжался до середины XIX в. и в завершающей своей части характеризуется через культурное противостояние трех традиционных направлений: китаеведения (заимствование китайского знания), голландоведения (изучение Европы в первую очередь через контакты с голландцами) и школы национальных наук (исследование и популяризация собственных, японских традиционных школ и учений) [34].

Неразделенность, комплексность знания на этом этапе во многом определила дальнейший путь регионологии: она сохранила несвязанность строгими рамками отдельной дисциплины и на дальнейших этапах.

Период систематического регионологического знания позволил сведениям о регионе собираться, систематизироваться и анализироваться в рамках отдельных дисциплин: на первом этапе – истории и географии, на последующих в рамках междисциплинарных отраслей.

В России в этот период на досоветском этапе (XVIII–XIX вв.) проходит активное развитие отечественного страноведения в рамках описательной географии, а также формирование отраслей знаний о зарубежье, в частности, востоковедения и китаеведения [23]. В советское время продолжается развитие отдельных монорегиональных дисциплин, а также формируются подходы к изучению регионов в рамках, в частности, экономической географии, районной школы, экономико-географического страноведения и комплексного проблемного страноведения. Параллельно с этим активно

развиваются некоторые направления регионологического толка, сформировавшиеся к этому времени как отдельные научные направления (востоковедение здесь также выступает ярким примером). На Западе одновременно с нашим страноведением формируются *area studies* тоже как предтеча науки о регионах в виде комплексного мультидисциплинарного поля.

Европейские регионологические парадигмы этого периода можно разделить на географический детерминизм-поссибилизм и хорологическую концепцию. В рамках парадигмы географического детерминизма-поссибилизма (с XIX в. до середины XX в.) регион рассматривается как данность и ресурс, а базовыми концептами являются «территория» и «человек». С точки зрения хорологической парадигмы (первая половина XX в.) регион выступает в качестве упорядоченного пространства, структуры, а основные концепты этой парадигмы – это архитектура связей в пространстве и организация физического и ментального пространства. Эти две парадигмы сформировали дальнейшие (современные) концепции региональных исследований.

Для многих стран Восточной Азии период систематического регионологического знания стал переломным, хотя и начался значительно позже. Китай и Япония, например, полностью обновили свое представление о научном знании, подходах и методах с середины (конца) XIX в. Были и страны, для которых этот этап прошел довольно болезненно, в частности, для Кореи: процессы формирования систематического регионологического знания, начавшиеся с конца XIX в., были прерваны этапом колонизации Японией (1910–1945 гг.) и последующим кризисом науки и образования.

Период институционализированного регионологического знания в разных странах связан с событиями неоднородного значения и масштабности. Чуть раньше были США и Европа, где сформировались региональная наука (*regional science*, 1950-е гг.) и региональные исследования (*regional studies*, 1960-е гг.). В СССР в 1980-е гг. начала подниматься тема создания нового научного направления, реализовав-

шаяся в полной мере уже в 1990-е гг., когда началось развитие научных школ и направлений под разными названиями, среди которых самыми востребованными оказались регионология, регионалистика и регионоведение³. Наука о регионах в разных странах стала нащупывать собственный путь или заимствовать векторы движения из других стран. В частности, региональная наука У. Айзарда сосредоточилась на экономических аспектах, региональные исследования стали позиционировать себя как поле междисциплинарных и мультидисциплинарных встреч других отраслей, при этом регион в современной европейской парадигме выступает как единица глобальной конкуренции и субъект развития, а в качестве базовых понятий выступают знание, развитие, инновации. Российские направления стали развиваться на базе той или иной профильной науки (политологии, социологии, экономики и т. п.). Китай в 1980–1990-е гг. для внедрения в свою научную сферу выбрал региональную науку (ее экономическая ориентация лучшим образом соответствовала запросам государства и общества на экономическое развитие), Япония активно развивает региональные исследования в самом разнообразном ключе: культурно-историческом, языковом, политическом, экономическом. Активно стали развиваться региональные исследования в Южно-Тихоокеанском регионе: сначала под сильным влиянием бывших метрополий, а затем, в связи с усилением постколониальных концепций, там началось внедрение собственных подходов к изучению региональной проблематики [27].

Именно в этот период мировое регионологическое знание разделилось: с одной стороны, оно пыталось сохранить свою комплексность, с другой – распалось на части в связи с диктатом дисциплинарного подхода. В итоге оно столкнулось с парадигмальным кризисом, ответом на который становится трансдисциплинарность.

³ Сопоставительная характеристика терминов, служащих для номинации научных направлений и учебных дисциплин о регионах, приведена в приложении.

2.2. СТРУКТУРА ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЙ РЕГИОНОЛОГИИ

2.2.1. Теоретические основания анализа структуры трансдисциплинарной регионологии

Генерализующая функция трансдисциплинарной регионологии, необходимость охватить широкое и разноплановое научное поле заставляют рассматривать структуру этой дисциплины как приоритетную проблему. Место научной школы, направления, конкретного исследования в общей структуре регионологии является ключом к пониманию целей, задач, предмета, объекта, методов и перспектив регионологического знания. Указанная проблема может быть решена в трансдисциплинарном поле, поскольку позволяет смотреть на совокупность регионологических исследований не через призму того, насколько они вмещаются или не вмещаются в границы той или иной дисциплины, а через их функции. Дисциплинарность в этом случае остается опцией, одним из частных случаев трансдисциплинарности, а не базовой категорией.

Анализ наиболее значимых школ и направлений выявил несколько важных факторов, определяющих общую картину регионологии, и анализировать ее структуру необходимо, учитывая эти факторы.

Первый фактор – культурно-исторический: есть страны и регионы, в которых регионологическое знание прошло собственный путь развития и потому воспринимается научным сообществом через призму культурного и исторического багажа этой страны или региона. Поэтому справедливо говорить о структуре регионологии в отдельных странах или регионах (в случае, если регионологическое знание в этих регионах образует единое научное поле), указывая на межстрановые и межрегиональные научные связи и интернациональное взаимовлияние школ и направлений друг на друга.

Следует отметить, что регионы мира обладают весьма разнородными наработками в изучаемой области. Есть такие, где научные исследования опираются на общемировые тенденции, и те, что настаивают на необходимости разработки собственного пути. Кроме того, при детальном изучении становится очевидной выраженная направленность региональных исследований в разных странах. В большинстве стран не упускается ни одно из направлений развития регионов: экономическое, политическое, социальное, культурное и т. п. Между тем региональная наука У. Айзарда направлена в первую очередь на анализ социальных и экономических процессов внутри обозначенного исследователем пространства [79]. Китайские работы в значительной своей части сосредоточены на экономических вопросах [43], японские акцентируют внимание на проблемах межкультурного взаимодействия [110], а значительное число российских работ – на проблемах международных отношений и мировой политики [32].

Второй фактор – политический: региональные исследования и их векторы в отдельных странах и регионах сильно зависимы, как и любая наука, от местного политического строя и политической культуры. Этот фактор влияет не только на выбор направлений развития, но и на то, какой вклад регионология вносит или имеет возможность вносить в региональное экономическое, политическое, социальное, культурное и иное развитие.

Структура регионологического знания в трансдисциплинарной парадигме может быть проанализирована по следующим признакам:

- 1) уровни регионологических исследований, школ, направлений и субдисциплин;
- 2) степень трансдисциплинарности школ, направлений и субдисциплин;
- 3) степень трансрегиональности школ, направлений и субдисциплин.

Первое из оснований – **уровни по соотношению теории и практики** – обусловлено тем, что регионологическое

научное знание крайне неоднородно по признаку наличия в нем теоретического и практического компонентов. Его можно разделить на следующие уровни: фактологический, аналитический и теоретический.

На *фактологическом уровне* проходит сбор данных по региону. Такого рода исследования имеют выраженную практическую направленность, их цель – умножение систематизированных знаний об изучаемой территории и основных ее особенностях: исторических, экономико-географических, социально-политических, лингвистических и др. Эта работа может проводиться как на международном уровне (изучение странами и более крупными регионами друг друга), так и на локальном (изучение особенностей отдельных районов страны, их этносов, культуры, языка и других особенностей). Значительное число таких работ завершается собственно сбором сведений. Этот результат нередко оказывается ценен сам по себе, он является серьезным вкладом во взаимное изучение различных стран и регионов, углубление культурного обмена и, как следствие, преодоление проблем межкультурной коммуникации. Многие страны отводят региональным исследованиям особую роль в установлении межэтнического взаимодействия, в частности, такое мнение высказывает японское научное сообщество в лице Научного совета Японии и его Комитета региональных исследований [112].

Нередко этот уровень недооценивается. Довольно распространенным является мнение, что в современных гуманитарных науках сбор данных, не подвергающихся непосредственной аналитике, нельзя считать полноценной научной деятельностью. Кроме того, часто в качестве критики выступает и тот аргумент, что изучение одного конкретного региона в отрыве от других, без сравнительного анализа, лишает добытые сведения ценности: для изучения регионального развития важным является сопоставление параметров разных регионов, поскольку без этого невозможно отталкиваться от каких-либо критериев в установлении уровня развития региона. Вместе с тем ответом на

первое критическое замечание становится как раз важность подобных исследований не в их оторванности от общей системы регионологического знания: всякое собранное и систематизированное знание может быть в дальнейшем обработано и проанализировано либо самим исследователем при переходе на аналитический уровень, либо другими регионологами, для которых собранный материал послужит базой для исследования. Кроме того, существование таких устоявшихся научных дисциплин как востоковедение, изучающих регионы и успешно формирующих фактологическое знание о них, подтверждает важность и фундаментальность такого рода отраслей и направлений. Второй критический аргумент – отсутствие сопоставления как важной составляющей регионологического знания – игнорирует тот факт, что изучение иного региона есть не что иное, как сопоставление его специфики с культурно-цивилизационным опытом своего собственного региона, фактологический уровень – это установление критериев неодинаковости и одинаковости, где отправной точкой являются характеристики своего ареала.

Кроме того, дискуссия о важности фактологического уровня показывает и разнородность научных дисциплин, изучающих регионы. Для значительного числа экономистов и социологов на первое место довольно часто выходит применение количественных методов, что экстраполируется и на изучение соответствующих региональных проблем. Между тем антропологи и этнологи не представляют своих регионологических исследований без того, что в случае с регионологией находится на фактологическом уровне.

Аналитический уровень предполагает переход от сбора сведений различного рода к их анализу с целью решения конкретных региональных проблем. Комплексный трансдисциплинарный анализ позволяет выявить, в частности, факторы неравномерного развития регионов и выработать стратегии по совершенствованию их экономических и социально-политических систем. Другой важной проблематикой для разработки на этом уровне являются трудности межрегионального взаимодействия.

Основные задачи *теоретического уровня* заключаются в разработке теоретических основ изучения региона как объекта, подходов к выделению его универсальных и уникальных характеристик, определения границ изучаемой территории, методов исследования отдельных регионов, их групп и способов их взаимодействия. Теоретическая база региональных исследований, ее разработка и обоснование – важнейшая на сегодня задача в рамках институционализации регионологии как науки.

В России в ряду наиболее системных и комплексных работ в этом направлении следует назвать достижения нескольких школ: в историческом ключе – школы Н. Н. Баранского, И. А. Витвера, Я. Г. Машбица, в современном – школы и подходы А. И. Сухарева, А. Д. Воскресенского, А. Г. Гранберга, И. Н. Барыгина, Ю. Г. Волкова, В. А. Дергачева, Л. Б. Вардомского и др. [40].

За рубежом значительный вклад в эту отрасль сделан в рамках американской школы региональной науки У. Айзарда с участием представителей Международной ассоциации региональной науки [38]: японские регионологи, прежде всего, Т. Аоки, Д. Ито, Т. Кавасита, С. Киути, Х. Нисюка, Х. Судзуки, М. Фудзита и др. [34], среди китайских представителей региональной науки следует упомянуть Ли Вэньяня, Лу Дадао, Лю Цзайсина, Ли Цзинвэня, Сунь Шанцина, У Чуаньцзюня, У Шуцина, Ху Сювэя, Ху Чжаоляна, Цзоу Дэцы, Чэнь Шупэна, Ян Кайчжуна, Ян Уяна, Ян Шучжэня и др. [43, с. 164].

Следующее основание к выделению элементов структуры трансдисциплинарной регионологии производится **по степени трансдисциплинарности** школ, направлений и субдисциплин. Трансдисциплинарность как концепция не отрицает возможность использования одной или нескольких дисциплин как базы для исследования, она, скорее, освобождает от такой необходимости. Тем не менее очевидно, что степень трансдисциплинарности – важный фактор оценки роли и места как конкретного исследования, так и научной школы. Здесь можно выявить несколько уровней:

1) монодисциплинарность: изучение региона или региональной проблемы на базе одной дисциплины; исследователь довольно часто не ассоциирует свою деятельность непосредственно с регионологией, его отрасль – это региональная политология, региональная социология, региональная экономика и т. п.;

2) доминантная дисциплинарность: изучение региона или региональной проблемы на базе одной дисциплины или двух-трех дисциплин, с привлечением междисциплинарных и даже мультидисциплинарных подходов; начиная с этого уровня исследователь, как правило, относит себя к системе регионологического знания;

3) мультидисциплинарность: изучение региона или региональной проблемы на базе нескольких дисциплин без выбора базовых;

4) собственно трансдисциплинарность: комплексное изучение региона или региональной проблемы без привязки к конкретным дисциплинам с привлечением неограниченного инструментария любых научных дисциплин и практического опыта с соблюдением базовых принципов научной деятельности.

Как уже указывалось выше, трансдисциплинарность не исключает первые три уровня, поскольку ее задача не отрицание дисциплинарности, а повышение возможностей проходимости дисциплинарных границ. В случае если трансдисциплинарность начинает превалировать, исследователь отталкивается в своей работе от иных оснований: гендерных, глобализационных и т. д.⁴ При снижении степени трансдисциплинарности исследователи полагаются на отдельные дисциплинарные сферы, формируя направления на их базе. В частности, это социокультурное регионоведение, в качестве основной цели которого постулируется необходимость изучить «неизменные на территории данного региона приоритеты и доминаты», а также «местную “дырчатость” культуры, которая не только создает лакуны в

⁴ Подробнее о парадигмах регионологических исследований можно прочесть у И. Н. Барыгина [2005].

формообразовании слов, но и лакуны в явлениях и понятиях культур» [54, с. 109]; политическая регионалистика, призванная ответить на вопросы «о природе политического пространства, его региональной стратификации, о границах суверенитета территориально-пространственных политических акторов» [16, с. 137]; мировое комплексное регионоведение, изучающее «закономерности процесса формирования и функционирования социально-экономической и социально-политической систем регионов мира с учетом исторических, демографических, национальных, религиозных, культурно-антропологических, экологических, политико-правовых, природно-ресурсных особенностей, места и роли в международном разделении труда и системе (подсистемах) МО [международных отношений]» [8, с. 88].

Примером выделения субдисциплин в зависимости от конкретизированного предмета изучения могут служить японские региональные исследования, в рамках которых Комитет региональных исследований Научного совета Японии предлагает выделять такие разделы, как *area studies* (используя именно англоязычный термин и указывая на западное происхождение этой дисциплины), гуманитарно-экономическая география, антропология, международная региональная девелопментология, региональная информатика [112].

По степени трансрегиональности среди школ, направлений и субдисциплин можно выделять:

1) **монорегиональные**, т. е. направления с условно нулевой трансрегиональностью⁵, сосредоточенные на одном

⁵ Условность детерминирована двумя факторами. Во-первых, всякий регион, рассматриваемый как условный конструкт, может восприниматься как единое целое или как совокупность субрегионов в зависимости от задач исследования. В случае выделения общих региональных признаков у Азиатско-Тихоокеанского региона его изучение в рамках конкретного проекта также может быть отнесено к монорегиональным исследованиям. Во-вторых, в реальности не существует изучаемого региона вне контекста его существования среди других регионов мира: изучение специфики уже подразумевает, что исследователь невольно сравнивает объект изучения с некой «нормой», чаще всего с родным регионом, в котором исследуемая специфика отсутствует, а потому и воспринимается как что-то особенное, непривычное.

регионе или проблеме одного региона (с учетом условности региона как конструкта);

2) трансрегиональные, т. е. сосредоточенные на межрегиональной проблематике (от двух и более) или принципах взаимодействия регионов в целом.

2.2.2. Комплексная структура трансдисциплинарной регионологии

Синтез описанных выше оснований может дать понимание регионологических исследований с разных сторон. Совмещая последние два – **по степени трансдисциплинарности и трансрегиональности** – еще нельзя выстроить общую схему трансдисциплинарной регионологии в целом, но можно показать уровни регионологических исследований. Для этого хорошо подходит схема Ямамото Хироюки [115, р. 26], который выделил три уровня исследований в университетской научной среде (рис. 1).

Верхний уровень может обладать высокой степенью как трансрегиональности, так и трансдисциплинарности за счет того, что там расположены совместные исследования, направленные на изучение глобальных и региональных проблем. В связи с вовлеченностью в такого рода проекты большого количества участников из разных наук процесс работы приобретает выраженный трансдисциплинарный характер, а у коллектива есть возможность проводить сравнительный анализ и формировать новое знание на основе изучения большого количества регионов. При этом участникам крупных совместных проектов не обязательно относить себя к регионологам. Сюда же можно относить некоторые университетские профили обучения в сфере регионологии: научный продукт, производимый ими, часто отличается теми же свойствами – трансдисциплинарностью и трансрегиональностью, поскольку в его производство включено большое количество участников с различными научными интересами: обучающихся, преподавателей, исследователей, работников лабораторий при вузах и т. п.

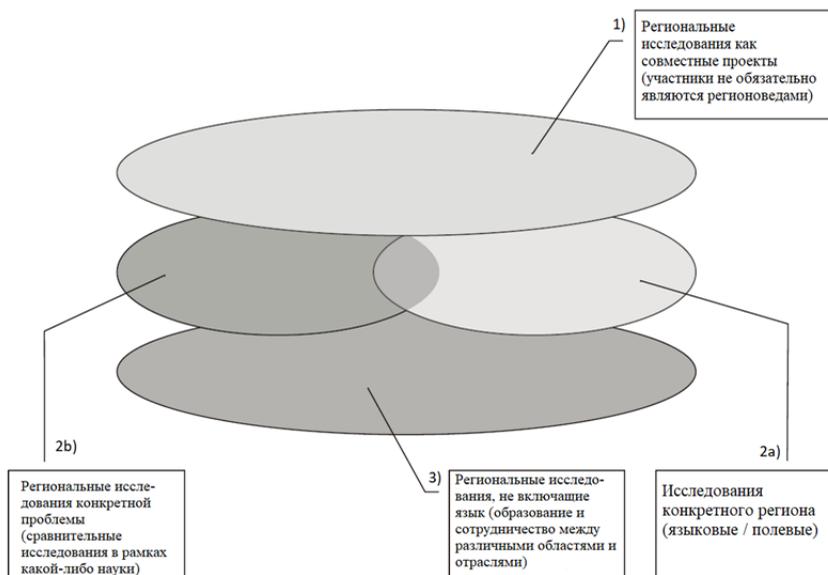

Рис. 1. Схема уровней регионологических исследований с точки зрения степени трансрегиональности/трансдисциплинарности

Второй уровень разделяется на две части. Одна из них, обозначенная на рис. 1 как «2а», представляет собой монорегиональные исследования с разной, но, как правило, высокой степенью трансдисциплинарности. Для значительного числа стран такого рода проекты являются классическими. Ученый выбирает конкретный регион или страну, обычно ту, с которой связано его базовое образование и языком которой он владеет, и занимается разработками в широком, мультидисциплинарном (иногда и трансдисциплинарном) смысле: исследует особенности региона, его развития, довольно часто находясь на изучаемой территории, анализирует его специфику, в том числе в результате полевых исследований, иногда достаточно длительных. Примером могут послужить и местные региональные направления, в частности регионоведение Прибайкалья: работы А. Д. Калихмана, Т. П. Калихман и их коллег отличается многоплановость подходов и проблематики при изуче-

нии региона. Среди них – «Южный Байкал: природа и люди» (анализируются природные и социальные факторы освоения Байкала, выделена роль Южного Байкала в природоохранной парадигме и т. д.) [29], «Дневник Дыбовского» (перевод трех работ Бенедикта Дыбовского – историко-регионоведческая работа, построенная на автобиографических записях) [19], «Концептуальные и парадигмальные основания регионоведения» (теоретическая регионологическая работа) [28] и т. д.

Вторая часть, обозначенная на рис. 1 как «2b», демонстрирует монодисциплинарные трансрегиональные исследования, представляя работы тех специалистов, которые изучают выбранную проблему в рамках одной дисциплины, но на примере двух и более регионов, часто в сравнительном аспекте. В таких случаях ученые нередко не владеют языком изучаемого региона/регионов (что логично, когда речь идет о более чем двух-трех регионах) и не всегда хорошо вникают в специфику региона в целом, поскольку концентрируются на проблеме, выделенной в качестве базовой.

Третий уровень регионологических исследований – это монорегиональная и монодисциплинарная сфера, где изучение региона носит сугубо утилитарный характер. Речь, как правило, идет о кратких курсах подготовки для конкретных специалистов, чья деятельность не связана с регионологией, но которым, в силу некоторых причин, приходится (чаще всего временно) работать в конкретном регионе или с прибывшими оттуда людьми. В таком случае им требуются консультации, курсы, повышение квалификации, тренинги в конкретной сфере деятельности в зависимости от стоящих перед ними профессиональных задач: право, бизнес, межкультурная коммуникация, образование и т. п. Так формируется сжатое, утилитарно-ориентированное знание о специфике региона, построенное на базе какой-либо одной науки.

Наконец, синтез всех трех оснований вкупе с учетом региональной специфики школ и направлений позволяет показать структуру трансдисциплинарной регионологии через призму **соотношения теории и практики в регио-**

нальных/страновых школах, направлениях и субдисциплинах с разной степенью трансрегиональности и трансдисциплинарности.

Матрица для определения структуры регионологического знания изображена в табл. 1.

Таблица 1

Матрица для анализа структуры трансдисциплинарной регионологии

Уровень трансдисциплинарной регионологии по соотношению теории и практики	Школы, направления и субдисциплины	
	Доминантно-дисциплинарные или мультидисциплинарные с дисциплинарным уклоном	Собственно трансдисциплинарные
Теоретический		
Аналитический		
Фактологический		

Применить матрицу можно для любой страны/региона с относительно устойчивой системой внутренних связей в сфере регионологии.

Для российского регионологического знания эта структура будет выглядеть так, как показано в табл. 2.

В табл. 2 видно, что на фактологическом уровне находятся такие дисциплины, как краеведение и страноведение, в первую очередь направленные на сбор сведений и описание региональной специфики как стран в целом, так и различных их территорий. Регионоведение как дисциплину в целом, в связи с широким пониманием этого термина, можно отнести как к фактологическому, так и аналитическому уровню в зависимости от задач конкретного исследования. На фактологическом уровне находится регионоведение, под которым понимается сбор и систематизация сведений о регионе, на аналитическом – регионоведение как обобщенная аналитическая дисциплина, т. е. отрасль, анализирующая регион как объект с точки зрения его развития. Там же расположены регионология и регионалистика, но иногда эти термины используются как синонимы «регионоведения», а иногда как отдельные дисциплины, состоящие с регионоведением в отношениях смежности или иерархичности.

Таблица 2

Роль и место школ, направлений и субдисциплин регионологического знания в России в русле трансдисциплинарной регионологии

Уровень трансдисциплинарной регионологии по соотношению теории и практики	Школы, направления регионологии	
	Доминантно-дисциплинарные и мультидисциплинарные с дисциплинарным уклоном	Собственно трансдисциплинарные
Теоретический	<ul style="list-style-type: none"> Мультидисциплинарные трансрегиональные школы и направления <i>российских региональных исследований</i>: Мордовская школа регионологии (А. И. Сухарев), Мировое комплексное регионоведение (МГИМО, А. Д. Воскресенский), Школа пространственных исследований (А. Г. Гранберг), Мультидисциплинарный мультипарадигмальный подход (И. Н. Барьгин), Школа Южного федерального университета (Ю. Г. Волков), Подход В. А. Дергачева и Л. Б. Вардомского и т. д. Получившие распространение в России <i>международные школы и направления</i>: региональная наука (США), региональные исследования (США, Европа) и др. 	<i>Теория трансдисциплинарной регионологии</i>
Аналитический		Регионология, регионалистика, регионоведение в общем как аналитические дисциплины
		<ul style="list-style-type: none"> Доминантно-дисциплинарные школы и направления <i>российских региональных исследований</i>: образовательное/педагогическое регионоведение, филологическая/лингвистическая/литературоведческая регионалистика, политическая регионалистика, социокультурное регионоведение, историческое регионоведение и т. д. Монорегиональные мультидисциплинарные школы и направления: востоковедение, китаеведение, европоведение, американистика, северное регионоведение, арктическое регионоведение и т. д.
Фактологический	Краеведение, страноведение, регионоведение (как сбор и систематизация сведений о регионе)	

Важная аналитическая работа выполняется в рамках специальных школ и направлений. Как правило, речь идет о доминантно-дисциплинарных направлениях (образовательное/педагогическое регионоведение, филологическая/лингвистическая/литературоведческая регионалисти-

ка, политическая регионалистика, социокультурное регионоведение, историческое регионоведение и т. д.) и монорегиональных школах и направлениях (востоковедение, китаеведение, европоведение, американистика, северное регионоведение, арктическое регионоведение и т. д.). Первые, как правило, ограничиваются аналитическим уровнем, потому что не выходят за рамки теории и методологии своих дисциплин, вторые также используют теоретический и методологический инструментарий, разработанный в рамках других наук, с тем отличием, что он чаще характеризуется мультидисциплинарностью в силу комплексного подхода этих дисциплин.

Теоретический и аналитический уровни занимают, с одной стороны, международные школы и направления, получившие распространение в России: региональная наука (США), региональные исследования (Европа) и др., с другой – мультидисциплинарные трансрегиональные школы и направления российских региональных исследований (мордовская школа регионологии А. И. Сухарева, мировое комплексное регионоведение А. Д. Воскресенского, школа пространственных исследований А. Г. Гранберга, мультидисциплинарный мультипарадигмальный подход И. Н. Барыгина, школа Южного федерального университета Ю. Г. Волкова, подход В. А. Дергачева и Л. Б. Вардомского и т. д.). Как первые, так и вторые, изучая конкретные регионы и особенности их развития, одновременно работают над теоретическими проблемами развития самой регионологии и обогащают ее теоретическую базу, чаще всего на основе конкретных научных дисциплин (одной или нескольких).

В описанной структуре есть и лакуны: междисциплинарный подход большинства научных школ позволяет объединить усилия двух-трех наук, но оставляет за скобками общие теоретические аспекты, которые могли бы охватить регионологию целиком. В заполнении этого пробела может помочь теория трансдисциплинарной регионологии, основная цель которой – описать наиболее общие теоретические подходы к изучению региона, систематизировать термино-

логию, понятийный аппарат и методы исследований. Настоящая работа призвана не столько решить эту проблему, сколько предложить направления ее решения и сделать некоторые шаги в этом направлении.

Структура системы регионологического знания в США также укладывается в предложенную матрицу (табл. 3).

Таблица 3

Роль и место школ и направлений регионологического знания в США в русле трансдисциплинарной регионологии

Уровень трансдисциплинарной регионологии по соотношению теории и практики	Школы, направления регионологии	
	Доминантно-дисциплинарные и мультидисциплинарные с дисциплинарным уклоном	Собственно трансдисциплинарные
Теоретический	<i>Международные школы и направления:</i> региональная наука (США), региональные исследования (США, Европа), глобальные исследования (США) и др.	<i>Теория трансдисциплинарной регионологии</i>
Аналитический		Регионоведение как аналитическая дисциплина (area studies), трансрегиональные исследования (trans-area studies), американистика
Фактологический	Регионоведение как фактологическая дисциплина (area studies), американистика	

Обращаясь к опыту Восточной Азии, можно таким же образом структурировать регионологическое знание стран, в которых оно получило самостоятельное развитие, в частности, Японии (табл. 4).

На фактологическом уровне находятся такие дисциплины, как японоведение и краеведение, в первую очередь направленные на сбор сведений и описание региональной специфики как страны в целом, так и различных ее территорий. Area studies (как и регионоведение в России) можно отнести и к фактологическому, и аналитическому уровню в зависимости от задач конкретного исследования. И наконец, аналитическая и теоретическая работа выполняется в рам-

как направлений как международного характера (в частности, региональная наука У. Айзарда), так и отнесенных к региональным исследованиям японскими учеными. Их теоретическая часть ограничивается той междисциплинарной сферой, которая формируется на стыке участвующих в формировании этой отрасли наук. Важным отличием, в частности, от российского регионологического знания является то, что Япония уделила гораздо больше внимания его институционализации. В связи с этим Научный совет Японии предложил включить в структуру региональных исследований не только направления, но и субдисциплины, которые сами по себе носят междисциплинарный (гуманитарно-экономическая география, культурная антропология, международная региональная девелопментология, региональная информатика) и трансдисциплинарный характер (area studies).

Таблица 4

Роль и место школ, направлений и субдисциплин регионологического знания в Японии в русле трансдисциплинарной регионологии

Уровень транс-дисциплинарной регионологии по соотношению теории и практики	Школы, направления и субдисциплины регионологии	
	Доминантно-дисциплинарные и мультидисциплинарные с дисциплинарным уклоном	Собственно трансдисциплинарные
Теоретический	Субдисциплины, включенные в структуру региональных исследований: гуманитарно-экономическая география, культурная антропология, международная региональная девелопментология, региональная информатика	<i>Теория трансдисциплинарной регионологии</i>
Аналитический	Получившие распространение в России <i>международные школы и направления</i> : региональная наука (США), региональные исследования (США, Европа) и др.	Area studies
Фактологический	Area studies, японоведение, краеведение	

Предложенная матрица может быть модифицирована и дополнена новыми элементами в связи с некоторой спецификой региональных научных школ. Ее применение направлено в первую очередь на определение вклада каждого конкретного исследования и школы в общее регионологическое знание, а также для определения целей, задач, предмета, объекта и методов регионологии в зависимости от уровня теоретизации и степени трансдисциплинарности и трансрегиональности отдельных направлений науки.

2.3. МЕСТО ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЙ РЕГИОНОЛОГИИ СРЕДИ ДРУГИХ НАУК

Место регионологического знания среди других наук становится актуальной проблемой практически сразу после того, как эта дисциплина приобретает институциональный статус в той или иной стране или регионе. Это вызвано несколькими причинами: выраженной дисциплинарностью современной науки, молодостью регионологии как таковой, но более всего отсутствием какой-либо общей позиции у самих ученых, изучающих регион.

В целом позиция современного регионологического знания такова, что обычно споры идут не о науке о регионах в целом, а о ее школах и направлениях, каждое из которых интерпретируется тем или иным образом. Подходов к определению статуса научной дисциплины, изучающей регионы, можно выделить несколько:

1) субдисциплина какой-либо другой науки или стыка наук, обычно двух-трех (например, мировое комплексное регионоведение интерпретируется А. Д. Воскресенским как одно из предметных полей науки о международных отношениях или ее сплава со страноведением);

2) междисциплинарное поле для сотрудничества различных ученых, посвятивших себя изучению региональной проблематики (таким образом подает себя Ассоциация регио-

нальных исследований, эту точку зрения декларирует Научный совет Японии в докладах о региональных исследованиях);

3) самостоятельная наука (эту позицию, в частности, отстаивает У. Айзард для региональной науки).

Первая позиция – *существование в качестве субдисциплины* – весьма распространена, поскольку защищает регионологическое знание от нападков тех, кто подходит к научному знанию строго дисциплинарно. Это особенно важно в России, где существует государственная номенклатура научных дисциплин, в которых отсутствует регионология как отдельная наука, зато в рамках политологии присутствует такая научная специальность, как политическая регионалистика. В этой связи мировое комплексное регионоведение А. Д. Воскресенского определяется как «исследовательский подход, сформированный на стыке теории международных отношений, сравнительной политологии и страноведения», который «концентрируется на объяснении взаимосвязи международных внутривнутрирегиональных процессов, а также на исследовании влияния особенностей внутривнутрирегионального/регионального развития на глобальный уровень» [32, с. 64].

Второй путь – *существование в качестве междисциплинарного поля для сотрудничества различных ученых, посвятивших себя изучению региональной проблематики* – оказывается важным для тех направлений, которым нужно сохранять комплексный подход. Этот путь позволяет регионологическому знанию стоять вровень с другими науками, не спускаясь на ступень субдисциплины. В частности, японский региолог Ямамото Хироюки пишет, что не следует низводить роль региональных исследований до «субподрядчика», выполняющего работу для монодисциплин. Напротив, по его мнению, наука о регионах идет на шаг впереди, изучая нестандартные проявления региональной жизни и тем самым внося вклад в монодисциплинарные исследования [114, р. 8].

Эту же позицию занимают члены подкомиссии по развитию инфраструктуры региональных исследований Науч-

ного совета Японии, которые предлагают рассматривать региональные исследования в качестве координирующего центра, призванного объединить другие науки, когда одной из них недостаточно для изучения региональных проблем [111].

На третью позицию – *отстаивание статуса самостоятельной науки* – отваживаются не все, вызывая жаркие дискуссии в академической среде. Более того, даже в этом случае два других подхода заступают на поле «самостоятельности». В частности, точка зрения У. Айзарда относительно положения региональной науки базируется на том, что она может предложить всем другим дисциплинам, т. е. вполне себе указывает как на связь с прочими отраслями, так и на ее междисциплинарность. Как полагает Айзард, все науки обладают «уникальным ключевым направлением специализации», но это направление лишает эти дисциплины определенных важных деталей, которыми может заниматься региональная наука. Например, экономика не придает существенного значения процессам, связанным с воздействием пространства и физического окружения на поведение человека и модели использования земли, а география исключает пространственное теоретизирование как статическое, так и динамическое. Социология, подобно экономике, игнорирует физическую среду и пространственную составляющую, политология практически не рассматривает регион как живой организм. Антропология оставляет на периферии взаимодействие региональных экономических, общественных и политических систем. Другими словами, региональная наука по Айзарду хороша тем, что может, например, применять подходы экономики к изучению географических проблем [80]. Как видно из приведенного примера, все три позиции в разной пропорции могут присутствовать в любом направлении: У. Айзард, отстаивая самостоятельность региональной науки, допускает, что она может быть местом пересечения других наук, при этом он отталкивается в своих положениях от экономики.

Все три точки зрения на место науки о регионах вполне обоснованы в дисциплинарной парадигме: в таком случае требуется четко очертить границы наук, что и делают представители всех трех подходов, находя аргументы в защиту своей позиции. Однако спор о невидимом фронтире лишается оснований при применении трансдисциплинарного подхода. Это позволяет рассматривать регионологическое знание в качестве научного поля иного измерения: как знание, проходящее дисциплины насквозь в поисках требуемых для исследования методов и предлагающее новый, неортодоксальный взгляд на объект изучения.

Наиболее близко к этой концепции подходит Х. Ямамото, который высказывает предположение, что отсутствие четких границ объекта исследования, а точнее возможность самостоятельного их очерчивания, а также общая методологическая свобода региональных исследований позволяют им занять место практикоориентированной площадки на фоне остальных дисциплин. В тех случаях, когда конкретная монодисциплина сталкивается с региональной спецификой, которую не получается исследовать в устоявшихся дисциплинарных рамках, исследователь заступает на поле региональных исследований, гораздо более свободных в выборе методологии и умеющих быстрее реагировать на неожиданные вызовы. Х. Ямамото предлагает рассматривать это как дихотомию «ограниченного системного знания» и «практикоориентированного системного знания», где переход между первым и вторым в исследовании региональных проблем будет означать переход между конкретной монодисциплиной и региональными исследованиями [115]. Находясь одной ногой в концепции дисциплинарности, Х. Ямамото по-прежнему ищет «границы», однако указание на методологическую свободу, практикоориентированность и возможность реагировать на нестандартные вызовы показывает близость этой позиции к трансдисциплинарному подходу.

В этом смысле регионология как наука оказывается не «под», «между» или «рядом» с другими науками или их субдисциплинами, а интегрирует научное знание, находясь одновременно внутри каждой науки и параллельно ей. Более того, в силу изначально присущей ей комплексности она находится в авангарде этого движения, является флагоманом трансдисциплинаризации науки в целом.

ГЛАВА 3

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЙ РЕГИОНОЛОГИИ

3.1. ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЙ РЕГИОНОЛОГИИ

В системе знания о регионе сложился ряд подходов к определению целей и задач регионологических исследований, при этом можно выделить три основных подхода [35]:

- 1) на основании отграничения науки о регионах от других научных дисциплин;
- 2) на основании одной или нескольких наук в качестве базы для развития региональных исследований;
- 3) на основании принимаемой исследователем научной парадигмы.

Первый подход – *на основании отграничения науки о регионах от других дисциплин* – является весьма распространенным в среде академического знания и исходит из дисциплинарной парадигмы. Внутри этой парадигмы процесс отграничения рассматривается как естественный для многих наук в период их становления и методологического оформления. Сам подход может быть поделен на две тенденции: на первоначальном этапе институционализации науки о регионах ее цели и задачи отграничивали от целей и задач других дисциплин, а с появлением множества школ и направлений появилась необходимость отмежевываться друг от друга.

В рамках первой тенденции можно выделить процесс формирования на Западе региональной науки: в этот период четко прослеживалась тенденция к отграничению ее от других дисциплин, в поле исследовательских интересов ко-

торых также попадают регион, район, территория, пространство и т. д. Основатель региональной науки У. Айзард определяет ее, отграничивая от других дисциплин, присутствующих в системе знания о регионе: региональная наука – это «...область социальной науки, фокусирующаяся на пространствах и системах пространств, регионах и системах регионов, локациях и системах локаций» [79, р. 188]. Он акцентирует внимание на том, что региональная наука – это наука социальная, она направлена на изучение человека и форм пространственного взаимодействия, сопряженных с человеческой деятельностью, поведенческих аспектов и социальных институтов, социальных процессов. Формулируя эти цели, У. Айзард делает акцент на том, что описанная им специализация региональной науки отграничивает ее от географии: последняя сосредотачивается на физических и биологических деталях пространственных аспектов [Там же].

Этот же подход «особенно ощущается в отечественной регионологии, период институционализации которой пришелся на последнее десятилетие Советского Союза и первое десятилетие постсоветского периода. Регионологию (регионоведение, регионалистику) пришлось отмежевывать как от родственных и предшествующих ей краеведения и страноведения, с одной стороны, так и от прочих наук, изучающих регион, – с другой» [35].

Так, И. И. Рущинская, проводя работу по разграничению понятий «регионоведение» и «краеведение», одновременно ставит вопрос об их взаимодействии. В употреблении двух понятий, отмечает ученый, наблюдаются две крайности: они либо отождествляются, либо воспринимаются как фактически не связанные друг с другом дисциплины. Для внесения ясности и разграничения понятий И. И. Рущинская выделяет главное сходство (предмет исследования обеих дисциплин – территориальная локализация) и различия (уровень концептуализации знания, масштаб территории, способ рассмотрения территории – «для себя» или для производства научного знания) [61, с. 10–11]. На основе

этого анализа она формулирует задачи регионоведения (в отличие от краеведения с его локальным и эмпирическим характером): «увидеть специфику региона на фоне других регионов, вписать его в более глобальную систему, попытаться объяснить закономерности территориального развития» [61, с. 13].

Принцип отграничения используется и в определении задач регионоведения, которые определил В. П. Максаковский: важнейшей задачей регионоведения в сравнении с страноведением выступает синтез «страноведческой информации, отнесенной к различным территориальным образованиям, обычно объединяющим по тем или иным критериям (политическим, экономическим и др.) группы стран мира» [45, с. 22]. Такой принцип прослеживается и в попытке выделения уникальных черт регионоведения, принятой видным советским и российским экономико-географом Ю. Н. Гладким. Основную задачу регионоведения он видит в изучении «целостных территориальных образований», а само регионоведение определяет как «междисциплинарное направление географической науки, близкое, но не тождественное страноведению» [10, с. 5].

Вторая тенденция – попытка сформулировать цели и задачи науки о регионах через отделение друг от друга различных ее направлений – свойственна многим странам, в том числе отечественной науке, ведущей споры о роли и месте регионоведения, регионалистики, регионоведения и других дисциплин [35].

Так, В. Е. Науменко в отграничении регионоведения от других гуманитарных дисциплин, например культурологического цикла, и от дисциплин со сходным предметом, например регионоведения, регионалистики, анализирует охват интересов регионоведения, а также доминирующий тип знаний в указанных дисциплинах. При этом задачи регионоведения, на его взгляд, состоят в том, чтобы «ответить на вопрос, что такое регион, определиться с основами и выявить общие закономерности его развития», а задача регио-

поведения – интегрировать в себе «разнообразные знания о различных сторонах жизни» [50, с. 75].

Отграничение регионологии от других дисциплин было проведено и основателем научного журнала «Регионология» А. И. Сухаревым, сформулировавшим концептуальную базу регионологии. Указывая, что «были и есть попытки со стороны представителей отдельных наук монополизировать регионалистические исследования» [65, с. 8], он в качестве примера приводит такие научные отрасли и подотрасли, как география и краеведение, а также региональная экономика, экология, социология, политология, культурология и пр. Интеграция региональных исследований, ранее осуществлявшихся в рамках указанных наук, привела, по мнению автора статьи, к появлению нового направления – регионологии [35]. В процессе такого ограничения он выделил как специфические черты регионологии (целостность, комплексность), так и особенную трактовку понятия «регион» в регионоведении. На основании отграничения А. И. Сухарев сформулировал следующую дефиницию: «регионология – это не механическая сумма базовых региональных исследований, а интегральное их обобщение, результатом которого является разработка относительно самостоятельной системы законов и категорий» [Цит. по: 11, с. 5]. Ключевой же целью регионологии выступает исследование возможностей «гармоничного и цивилизованного экологического, экономического, социального, политического и духовного развития регионов» [65, с. 8].

Второй подход к тому, как следует определять цели и задачи научных направлений, – *подход на основании одной или нескольких наук в качестве базы для развития региональных исследований*. Такой подход подразумевает развитие регионологического знания на базе других наук [35].

В частности, А. Д. Воскресенский, основатель такого научного направления, как мировое комплексное регионоведение, рассматривающий его как раздел науки о международных отношениях, пишет о цели и задачах региональных исследований следующее: «Цель комплексных мирополити-

ческих и регионоведческих исследований компаративистского типа, основанных на методологии сравнительно-политологического анализа (кросс-региональный политический анализ) состоит в том, чтобы проанализировать исторические события сквозь призму комплексных интегрирующих подходов анализа социально-экономических и культурно-политических пространств, фиксирующих дистанции и различия в области формирования, функционирования и развития мирополитических отношений» [8, с. 90]. Придерживаясь традиций школы мирового комплексного регионоведения, Е. В. Колдунова утверждает, что его цель заключается в «объяснении взаимосвязи международных и внутристрановых/внутрирегиональных процессов, а также исследовании влияния особенностей внутристранового/регионального развития на глобальный уровень» [32, с. 64]. Регион при этом рассматривается в первую очередь как актор международных отношений.

Формирование регионологического знания на базе в первую очередь языка и культуры прочерчивает тенденцию к становлению социокультурного регионоведения [35]. Цель социокультурного регионоведения, как полагает И. В. Павловский, состоит в том, чтобы изучить «неизменные на территории данного региона приоритеты и доминанты», а также «местную “дырчатость” культуры⁶, которая не только создает лакуны в формообразовании слов, но и лакуны в явлениях и понятиях культуры» [55, с. 109]. Регион с этой точки зрения, а также, по выражению И. В. Павловского, «магия земли» придают уникальные ментальные характеристики народу, региональному сообществу, местной кухне и прочим сторонам жизни. Именно изучение специфических культурных особенностей, часто укорененных в истории,

⁶ «Дырчатость» культуры И. В. Павловский понимает как наличие термина при полном отсутствии обозначаемого им явления в культурной жизни региона. По его мнению, регион раскрывается не только через явления, присутствующие в культуре этноса региона, но и через явления, отсутствующие в ней, но представленные в иных регионах [53].

задает направление социокультурному регионоведению [54, с. 154–155].

Среди задач социокультурного регионоведения И. В. Павловский выделяет выявление специфики свойств, приобретенных этносом в результате его переселения в другие регионы; уточнение терминов, употребляемых в отношении региона, с учетом их региональной и исторической специфики; выявление из характерных черт этноса первостепенных, перманентных черт, что позволяет «изучить своеобразие региона в историческом разрезе, сквозь призму посещавших его народов», а также «изучить судьбу приобретенных черт характеров этносов, переселившихся из изучаемого в иной регион» [54, с. 146–148].

Таким образом, регионоведение в интерпретации И. В. Павловского предстает научным направлением с социокультурной доминантой, находящимся на стыке этнолингвистики, социальной антропологии, этнологии и философии [35].

Распространено и представление о регионологическом знании (наряду со страноведением) как части географической науки. Рассуждая о различии регионоведения и страноведения, В. Н. Разумовский, Д. В. Севастьянов приходят к следующему выводу: появление регионоведения явилось результатом расширения предмета страноведческих исследований; впоследствии регионоведение интегрировало в себя страноведение, сделав его одной из своих составных частей [57, с. 81]. Таким образом, данные понятия не только разграничиваются, но исследуется и взаимосвязь между ними, что, как мы увидели, характерно для отечественной регионологической литературы. Важнейшим же фактором, определяющим логическое соотношение между регионоведением и страноведением, выступает то, что базой страноведения является география. В. Н. Разумовский и Д. В. Севастьянов отмечают, что «действительная сущность географии «как землеописания» реализуется через комплексное страноведение и представляет собой одну из самых важных и перспективных линий развития целостности

всей системы географических наук» [Там же, с. 83]. Регионоведение также представляет собой научное направление географии, оно «формирует комплексное представление о крупных регионах мира, обобщая сведения о группах стран, их социально-экономических и политических связях, о перспективах интеграции и дезинтеграции мирового хозяйства» [57, с. 85].

Социально-экономический уклон науки о регионах обосновывает, в частности, А. П. Обедков, который, описывая развитие отечественного северного регионоведения, отмечает, что главная его задача состоит в формировании комплексной регионоведческой характеристики, представляющей собой «синтетическое обобщение разнородных данных о природных условиях и природных ресурсах, отраслевой и территориальной структуре хозяйства, этнодемографическом потенциале и расселении населения, культурном и духовном развитии, территориальной, социальной и политической организации государств и регионов всех типов, таксономических рангов и уровней исследования» [51, с. 638].

В работах, посвященных регионологическому знанию, нетрудно заметить социально-экономический уклон региональных исследований. Такая тенденция прослеживается в отечественных и мировых работах и объясняется тем, что задачи регионологии неразрывно связаны с вопросами регионального развития, которые приобретают в последние годы все большую актуальность. В частности, в Китае работы по регионологии носят очевидный экономико-ориентированный характер. Целью данных работ является выявление причин как успешного, так и недостаточного социально-экономического развития регионов. Видные ученые Китая занимаются исследованием проблемы дисбаланса социально-экономического развития китайских регионов, анализ и предлагаемые пути решения можно найти в трудах таких исследователей, как Бао Юань, Ван Сюаньсюань, Вэй Ехуа, Ли Чжунъи, Ло Юй, Лу Цзуньхуа, У Пэн, Ху Чжаолян, Чжан Вэй, Цянь Лэсян [43].

Третьим подходом к определению целей и задач региональных исследований является подход, который мы выделили *на основании принимаемой исследователем научной парадигмы*, иными словами, парадигмальный подход к регионологическому знанию. Очевидно, что формулирование цели и задач регионального исследования при таком подходе будет детерминировано избранной исследователем парадигмой [35].

И. Н. Барыгин, приверженец мультипарадигмального направления в регионологическом знании, важнейшей чертой регионоведения считает междисциплинарность и мультипарадигмальность. Полагая, что «регионоведение, если исходить из анализа степени близости парадигмальных рядов, гораздо ближе социологии и политологии, нежели политической экономии... и теории международных отношений» [3, с. 118], он приходит к выводу о том, что цели регионоведения определяются «базовой» проблемой, которую необходимо решить в русле используемой парадигмы. Так, если речь идет о классической парадигме, то цель – «объяснить “необходимость” существования региона», а если о глобализационной парадигме – «представить причины глобальных изменений регионов мира» и т. п. [Там же, с. 119].

В свою очередь, не только парадигма определяет цели и задачи регионального исследования, но и смена целей и задач влечет за собой смену научной парадигмы. Данное утверждение хорошо иллюстрирует история институционализации на Западе и во всем мире такого направления региональных исследований, как *area studies*. Объектом данного направления становились достаточно масштабные пространства уровнем не ниже государства – страны, макрорегионы. История развития *area studies* на текущий момент насчитывает восемь десятков лет и может быть разделена на два основных этапа. Первый этап – с момента появления в США во второй половине 1940-х до начала 1990-х гг. Второй этап – с начала 1990-х гг. и по сегодняшний день. Возникновение данного научного направления преследовало одну основную цель – необходимость изучения

стратегических соперников в условиях начала холодной войны. Производство стратегического знания для государства оставалось целью *area studies* на протяжении всего первого периода своего становления и институционализации. Происходило накопление данных о странах и регионах, имеющих стратегическое значение (так, в США активно изучались СССР, страны Восточной и Центральной Европы, а в СССР с 1960-х гг. была основана вузовская и научно-исследовательская программа американистики; оба лагеря – коммунистический и капиталистический – активно организовывали исследования таких перспективных в плане стратегического сотрудничества регионов, как Латинская Америка, Юго-Восточная Азия и т. д.). Цель исследований определяла и способы исследования, формируя соответствующую методологию. *Area studies* способствовали формированию определенного образа мышления научно-исследовательского сообщества: регионы служили инструментом организации академического знания [98].

К началу 1990-х гг., с окончанием холодной войны, первоначальная цель и задачи *area studies* потребовали пересмотра. В западном научном сообществе актуализировался дискурс переосмысления и реконцептуализации направления *area studies*. Основными предпосылками к формулированию новых целей и задач послужили интенсификация, качественное изменение характера глобализационных и регионализационных процессов и активное развитие новой социологии, акцентирующей внимание на универсальных, а не региональных особенностях социальных институтов и процессов. Новые цели и задачи, в свою очередь, поставили перед учеными необходимость поиска и выявления новой парадигмы регионоведения XXI в. Попытки выявления и обоснования новой регионологической парадигмы предпринимали Д. Лудден, Д. Шантон, В. Шафер и др. Были предложены следующие решения: пересмотр теории с учетом глобализационных процессов [87]; объединение глобальных и локальных исследований (*global/local studies*) [97]; выработка интегрального направ-

ления с усиленными языковым и этнографическим компонентами [102]. Таким образом, смена целей и задач приводит к изменению парадигм регионального исследования, во всяком случае, инициирует поиск новой парадигмы.

Идея о принятии мультидисциплинарности в качестве парадигмы региональных исследований присутствует и у У. Айзарда. Так, он заявил, что цель создания в 1956 г. Научно-исследовательского института региональной науки в проведении «мультидисциплинарных исследований пространственного и территориального взаимодействия и взаимозависимости экономических, социальных, политических и экологических явлений, связанных с развитием городов и регионов» [79, p. 118].

Постоянным поиском парадигмы отличаются региональные исследования в других странах, в частности, в Японии [35]. Так, по мнению Сибя Нобухиро, члена президиума японской Ассоциации по изучению России и стран Восточной Европы, основной задачей региональных исследований в Японии после Второй мировой стало изучение мировых культур и сообществ с целью всестороннего их понимания, в отличие от США где *area studies* возникли для изучения прогноза действия стран – стратегических соперников. Такая особенность региональных исследований в Японии, отмечает ученый, отразилась в названии многих академических программ, часто именуемых «региональными культурными исследованиями». Это подтверждает пример одного из ведущих вузов – Токийского университета. Культура в рамках таких программ изучается комплексно и всесторонне, рассматривается и политическая, и экономическая деятельность изучаемых стран и регионов [110], продвигая японские региональные исследования ко все большей мультипарадигмальности и трансдисциплинарности. Доклад о перспективах региональных исследований Научного совета Японии подчеркивает значимость формирования комплексного знания о регионах [112].

Подытоживая сказанное выше, можно постулировать разнообразие подходов к определению целей и задач реги-

онологии и сделать выводы. Во-первых, указанное разнообразие является следствием того, что в качестве объекта регионологических исследований выступает регион. Для региона как смысловой единицы указанной дисциплины характерно множество подходов к определению, разнообразие трактовок. На самом базовом уровне подходы к определению региона зависят от того, через призму какой науки он рассматривается, понятийная система какой науки (географии, экономики, политики, культурологии, теории международных отношений и т. д.) используется.

Во-вторых, вследствие междисциплинарного характера регионологии происходит расширение границ конкретных дисциплин, размытие междисциплинарных связей уступает место трансдисциплинарности. Разграничивая междисциплинарность и трансдисциплинарность, Л. П. Киященко и В. И. Моисеев поясняют, что «ситуация междисциплинарности – это ситуация переноса знания из одной дисциплинарной области в другую при сохранении дисциплинарных делений. Иными словами, междисциплинарность методологически дополнительно обогащает то, что определено внутри дисциплинарных делений... Ситуация трансдисциплинарности... предполагает нарушение жесткости дисциплинарных делений научного знания, они становятся “проходимыми”, что способствует появлению разного рода систем “поверх” дисциплинарного деления, “меж”-системных образований, “экстра”-систем и т. д.» [31, цит. по: 42, с. 135]. Трансдисциплинарность как научный подход и парадигма продвигается в настоящее время в отечественных и мировых научных школах, среди них: Центр современной антропологии Э. Морена в Париже, Международный центр трансдисциплинарных исследований; широко известны работы таких ученых-приверженцев трансдисциплинарного подхода, как Л. П. Киященко, В. И. Моисеев, Е. Н. Князева и др. [42, с. 135].

В-третьих, развитие научной базы региональных исследований должно проходить в русле интеграции достижений разных научных школ, выработывании интеграль-

ного методологического поля. Так, например, описываются перспективы разработки не-западной (китаизированной) концепции международных отношений для формирования альтернативного западному знанию понимания принципов и динамики взаимодействий регионов мира [8]. Расширение рамок региональных исследований за счет включения не-западного знания и применения трансдисциплинарного подхода видится важнейшей перспективной линией развития науки о регионе.

Основываясь на подходах, описанных выше, а также на более ранних разработках авторов данной монографии [35; 84] представим цели и задачи трансдисциплинарной регионологии.

Ее базовая **цель** – изучение своеобразия регионов мира, выявление закономерностей их развития и принципов межрегионального взаимодействия на основе трансдисциплинарного подхода с опорой на научно-прагматический опыт исследуемого региона или группы регионов.

В качестве **основных задач** нам представляется целесообразным выделить следующие:

1) изучение особенностей экономики, политики, социума, культуры, истории, языков и иных сфер различных регионов мира;

2) выделение на основе данных о специфике регионов закономерностей и факторов их развития с применением комплексного трансдисциплинарного анализа и привлечением теоретико-методологических достижений исследуемых регионов;

3) оценка вырабатываемых, предлагаемых и применяемых стратегий по совершенствованию региональных экономических, социально-политических и иных систем, прогнозирование перспектив развития регионов;

4) выявление принципов межрегионального взаимодействия и факторов взаимного влияния процессов регионального развития и трансрегионализма.

Указанные задачи представляют собой линии развития регионологии. Первая задача способствует интеграции и

синхронизации подходов и инструментов ряда наук, каждая из которых рассматривает регион в определенном ракурсе: история, культурология, политика, экономика, этнография, лингвистика и др. Вторая задача соответствует перспективе разработки и оформления собственной теории и методологии в рамках трансдисциплинарной регионологии, обогащаемых накопленными знаниями, подходами, концепциями национальных школ наук о регионе. Третья задача нацелена на реальное преодоление проблем регионального развития. Четвертая исходит из необходимости учета взаимосвязи регионов между собой и их взаимовлияния.

3.2. ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЙ РЕГИОНОЛОГИИ: ЭВОЛЮЦИЯ, ПОДХОДЫ, ПРОТИВОРЕЧИЯ, ТЕНДЕНЦИИ

3.2.1. Подходы к определению региона как объекта в системе мирового регионологического знания. Специфика предметного поля

Регион как объект заложен в самом названии регионологии и практически во всех ее школах и направлениях в русском языке.

«Регион» является базовым понятием регионологии и с терминологической точки зрения он сильно потеснил свои синонимы за долгий период развития дисциплины. Однако в науке о регионах по-прежнему сосуществуют понятия пространства, территории, зоны, района и другие, их наличие отражается в применяемых подходах (пространственном планировании, территориальном размещении, экономическом зонировании и районировании и т. п.), а в англоязычном научном дискурсе с *regional studies* и *regional science* соседствуют с *area studies*. Отсюда и условная множественность объекта, которая звучит в его определениях, в частно-

сти, у Айзарда: пространство и система пространств, регион и система регионов, локация и система локаций [79, р. 188].

Регион как объект определялся исследователями в зависимости от периода развития науки, актуальных на тот период целей и задач. В целом он оставался привязанным к «точке опоры» – базовой науке или междисциплинарному конгломерату, на которых делался упор в той или иной школе (направлении), разрабатывавшей проблематику региона, и которые и определяли предметную область регионологического знания (историческое развитие региона, культурная специфика, политическая система, экономический строй и т. д.).

Среди наиболее распространенных подходов к определению региона как объекта выделяются:

1) культурно-ориентированные и историко-ориентированные;

2) политико-ориентированные;

3) экономико-ориентированные.

Культурно-ориентированные и историко-ориентированные подходы к рассмотрению региона (культурно-исторический, лингвокультурный, этнокультурный, историко-философский и т. д.). Такой тип подходов входит в число довольно распространенных. Если рассматривать их с точки зрения континуальности формирования регионологического знания, то эти подходы можно назвать классическими, т. е. наиболее ранними, относящимися еще к проторегионологическому и доинституционализированному регионологическому знанию: знание о регионах в мире начиналось с изучения их истории, культуры, философии, языков. В то время, когда экономические и политические факторы не были столь доминирующими, культурно-историческая специфика региона определяла его как объект изучения. На базе этих подходов сформировалось множество мировых школ, изучающих конкретные регионы с точки зрения истории, философии, культуры, языка. На Западе и в России важным научным кластером стало востоковедение: западная культура не нуждалась в столь тщатель-

ном изучении себя, однако чуждая и во многом непонятная Азия требовала серьезного исследовательского подхода.

Вместе со своей классичностью данные подходы во второй половине XX в. стали рассматриваться многими школами регионологического знания как архаичные, в большей степени потому что в экономической и социологической науке стало доминировать мнение о незначительном влиянии культуры и истории на процессы развития. В частности, У. Айзард признает значение физической среды и накопления прошлых воздействий на культуры и институты на протяжении всей истории, однако он утверждает, что только фанатик может говорить, что «изучение всей совокупности этих прямых и не прямых скрытых смыслов является сферой регионального анализа или региональной науки» [80, p. 254].

Вместе с тем данные подходы продолжают развиваться и культивироваться, иногда отмежевываясь от регионологического знания, особенно в той части, где оно позиционирует себя как социально-ориентированное и экономико-ориентированное и направленное на изучение современных проблем. Например, российские ученые-востоковеды часто не относят себя к регионологии, поскольку сосредоточены на совершенно иной проблематике, чем та, что позиционируется ведущими регионологическими школами мира.

Но так происходит не везде. В частности, в Японии историко-культурные, философские и языковые исследования как регионов мира, так и регионов самой страны принято включать в региональные исследования как значимую и неотъемлемую их часть.

В Корее, где для сохранения и культивирования национальной культуры прилагаются значительные усилия, современные культурные исследования поставлены на службу региональному развитию. Например, проводятся исследования по выявлению разницы в оценке качества товаров, произведенных в Корее, в зависимости от отношения к таким современным корейским культурным феноменам, как дорама и К-рор. В частности, в результате опроса покупате-

лей в пяти странах АСЕАН было выделено шесть рыночных кластеров: 1) фанаты К-поп; 2) «евангелисты Корейской волны»; 3) поклонники дорам; 4) пассивные наблюдатели Корейской волны; 5) потребители, настороженно относящиеся к корейской культуре; 6) потребители, придерживающиеся холистического подхода к распространению культуры Кореи. В этих сегментах различается уровень потребления корейских товаров, что показывает значимость культурного фактора, оказывающего влияние на гомогенность потребительского поведения [83].

Кроме того, совокупность регионологического знания позволяет современным востоковедам выстраивать собственные философские концепции. Примером может служить работа профессора В. В. Малявина «Евразия и всемирность», в ней регион как объект представляется метацивилизационной общностью.

Таким образом, наиболее ранние и доинституциональные подходы к региону как объекту находят в современной регионологии новые пути развития.

Политико-ориентированные подходы к рассмотрению региона (международно-политический, регионально-политический и т. д.). Такого рода подходы для западной науки можно считать самыми ранними с момента появления институционализованного регионологического знания, они стали следующей эволюционной ступенью предыдущих подходов.

Area studies, которые начали активно развиваться после Второй мировой войны, своим первым объектом сделали государства-нации. И хотя целью декларировалось комплексное изучение других стран, эта комплексность сводилась к главной стратегической функции: понимание потенциального противника и понимание того, как сделать так, чтобы он не стал противником реальным.

Area studies были определены французским историком и политологом Жаном Дюрозелем как «научное изучение региона, представляющего определенное политико-социальное единство, с целью понимания и объяснения его

места и роли в международном сообществе... Этот результат может быть достигнут только при систематическом использовании всех областей исследования, которые могут предоставить веские объяснения» [74, р. 636].

Что касается США и Европы, то идея изучения других стран и регионов реализовывалась и ранее, однако именно две мировых войны за столь короткий отрезок времени продемонстрировали, насколько плохо Запад знает своих потенциальных противников [38]. В частности, в 1947 г. специалист по современной японистике Роберт Холл заявил, что «две войны в пределах одного поколения доказали, без всяких сомнений, что мы должны больше знать о других странах... Во время каждой войны мы обещаем, что будем делать это. После окончания каждой мы опять забываем» [Цит. по: 94, р. 84].

В правительственной сфере в США был поднят вопрос о растущей необходимости в специалистах, глубоко понимающих принципы устройства социумов других регионов, их культурной специфики. Вузы на тот момент не могли обеспечить государственные структуры такими специалистами, а потому подобные программы начали развивать вооруженные силы, создав необходимые им программы в отдельных университетах: Программу подготовки кадров по гражданским вопросам и Отдел специализированной подготовки военнослужащих [94].

Важной задачей изучения региона как политического объекта было прояснить, насколько образовательные программы по *area studies* могут способствовать улучшению международной обстановки и предотвращению военных конфликтов. В частности, американский антрополог Джулиан Стюард называл в качестве базовых задач этого направления следующие: обеспечивать социум практико-ориентированным знанием о важнейших регионах мира, воспитывать студентов и исследователей в духе культурной относительности, способствовать пониманию общественных и культурных региональных систем и развитию социальных наук [101, р. 1–2].

В дальнейшем политическую ориентацию региона как объекта укрепило начало холодной войны. В 1948 г. Р. Холл составил доклад для Исследовательского совета по социальным наукам, в котором просил содействия институционализации *area studies*. Он полагал, что это поможет не только повышению значимости междисциплинарных исследований и установлению более тесных связей внутри социогуманитарных наук, но и поможет решению весьма важных политических задач, в частности, усилению актуальности гуманитарных наук и изучения иностранных языков в быстро меняющемся мире, а также обеспечению национальных интересов США в глобальной борьбе с коммунистической угрозой [77].

В обзоре 75 кафедр политологии за 1952 г. указывается, что 300 из 800 выполняемых на тот момент исследовательских проектов посвящены изучению проблем международных отношений, а 200 из них относятся к области *area studies* [38]. Обзор Государственного департамента за 1960 г. зафиксировал 109 научно-исследовательских проектов, объектом которых были зарубежные регионы и их социумы (значительная их часть была сосредоточена на изучении Советского Союза и Восточной Европы, гораздо меньшая – на Азии, Африке и Ближнем Востоке, так как был недостаток в специалистах). Подавляющее большинство этих исследований проводилось при вузах, но несколько проектов относилось к деятельности частных исследовательских групп, например, Совета по международным отношениям⁷ и Фонда XX века⁸ [91].

Таким образом первоначально *area studies* были направлены на регион как объект, обладающий самобытной культурой и социально-политическим единством, что диктовало необходимость междисциплинарного подхода.

⁷ Совет по международным отношениям – частная организация, основанная в 1921 г. в Нью-Йорке и занимающаяся проблемами международных связей.

⁸ Фонд XX века (в 1999 г. получил новое название – Фонд «Столетие») – американский аналитический центр, штаб-квартира которого расположена в Нью-Йорке [38].

При этом в качестве предмета изучения в то время можно обозначить силы, определявшие политику региона по отношению к другим странам [91].

Интересен феномен, что к тому времени, когда США по итогам Второй мировой поняли, что им нужно изучать предполагаемых противников, были страны, для которых итоги той же войны задали противоположный вектор. Япония, с середины XIX в. выстраивавшая свое регионологическое знание с политическими целями в русле изучения других стран для преодоления отсталости и построения колониальной империи, после поражения изменила направление в сторону культурных и социально-экономических исследований.

В российской науке рассмотрение в качестве объекта региона в международно-политическом разрезе, т. е. изучение региональных пространств в русле межгосударственных взаимодействий, также получило развитие, в частности, в рамках такого направления, как мировое комплексное регионоведение (школа А. Д. Воскресенского). Исследовательское поле данного направления непосредственно связано с формированием региональных пространств⁹, «по своему преломляющих глобальные процессы и генерирующих специфические типы международного взаимодействия» [32, с. 64].

Мировое комплексное регионоведение можно рассматривать как ответ отечественной науки на возникший в начале 1990-х гг. концептуальный кризис в регионологии, описанный выше. Целый ряд факторов, среди которых завершение холодной войны, качественные изменения в глобализационных процессах, развитие новых социологических теорий, нивелирующих региональные особенности, вызвал необходимость переосмысления цели, задач, методологии науки о регионах и обоснование смысла ее суще-

⁹ Как отмечает Е. В. Колдунова, понятие «региональное пространство» может быть выражено целым рядом терминов: в научной литературе встречаются «региональные миры», «региональные комплексы», «интегрированные акторы мировой политики» и др.

ствования как отдельной дисциплины в принципе [40]. В то время как в западной науке самым популярным предложенным путем развития новой парадигмы стала интеграция глобальных исследований в науку о регионах, изучение взаимосвязей глобального и локального, в отечественной науке школой мирового комплексного регионоведения был предложен иной путь, а именно интеграция западного и не-западного взгляда, знания в области межрегиональных и межстрановых взаимодействий, исследование региональных социально-политических систем не только с устоявшейся западной перспективы, но и с включением не-западной перспективы, позволяющей объективно оценить особенности развития не-западных обществ [32, с. 64]. Данный путь видится перспективным еще и потому, что в последние десятилетия именно не-западные общества становятся новыми важнейшими игроками на мировой арене.

Несмотря на то что можно отметить ряд сходств в подходах западного научного направления *area studies* и отечественной школы мирового комплексного регионоведения, а также с уверенностью заметить, что на последнюю повлияли дискурс и академические изыскания, порожденные кризисом *area studies*, а также тренды трансформации, имевшие место в последние годы, представители школы утверждают, что *area studies* как научное направление довольно фрагментировано и что в нем ощущается нехватка «комплексной повестки исследований зарубежных регионов» [Там же, с. 66].

Представители школы мирового комплексного регионоведения выделяют три уровня подходов к региональным исследованиям: глобальный, региональный и страновой, что коррелирует с тремя типами региона как объекта, вписанного в систему международных отношений. Свою школу они ассоциируют со средним, региональным уровнем [Там же]. Подобное понимание региона как объекта обеспечивает мировому комплексному регионоведению отграничение от смежных дисциплин, таких как сравнительная политология и теория международных отношений.

Мировое комплексное регионоведение охватывает широкое предметное поле. В отличие от классического регионоведения, в том числе классического востоковедения, ставящего своим центром историко-филологическую компоненту, оно фокусируется на политико-экономических особенностях регионов и на обеспечивающих эти особенности социокультурных характеристиках [32, с. 358]. Важнейшую роль в предметном поле этой школы играет концепт регионального развития, а региональные особенности и региональное своеобразие служат своего рода парадигмальными рамками.

В этом смысле мировое комплексное регионоведение возрождает значимость регион-специфичного знания. Как замечает А. Д. Воскресенский, «...если мы признаем влияние культурной и социально-психологической специфики, особой, обусловленной страновой спецификой политической культуры, национальной психологии и национального характера, то должны также признать, что – в зависимости от своего характера и интенсивности влияния – эти факторы могут формировать своеобразие обществ как одного и того же типа социального порядка, так и определять специфику конкретных этапов развития социальных порядков» [9, с. 16]. В приведенной мысли прослеживается заданность междисциплинарной, трансдисциплинарной траектории в развитии регионального знания, ведь такие предметы исследования, как культурная, ментальная специфика, национальная психология, безусловно, находятся на стыке многих дисциплин (междисциплинарность), более того, требуют включения не-академического знания, развития коммуникативного пространства для экспертов различных научных и практических направленностей, новой контекстуальности (трансдисциплинарность).

Специфику предметного поля в международно-политическом ракурсе определяют региональные модели развития. По мнению А. Д. Воскресенского, середина двадцатого века представляет собой точку бифуркации для азиатских стран. В то время сложились такие модели развития, как «авторитарно-плановая», предполагавшая цик-

лическую смену мобилизации и застоя, и модель демократического рыночного развития, перед выбором между двумя этими моделями и оказались азиатские страны. К началу третьего тысячелетия, отмечает А. Д. Воскресенский, сложились такие модели, как авторитарная индустриальная, антиавторитарная индустриальная и антиавторитарная постиндустриальная модель развития [9, с. 7]. Западный мир открыл, развил и распространил модель открытого доступа (экономическая открытость, сменяемость политической власти, высокий уровень самоорганизации гражданского общества). В то время как многие азиатские страны не могут полностью принять западную модель открытого доступа в силу, например, политических или историко-культурных особенностей, состояния социальных и политических институтов, национального менталитета, некоторым из них тем не менее удалось создать «региональные версии системы открытого доступа» [Там же, с. 7].

Итак, особой предметной сферой в рамках школы мирового комплексного регионоведения является соотнесение выбора и реализации различными странами модели развития с их региональной и национально-культурной спецификой. Как отмечает А. Д. Воскресенский, «центральной становится проблематика идеальной, т. е. наиболее конкурентной модели экономического и политического устройства, приближения существующих моделей к идеальной и степень допустимости региональной/страновой вариативности ключевых параметров» [Там же, с. 9]. Логично предположить, что и на практике постоянно осуществляются попытки повышения конкурентоспособности моделей развития, происходит их своеобразная оптимизация. Так, слабой стороной моделей с открытой системой, используемых в европейских и североамериканских государствах, мог являться собственно открытый доступ к власти, к управлению, для создания «противовеса» в данных системах используются достаточно жесткие фильтры отбора. США долгое время позиционируют себя как страну возможностей, страну, где, приложив усилия, каждый имеет доступ к экономическому

благополучию, влиянию, может стать частью истеблишмента вне зависимости от этнического, социального происхождения. Однако, как известно, США довольно жестко контролируют входящие миграционные потоки, отбирая талантливых, высокоинтеллектуальных специалистов, будущих перспективных предпринимателей. Известно также, что для США, страны в целом толерантной к риску и инновациям, характерна консервативность в таких ключевых стратегических параметрах, как, например, национальная безопасность. Через систему балансирования, создания фильтров и исключений, корректировку модель развития проходит процессы оптимизации, увеличивает свою «живучесть» и конкурентоспособность.

Очевидно, что на изменение модели доступа влияние оказывают и общемировые тренды, и события в других странах. Так, в последние годы мы стали свидетелями того, как система с открытым доступом, а именно европейская, предоставила буквально открытый доступ миграционным потокам. При этом, вероятно, не были проведены необходимые меры и процедуры отбора, адаптации мигрантов, организации управления процессами расселения, трудоустройства, управления культурной ассимиляцией; возможно, изначально был допущен просчет в оценке принципиальной возможности европейской системы справиться с регуляцией такой миграции. Результат хорошо известен: на данный момент признан факт миграционного кризиса в Европе. Базовой проблемой здесь становится выбор того, какие выводы, уроки извлекают из этого западные системы, как такое явление отразится на дальнейшем развитии моделей доступа, причем всех моделей – и открытого, и закрытого, и частичного, и различных региональных версий.

Еще одним компонентом предметного поля в международно-политическом ракурсе мировое комплексное регионоведение видит неравномерность экономического и политического развития стран, а также ее причины. Неравномерность развития изучается на трех уровнях: на уровне индивидуальных особенностей страны влияние оказывают

сложившиеся историко-культурные традиции, социально-психологические, ментальные особенности; на региональном уровне продуктивным видится рассмотрение увязки страны с соответствующим социально-культурным кластером (например, Швецию можно рассматривать в рамках кластера стран протестантской Европы, а Китай – в кластере стран с конфуцианской культурой); на мировом уровне факторами возникновения неравномерности развития выступают такие глобальные тенденции, как новые социальные движения, тенденции цифровизации, изменение глобальной модели экономики, трансформация рынка труда. Здесь особо выделяется понятие регионального своеобразия, которое, как мы полагаем, выступает еще одним ключевым концептом регионологического знания. С вопросами регионального своеобразия связана и область социальной инженерии в применении к региональному уровню [40]. А. Д. Воскресенский утверждает наличие такого явления, как «социальная инженерия форматирования национального и мирового пространства» с целью развития, обозначая, что такая «проблематика не анализируется и не изучается в традиционных международных отношениях» и требует междисциплинарного подхода [9, с. 8]. Полагаем, что в дальнейшем тема социальной инженерии в области взаимодействия региональных пространств будет приобретать все большую актуальность, ведь уже наметилась тенденция к рассмотрению процессов регионального развития как во многом моделируемых, сознательно конструируемых.

Социальная инженерия, на наш взгляд, может быть включена в предметное поле регионологии, однако необходимо констатировать, что соответствующая методология еще не разработана, более того, не поставлен и вопрос о ее разработке. Также не определены этические основания применения социальной инженерии, не сформировано общее культурное осознание ее принципов. Как бы то ни было, именно регионология, имея дело с регион-специфичным знанием, располагая слоями культурного знания, в течение долгого времени изучая социально-психологические аспек-

ты различных регионов, менталитет стран, особенности мышления посредством изучения языка, обладает необходимыми компетенциями для исследования социальной инженерии.

Пожалуй, наиболее заметной отличительной чертой предметного поля школы мирового комплексного регионоведения выступает сознательный отказ от западноцентристского взгляда на мир, интеграция не-западного знания. В рамках мирового комплексного регионоведения рассматриваются не-западные модели демократии, не-западные концепции международных отношений, в целом обращается внимание на не-западное видение мира. Действительно, во многих дисциплинах, включая науки о регионе, ставился вопрос о доминировании западноцентристского знания. На данный момент можно констатировать разворот как широкой общественности, так и академического сообщества в сторону включения альтернативных западному взглядов на мир в целом и научные исследования в частности. Выделяются две группы факторов, актуализирующих включение не-западного видения. Первую группу составляют преимущественно внутренние факторы: актуализация трансдисциплинарной парадигмы, требования комплексности, целостности, объективации знания. Ко второй группе отнесем внешние, средовые факторы: объективное повышение роли азиатских государств (для некоторых рост все еще является потенциальным), очередной виток интереса к азиатской культуре. Причем данные тенденции совпадают с кризисом доверия к политическим и общественным институтам на Западе.

Отдельно отметим роль концептуального оформления Азиатско-Тихоокеанского региона: этот уникальный регион, объединяющий в себе западные и восточные страны-лидеры, выступает моделью интегрального объединения западных и восточных практик, концепций, политических культур без ущемления любой из сторон. Реализованная концепция Азиатского-Тихоокеанского региона нашла

идеологическое отражение в школе мирового комплексного регионоведения [40].

Включение не-западного взгляда в предметное поле науки о регионах открывает широкие возможности для изучения особенностей развития новых региональных игроков, предлагая глубинный анализ их взаимодействий со «старыми» (западными) лидерами, новый взгляд на модели взаимодействий в мировой системе, современный уровень консенсусного взаимодействия по ряду вопросов (от безопасности до реализации этико-культурных принципов, от проблем мировой экологии до вопросов, которые ставит перед обществом цифровизация).

Из предметного поля таких дисциплин, как теория международных отношений, часто «выпадают» такие объекты исследования, как транснациональные и мегарегиональные проекты. Они с успехом исследуются в рамках мирового комплексного регионоведения. А. Д. Воскресенский отмечает, что Евразия и Азиатско-Тихоокеанский регион стали пространством конкурирующих макро-, мега- и трансрегиональных проектов [6, с. 49]. Возникновение и развитие транснациональных и мегарегиональных проектов связано с изменением глобализационно-регионализационных процессов, в частности, с трансформацией моделей регионализма и исчерпанием «старого» глобализационного проекта. Действительно, предыдущий глобализационный проект, концепция которого активно продвигалась в 1980–1990-е гг., был полностью западнцентристским и предполагал распространение именно западных практик, западного образа жизни, из-за чего глобализация часто отождествлялась в бытовом сознании с американизацией. Сегодняшние реалии фиксируют рост влияния новых региональных игроков, новых региональных объединений, в свою очередь, оказывающих воздействие на процессы глобализации, актуализирующих принципиально новую концепцию проекта глобализации. Вероятно, новый проект будет включать черты азиатского глобализма, среди которых выделим следующие:

1. Урбанизация по азиатскому типу (в противовес классической урбанизации Лондона, Парижа)¹⁰. Города-хабы, города-узлы инвестиционной, высокотехнологичной, интеллектуальной сфер.

2. Трансформация культуры переговоров, распространение культуры консенсуса. Новые реалии предполагают повышенную опасность нового массового оружия, диверсий в информационной сфере, уход от прямых военных конфликтов в сторону информационных, гибридных войн. В таких условиях возрастает необходимость политической осторожности, отказа от жестких принципов во взаимодействии, приоритет консенсусного взаимодействия, соответствующие азиатской политической и деловой культуре.

3. Популяризация азиатской культуры. В последнее время становится очевидным, что развитые азиатские страны (Южная Корея, Япония) начали реализацию своего потенциала «культурной силы». Отмечается рост популярности музыкальной культуры (К-поп), кинематографа (корейские телесериалы), азиатской кухни [40].

Описанные тенденции способствуют трансформации глобального проекта. Отметим, что на глобальный проект влияет рост роли не только Востока, но и возрастание роли регионального фактора. Все чаще в дискуссионном поле мировой общественности звучат концепты региональной безопасности, региональной политики, региональной идентичности.

Таким образом, можно констатировать, что мировое комплексное регионоведение изучает проявления региональных особенностей в мировом пространстве и основы трансрегиональных проектов и региональных интеграционных объединений, заключающиеся в социокультурных связях, историко-культурной общности регионов, увязывая

¹⁰ Подробнее об урбанизации по азиатскому типу можно прочесть в работе McGee T. G., Wu C.-T. International migration, urbanization and globalization in the Asia Pacific region: a preliminary framework for policy analysis: Globalization and the sustainability of cities in the Asia Pacific Region. Tokyo : UN University Press, 2001. P. 92–111.

их с проявлениями региона во взаимодействиях в поле международных отношений. В связи с этим А. Д. Воскресенский отмечает, что мировое комплексное регионоведение выступает в качестве нового предметного поля науки о международных отношениях [8, с. 95]. В отличие от других школ регионологии указанные проявления рассматриваются преимущественно в увязке с международными отношениями.

Региональная составляющая в международных отношениях является предметом исследования, в частности, в рамках подхода, предложенного В. А. Дергачевым и Л. Б. Вардомским. Данный подход описан в их работе «Регионоведение» (2010 г.), он получил широкое распространение в российской науке. В регионоведении В. А. Дергачев и Л. Б. Вардомский подчеркивают комплексность и системный подход. Объектом регионоведения, по их мнению, являются «региональные группировки, страны и их регионы как субъекты международных и межрегиональных отношений» [18, с. 3]. Ученые отграничивают регионоведение от страноведения, фокусируясь на региональных группировках, региональных блоках, региональных процессах, в пространстве международных отношений отдавая предпочтение анализу взаимодействия региона с другими регионами и миром, а не стран между собой. Регионоведение в таком случае снова выступает фактически как часть теории международных отношений. На это напрямую указывают В. А. Дергачев и Л. Б. Вардомский, говоря, что регионоведение – это «прикладная учебная дисциплина, изучающая региональные группировки, страны и их регионы как субъекты международных отношений» [Там же, с. 507]. В представленном подходе активно используются геополитический и цивилизационный подходы, характерные для теории международных отношений.

Таким образом, и мировое комплексное регионоведение, и подход В. А. Дергачева и Л. Б. Вардомского тяготеют к области международных отношений. Оба направления можно рассматривать как представление регионального среза международных отношений. Такие подходы видятся

продуктивными в плане изучения региональных процессов, однако полагаем, что, находясь фактически в области теории международных отношений, они требуют перманентной увязки и корректировки с ее методологией, ее парадигмальными рамками.

Экономико-ориентированные подходы (социально-экономический, экономико-географический и т. д.). В настоящее время данные подходы являются весьма актуальными. В отечественном регионологическом знании они проявились в основных направлениях XX в.: районной школе Н. Н. Баранского, социально-экономическом страноведении И. А. Витвера, комплексном проблемном страноведении Я. Г. Машбица, а также в отдельных современных теориях. В зарубежных направлениях такие подходы реализовывались, прежде всего, в региональной науке У. Айзарда, в том числе в ее отделениях в других странах.

В рамках советской районной школы сложился следующий подход: район как в экономическом, так и в административно-территориальном понимании рассматривался в первую очередь как хозяйственная база, союзный резерв, форпост определенной отрасли производства [2]. В этом смысле район заведомо мыслился в комплексе взаимоотношений с другими районами страны. Взаимосвязанность экономических районов, их стадийное развитие в системе хозяйственных связей страны находятся в центре внимания и последующего поколения советских экономико-географов и страноведов [62]. В таком подходе ярко прослеживается экономическая доминанта.

В комплексном проблемном страноведении Я. Г. Машбица заметна попытка расширения проблемного поля комплексного исследования территории [40]. Основатель направления постулирует необходимость перехода «к анализу ключевых и специфических проблем территории», важнейшими из которых он тем не менее заявляет проблемы природопользования, а также социально-экономического и этнокультурного развития [48, с. 71].

Другой крупной школой в области наук о регионе в советский период выступает современная школа пространственных исследований под руководством А. Г. Гранберга, первоначально развивавшаяся на базе Сибирского отделения АН СССР. Школа начала свое существование в 1960-е гг., сфокусировавшись на разработке моделей пространственного развития сначала экономики СССР, а впоследствии и мировой экономики. Работа новосибирской школы под руководством А. Г. Аганбеняна была довольно быстро оценена и в других регионах страны, математическое моделирование экономического пространства получило развитие в других научных центрах [12, с. 87]. Целью научной школы была разработка оптимальных межрегиональных межотраслевых моделей пространственного развития. Работы велись с применением передовых электронно-вычислительных технологий того времени. Школа сочетала два подхода к исследованию региона как экономического объекта – отраслевой и региональный [40]. От моделирования экономики СССР ученые постепенно перешли к моделированию мировой экономики, велась работа по созданию мировых моделей пространственного развития [12, с. 99–100]. В результате исследований были получены две модели – модель глобальной оптимизации на базе обобщения региональных критериев и модель оптимального экономического взаимодействия [Там же, с. 100]. Распад СССР, активное включение страны в мировые экономические процессы на новых позициях послужили предпосылкой изменения вектора научных изысканий современной школы пространственных исследований при сохранении региона в качестве объекта экономико-ориентированных исследований.

Изменение позиций России на мировой арене в начале 2000-х гг., активное развитие информационно-коммуникационных технологий в стране и мире, обострение проблем национальной и международной безопасности актуализировало изучение пространственного развития страны в рамках новых реалий [40].

В российской школе пространственного развития главенствует следующая парадигма, выраженная словами А. Г. Гранберга: «...экономика России не монообъект, а многорегиональный организм, функционирующий на основе вертикальных (центр – регионы) и горизонтальных (межрегиональных) экономических, социальных и политических взаимодействий и входящий в систему мирохозяйственных связей» [13, с. 17]. В этом определении четко виден так называемый региональный срез анализа. В подтексте читаются и проблемы неравномерности регионального развития, вызываемые как внутренними, так и внешними факторами.

С начала 2000-х гг. в общественном дискурсе одной из доминирующих тем является проблема экономического роста, темпов экономического роста. Данный вопрос, по мнению основоположника школы пространственного развития А. Г. Гранберга, должен быть с необходимостью включен в проблемное поле пространственного развития [Там же, с. 20]. Анализ, оценка, прогнозирование экономического роста должны быть многогранным исследовательским процессом, учитывать всесторонний (географический, исторический, социальный) контекст. При этом необходимо не затупевывать именно пространственный аспект экономического развития, что часто происходит в экономической науке – пространственный аспект заменяется временным [49, с. 11].

По мнению П. А. Минакира, одной из ведущих тенденций развития пространственной экономики выступает тенденция непланарного пространства, т. е. ситуация, при которой два региона могут взаимодействовать друг с другом напрямую, без смежных пространств. В геоэкономике, например, это выражается в том, что регион становится самостоятельным субъектом глобального экономического пространства. Во-первых, такая тенденция – регионы как самостоятельные субъекты экономического, политического, социально-культурного пространства – вызывает повышение требований к экономическому, социальному потенциалу регионов [Там же, с. 25]. Во-вторых, она актуализирует комплексность, междисциплинарность региональных ис-

следований. Становясь самостоятельным субъектом (или обладая таким потенциалом), региону приходится задействовать весь комплекс институциональных, социально-культурных, ментальных связей и на этой основе выстроить свои позиции в условиях текущих конфигураций общегосударственного и мирового пространства. Лишь комплексный, мультидисциплинарный, трансдисциплинарный подходы адекватны при изучении такого региона-субъекта. Даже в рамках сугубо экономических региональных исследований это измерение (экономическое) в русле описанной тенденции приобретает впечатляющую глубину [40]. По словам П. А. Минакира, «на повестку дня выдвигается теоретическое и методологическое оформление нового подхода к системному представлению экономики» как взаимодействию микроэкономических агентов, региональных, макрорегиональных и глобальных взаимодействий [49, с. 30]. Таким образом, центральным элементом современной пространственной экономики становится именно региональный срез экономических взаимодействий.

В целом проблемы неравномерного регионального развития, дисбаланса социально-экономических потенциалов регионов, взаимосвязи внутренних межрегиональных связей и межнационального пространства, а также внешних, мировых межрегиональных связей и национального пространства, взаимодействия Центра и периферии выступают ключевыми проблемами в исследовательском поле российской школы пространственной экономики. Важным вопросом, до сих пор, на наш взгляд, не получающим адекватного внимания, является вопрос взаимодействия между российскими регионами и соседними зарубежными странами (актуальны вопросы взаимодействия российского Дальнего Востока и Китая, Японии, Восточно-Сибирского региона и Китая, Монголии и т. д.). Эта проблема также включается в

повестку дня школы пространственного развития¹¹. Полагаем, что эта область требует большего освещения как в отечественной, так и в иностранной литературе.

Для российской школы пространственного развития характерна практическая ориентированность на вопросы регионального развития, что предполагает анализ и интерпретацию наблюдаемых тенденций, прогнозирование и вынесение рекомендаций по стратегическому планированию и реализации государственной социальной и социально-экономической региональной политики. Прикладную направленность школы региональной экономики под руководством А. Г. Гранберга можно обозначить как разработку комплексных стратегий пространственного развития России. При этом, как и полагается при стратегическом управлении, поле рассмотрения выходит далеко за пределы экономики, предстает комплексным, интегрированным взглядом.

В последние двадцать лет в России и мире программными документами регионального социально-экономического развития выступают долгосрочные стратегии. Разработка таких стратегий осуществляется широким кругом ведущих экспертов и требует концептуализации накопленного знания о регионе вообще и конкретном регионе (объекте стратегического управления) в частности, а также глубокого, комплексного осмысления процессов территориального развития.

Несмотря на то что школа пространственного развития А. Г. Гранберга по преимуществу экономически ориентирована, проблемное поле, исследуемое школой, включает вопросы, простирающиеся далеко за пределы чисто экономического подхода, речь идет о всестороннем взаимодействии между регионами страны, а также о взаимодействии между российскими регионами и миром, между федеральным центром и периферией, а также о многих других геополитических, институциональных, социальных, этнических, ментальных аспектах.

¹¹ Эта проблема также включается в повестку дня школы пространственного развития, см., например, Гранберг А. Г. Возможны ли распад или сжатие России? // Регион: экономика и социология. 2011. № 2. С. 9–18.

Таким образом, можно наблюдать, как экономические подходы к региону как объекту исследования в рамках различных отечественных регионологических школ на всех этапах своей эволюции тяготеют к комплексности и интегральности, пытаются преодолеть границы, очерчиваемые сугубо экономическим ориентиром, но оставаясь при этом дисциплинарно-ориентированными.

Что касается региональной науки, то она многократно позиционировалась как мультидисциплинарная, в том числе и самим Айзардом, но на практике этому направлению не удалось уйти от экономики как базовой науки.

Первоначально У. Айзард неоднократно говорил о «сущности» региона и определял регион как «живой организм». Он исчезает, когда исследователь переходит к пространственному теоретизированию и возникает заново как концепт, который следует принять для подтверждения отобранных доктрин [80].

Пытаясь понять, как очертить регион, У. Айзард утверждал: «Я хочу рассматривать регион как органическое целое, сложно взаимодействующее с другими региональными организмами и воплощающее запутанную сеть взаимосвязей. В то же время необходимо признать, что наши региональные теории и аналитическая структура не в состоянии описать или даже сделать набросок этого лабиринта взаимоотношений. Для всех форм региональных теорий и анализа есть одна характерная черта – использование части целого в качестве концептуальных или действующих единиц и недостаточное обобщение. Даже те, кто склонен рассматривать региональное хозяйство, региональную культуру или региональную среду как самые мелкие общие знаменатели для анализа, и те, кто отказывается разъединять регион на более мелкие части, анализируют только часть многогранного регионального комплекса» [80, р. 254].

Однако этот «свободный» подход не был реализован в полной мере, он лишь дал возможность сделать объектом наиболее востребованную часть «многогранного регионального комплекса» – социально-экономическую.

Следует предположить, что на самого У. Айзарда в этом отношении сильно повлияли концепции немецкой школы пространственного анализа. В соответствии с теорией центральных мест В. Кристаллера и А. Лёша регионы можно определить как иерархические системы центральных мест или городов [38]. Любой регион имеет несколько больших городов высшего уровня и значительное количество мелких городов более низкого уровня. Указанные уровни выделяются на основе разнообразия предлагаемых товаров, а это разнообразие – взаимозависимым размером рыночной зоны для каждого типа товара. Товары привозятся из городов более высокого уровня и вывозятся в города более низкого уровня, однако города одного уровня в этой системе не взаимодействуют друг с другом [69; 85]. Это представление о регионе как экономическом объекте в каком-то смысле определило дальнейшее развитие объектно-предметной сферы региональной науки.

К концу XX в. регион окончательно закрепляет сложившийся статус объекта экономических исследований. Новые регионально-экономические теории дополняют прежние. Существенное влияние начинает оказывать еще один экономико-ориентированный подход к определению регионов: они выделяются в терминах пространственно независимого или «нодального» рынка труда [38]. Эдгар Гувер и Фрэнк Джарратани указывают на такие характеристики узлового (нодального) региона, как существенная разница с другими регионами в функциональной интеграции рабочей силы, капитала или потоков товаров, а также направленность системы хозяйствования в регионе на одну узловую точку – базовую цель [78].

Нодальный подход был дополнен экономистом Гарри Ричардсоном в 1979 г.: его объектом стали полицентричные регионы с узловыми пунктами и периферийными зонами, находящимися в тесной функциональной интеграции [96].

Другое ответвление нодального подхода – концепция «функциональной экономической зоны» экономиста Карла Фокса. Эта концепция расширила предметное поле регио-

нальной науки, поясняя доминирование центрального узла над периферией пространственной зависимостью рабочей силы от расположенных рядом центров занятости [76]. Кроме того, она позволила определять границы экономических зон не в терминах географических единиц, как это было ранее, а на основе функционально интегрированных рынков рабочей силы. Поскольку сотрудники стремятся снизить расходы на перемещение до работы, а собственники предприятий – размеры компенсации проезда, то и границы функциональных экономических зон начинают формироваться в соответствии с экономическими границами предприятия в пространственном измерении. Таким образом, региональный анализ применяется для изучения региональных проблем в том же ключе, в каком эти проблемы рассматриваются экономическими агентами [71]. Активная разработка такого рода подходов все более приближала региональную науку к экономике, формируя ее объект и предмет в русле экономической науки и даже описывая границы региона в зависимости от экономических факторов.

Этот строго дисциплинарный взгляд, по мнению многих регионологов, ограничивал не только возможности кардинально иного рассмотрения региона, но и учета многих факторов, влияющих на экономическое развитие изучаемой территории: географических, экологических, политических. Реакцией стали многократные попытки ввести в региональную науку мультидисциплинарный подход к определению региона как объекта [38].

Политико-административный подход отразился, в частности, на применении модели маятниковой миграции¹²: Бюро переписи населения США использует ее для определения границ муниципальных статистических районов¹³, с

¹² Под маятниковой миграцией понимаются регулярные (как правило, ежедневные) перемещения людей между населенными пунктами, чаще всего от места жительства к месту работы/учебы и назад.

¹³ Под муниципальными статистическими районами в США понимают города и прилегающие к ним территории при условии, что в центре такого района проживает не менее 50 тыс. человек, а общая численность должна быть выше

тем исключением, что эти границы совпадают с административными, а не с границами маятниковых зон [71].

Ричардсон указывает на «регионы планирования», которые как раз совпадают с единицами политического или административного контроля [96]. Такой подход позволяет изучать результаты внедрения стратегий развития в конкретных границах административных регионов.

Подобным образом регионы также определяли по различным факторам: по доходам населения, на основе секторальной рабочей силы, по природным ресурсам, региональным экологическим системам, географическим факторам [71]. Одновременно с этим социально-экономическое развитие оставалось главным предметом исследования, как бы не интерпретировался регион.

Множественность применяемых теорий, с одной стороны, узкое понимание региона в зависимости от применяемой теории – с другой, при этом отсутствие интегрального подхода к пониманию региона – все это привело к критике подходов региональной науки к определению региона как объекта.

К середине 90-х гг. XX в. идея об абстрактной иерархии теорий и иерархии регионов звучит все реже: напротив, критики требуют полноценного понимания региона. Так, Роджер Болтон и Энн Маркусен призывают «ввести» регион в региональную науку [38]. Экономист Р. Болтон пишет, что региональная наука чересчур абстрактна и не дает возможности исследовать реально существующие регионы. По его мнению, места в региональной науке – это все, что угодно, кроме настоящих мест, настоящих сообществ в их естественном, историческом и культурном окружении. Если у ученых нет понимания мест, то они не способны изучать пространственные отношения – сети, потоки, уравнивающие силы – все то, что делает места единым целым [80].

100 тыс. Эта модель предусматривает социально-экономическую однородность потребителей в указанном типе региона.

Интегрального подхода к пониманию региона от региональной науки ждали еще на самых первых этапах ее развития, так считает директор проекта по региональной и промышленной экономике Ратгерского университета Энн Маркусен. Тогда казалось, что региональная наука способна преодолеть устоявшиеся рамки социальных наук и предложить новое, интегрированное видение проблемы. Сама она, определяя регион, старается найти золотую середину между абстрактностью и узкоэкономическим подходом: по ее мнению, это «исторически сложившееся, смежное территориально сообщество, обладающее физической, социально-экономической, политической и культурной средой и пространственной структурой, отличной от других регионов и других крупных территориальных единиц, городов и стран» [89, р. 16–17].

По мнению Э. Иссермана, региональная наука по-прежнему не нашла свои регионы [80]. Причиной, как он полагает, является то, что во многих исследованиях у региона отсутствует реальное местоположение, а сам он не является объектом, поскольку из него берутся лишь отдельные части. Это, по мнению ученого, указывает на то, что региональная наука не рассматривает реальные регионы и отказывается принять предмет науки в качестве предмета исследования [Там же].

Идею изучения реальных регионов и решения настоящих проблем, которую так активно продвигали американские ученые, воплотили на практике китайские регионологи. Вслед за американскими специалистами в области региональной науки, руководствуясь собственными нуждами, Китай также поставил экономику на первое место при описании региона как объекта [43], но сосредоточился на исследовании конкретных проблем регионального развития в КНР. В 1991 г. там была учреждена Китайская ассоциация региональной науки [116], были переведены труды американских регионологов, в частности, У. Айзарда [117], изучен опыт повышения производительности и экономического роста других стран [123].

Профессор Ян Кайчжун, которого считают одним из основателей региональной науки в Китае и который возглавляет ассоциацию в настоящее время [116], полагает, что наука о регионе связана с региональной экономикой, и поэтому она входит в профиль экономических наук, исследует деятельность человека с точки зрения пространственного деления. Ян Уян и Чжан Сяньдун, которые также стояли у истоков распространения в Китае региональной науки, утверждают, что наука о регионе изучает региональную систему в целом, но выделяют такие ее элементы, как социальное, экономическое, географическое и историческое своеобразие региона. Цзин Юйцзюнь и Ван Шэнцзинь считают, что региональная наука призвана изучать региональную экономику как пространственную форму выражения региональной экономической деятельности [43].

Экономическая ориентация китайских подходов определяется несколькими факторами. Среди них не только изначальный вектор американского варианта региональной науки на социально-экономическую сферу и влияние идей пространственного анализа¹⁴, важным фактором можно считать довольно строгий контроль над научной сферой со стороны государства и, как следствие, необходимость следовать основному курсу – построению эффективной и быстро развивающейся экономики. Внимание к реализации стратегии скоординированного развития регионов было привлечено и на XIX Съезде Коммунистической партии Китая, где эта стратегия была привязана к новому политическому курсу – социализму с китайской спецификой в новую эпоху, предложенному Си Цзиньпином [129]. Кроме того, региональной науке как дисциплине, пришедшей в Китай с Запада, пришлось отстаивать свои позиции, и единственно верной стратегией мог быть только утилитарный подход, позволяющий сделать существенный вклад в социально-

¹⁴ Работы в рамках концепции пространственного анализа выпускались в КНР еще в 1980-е гг. В частности, можно отметить «Пространственный анализ хозяйственной деятельности» [118] Чэнь Цзунсина, который, кроме того, был переводчиком «Введения в региональную науку» У. Айзарда.

экономическое развитие страны: именно оно было актуальной повесткой в 1990-е гг., когда региональная наука пришла в КНР.

Все это определило предметное поле китайской региональной науки, в которое включались проблемы региональной экономики и региональной политики, дисбаланса регионального развития [130], внедрения инноваций в регионах [119], неравномерного экономического роста в регионах [128]. Кроме того, китайские регионологи занимались «стратегиями регионального экономического развития, комплексной оценкой региональной политики КНР после 1978 г., региональной экономикой в приграничных районах, промышленной агломерацией и промышленными кластерами в КНР, региональным развитием и экономической географией, межрегиональными отношениями, региональной торговлей и сотрудничеством, влиянием процессов урбанизации на региональное развитие, глобальными городами КНР и городскими агломерациями, городским устойчивым развитием и городской конкуренцией, промышленной трансформацией и модернизацией в условиях городского экономического развития, улучшением качества регионального развития и скоординированным развитием регионов, новыми требованиями, моделями и путями содействия качественному развитию экономики региона, созданием более эффективного нового механизма региональной координации и развития в КНР, построением современной экономической системы и качественным развитием экономики регионов в Китае» [43, с. 174].

Для разработки указанного предметного поля предлагались новые подходы: теория обогащения государства научными технологиями [121], стратегия экономического развития Китая в XXI в. [120], теория регионального сотрудничества [131], приложение теорий региональной науки к китайским реалиям [132] и т. д.

Вместе с тем стремление регионологии к мультидисциплинарности не миновало и Китай. В попытках установить причины неравномерного развития регионов КНР и пре-

одолеть этот дисбаланс китайские ученые выдвинули несколько подходов, потребовавших привлечения специалистов и инструментария множества научных дисциплин. Анализировались природно-географические, исторические, культурные, экономические и правовые факторы [43]. Сторонником междисциплинарного подхода были и ведущие экономисты-регионологи, в частности, Ма Хун, которого считают основоположником китайской экономической теории. Он предпринял попытки комплексного осмысления политики «социализма с китайской спецификой» – соединения социалистического строя с рыночной экономикой – и ее влияния на региональное развитие в работах «О новой стратегии социалистического экономического развития Китая» [126], «Реформы и развитие экономики Китая» [127], «Структура экономики и управление экономикой» [124], «Товарное хозяйство в условиях социалистического строя» [125] и др.

Не стала исключением и японская ветвь региональной науки: именно она из всех многочисленных направлений японских региональных исследований более всего акцентуализировалась на регионе как экономико-географическом и социально-экономическом объекте [34]. Анализируя наиболее актуальную проблематику региональной науки в Японии по десятилетиям на базе регионологических журналов, Х. Ким и Ф. МакКэнн отмечают следующие тенденции. В 1960-е гг. чаще всего затрагивались темы несбалансированного регионального роста, распределения государственных инвестиций, размещения предприятий и внутренней миграции. В 1970-е – размещение жилых районов, неравенство доходов, городские заторы, транспортные возможности, производственная агломерация, рост городов и землепользование, правило «ранг – размер» (правило Ципфа), гравитационные модели и анализ «затраты – выгоды». В 1980-е – рынок жилья, пространственная агломерация, равновесие в землепользовании, проблемы ввода-вывода, линейное программирование, гедонистические модели и анализ общего равновесия. В 1990-е – оптимальный размер

городов, пространственные структуры, формирование суб-центров, системы городов, городской транспорт, земельное налогообложение. В 2000-е – городские рынки труда, градо-ведение и страноведение, новая экономическая география. В 2010-е – преодоление последствий стихийных бедствий, а также градоведение и страноведение [82, р. 398].

Можно констатировать, что изучение региона как экономического объекта было и остается весьма востребованным.

Что касается иных подходов, то они возникают в двух противоположных тенденциях. Первая тенденция – это попытки определить регионологию не как научную отрасль, а как совокупность исследований, формируемых на основе проектов, осуществляемых в разных науках. Такая концепция, свойственная, например, для региональных исследований (*regional studies*), позволяет определять регион как объект с самых различных парадигмальных установок отдельных наук. Вторая тенденция – это нарастающая необходимость определять объект в рамках регионологии как науки без моно- или доминантно-дисциплинарной привязки: примером может быть мультидисциплинарный мульти-парадигмальный подход И. Н. Барыгина, а также все иные подходы, тяготеющие ко все большей трансдисциплинаризации регионологии.

3.2.2. Противоречия в определении региона

Во всех изученных подходах и тех школах, которые их придерживаются, можно увидеть два общих противоречия в определении объекта:

1) сосуществование доминантно-дисциплинарного и мультидисциплинарного подходов;

2) противопоставление объективного и субъективного понимания регионов.

Одно из противоречий – *сосуществование доминантно-дисциплинарного и мультидисциплинарного подходов* – исходит из двух факторов. Первый состоит в довольно долго существовавшей и закрепившейся практике строгой дисци-

плинаризации науки. Отсюда стремление к институционализации нового знания на основе уже закрепившейся научной дисциплины. Второй фактор – это специфика региона как объекта исследования: подобный объект требует привлечения дополнительных подходов и методов исследования для получения полной картины о его развитии. Это неизбежно приводит к появлению большого числа междисциплинарных и мультидисциплинарных исследований. Трансдисциплинаризация современных региональных исследований – это попытка разрешения закрепившегося противоречия путем вывода регионологии за поле дихотомии «доминантно-дисциплинарный – мультидисциплинарный» и попытка введения новых правил игры: возможности самому исследователю устанавливать количество и соотношение дисциплин, подходов и парадигм, которые ему нужно привлечь для изучения региона как объекта в зависимости от целей, задач и уровня конкретного исследования.

Второе противоречие в определении объекта современной регионологии – это *противопоставление объективного и субъективного понимания регионов*. Оно исходит из двух противоречащих друг другу посылов: восприятия региона как строго существующего объекта с уже заданными свойствами и как очерчиваемого исследователем на основе некоторых выделенных им характеристик.

В советской науке это выразилось в критике западных подходов представителями экономико-географического страноведения. Уже к середине XX в. в американской географии сложилось представление о регионе как об интеллектуальном конструкте. Отметим известное расхождение в работах советских и западных, в частности американских, экономико-географов. Данное положение о регионе как об интеллектуальном конструкте отрицалось в советской экономической географии. Регион мыслился как объективно существующая реальность, выявляемая в процессе исследования. Очевидно, что указанное различие фундаментально и определяет процесс исследования региона. В западной практике признаки региона отбирались произвольно и за-

висели от задач исследования, избранной стратегии, от специфики изучаемой проблемы. Таким способом осуществлялось интеллектуальное конструирование региона. Ю. Г. Саушкин цитирует авторов «Американской географии», которые указывают на следующее: «...Район не является объектом ни независимо существующим, ни данным от природы. Это интеллектуальная концепция, созданная мышлением, использующая определенные признаки, характерные для данной территории и отбрасывающая все те признаки, которые рассматриваются как не имеющие отношения к анализируемому вопросу» [Цит. по: 62, с. 12]. Ю. Г. Саушкин, представляя видение советской экономической географии, выражает принципиальное несогласие с цитируемым утверждением. В действительности, отмечает он, районы существуют объективно, доказательством чему служат их постепенное развитие и существование систем взаимосвязанных экономических районов.

Полагаем, что в целом западные исследователи и советские экономико-географы говорили о разных единицах. На наш взгляд, в отношении экономических районов точка зрения советской школы вполне справедлива; что касается изучения геополитических регионов, макрорегионов, то, как мы знаем сегодня, регионологии часто приходится иметь дело с образами регионов, культурной репрезентацией, сконструированной идентичностью регионов. Ярким примером здесь служит Ближний Восток как регион. При существующих объективных географических, исторических и других характеристиках направление исследования зависит от выделения принципиально важных для изучения признаков. Региолог вынужден будет иметь дело не только с объективными признаками, но и ментальной репрезентацией, образом указанного региона.

Уже через непродолжительное время концепция объективности региона претерпевает изменения. Сформировавшаяся в советское же время школа проблемного комплексного страноведения Я. Г. Машбица фактически предполагает интеллектуальное конструирование региона на

основе отбора важных, отличительных характеристик региона, составляющих его своеобразие. Такой отбор производится при задействовании проблемного подхода, что и отражено в названии научного направления – проблемное страноведение. Как отмечает основатель научной школы Я. Г. Машбиц, существует необходимость перехода «от универсальных и всеохватных покомпонентных характеристик к анализу ключевых и специфических проблем территории. Прежде всего, тех из них, которые определяют наиболее важные стороны природопользования, социально-экономического и этнокультурного развития» [48, с. 71].

Кроме того, столкновения по поводу объективной/субъективной природы регионов происходили и в западной науке. Как указывалось выше, критические замечания региональной науке из-за размытости понятия «регион» высказывали экономисты Р. Болтон, Э. Маркусен, Э. М. Иссерман и др.

3.2.3. Объект и предмет трансдисциплинарной регионологии

Исходя из вышеизложенных положений и интегральной функции трансдисциплинарной регионологии, под **регионом** можно понимать *условно выделенную исследователем территорию, выступающую объектом изучения в рамках конкретного исследования*. При этом с учетом требований тех ученых, которые полагают, что следует рассматривать регион с объективными характеристиками, возникает необходимость ввести понятие *градации условности региона*. Эта градация может быть сведена к нулю – тогда в качестве региона выбирается политически и административно существующая единица (регионоведение Иркутской области, регионоведение России, регионоведение Евросоюза и т. п.), или может быть доведена до максимума, при котором исследователь сам выбирает, какие признаки будут объединять выбранную ими территорию в условный регион: «китайские» рынки как точка сборки городского простран-

ства [14] или регионы Великого чайного пути [24]. Между этими двумя точками будут находиться регионы разной степени условности, объединяемые по различным признакам: смежному географическому положению (Азиатско-Тихоокеанский регион, Сибирь и Дальний Восток и т. п.), общим историческим, культурным, этническим и другим характеристикам.

Что касается **предмета** регионологии, то исходя из уровня исследования, его целей и задач, предметом могут выступать следующие феномены и процессы:

- 1) экономическая, политическая, социальная, культурная, историческая, языковая и иная специфика региона;
- 2) закономерности и факторы развития регионов;
- 3) процессы межрегионального взаимодействия во всем их многообразии;
- 4) стратегии и прогнозы регионального развития и межрегионального взаимодействия.

3.3. ПОДХОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЙ РЕГИОНОЛОГИИ

3.3.1. Методологический переход к трансдисциплинарности в регионологии

Многообразие методологии системы регионологического знания исходит из многообразия наук, которые исследуют регион. При этом, как уже указывалось выше, трансдисциплинарность не исключает монодисциплинарные или доминантно-дисциплинарные исследования, а рассматривает их как вариант нормы с нулевой или низкой степенью трансдисциплинарности.

Тем не менее в мировой регионологической практике уже выработалось несколько подходов, способствующих внедрению трансдисциплинарной парадигмы:

- 1) переход от индивидуальных исследований к сетевым;

2) переход от применения устоявшихся теорий к двуправленному возвратно-поступательному движению между теорией и практикой.

Переход от индивидуальных исследований к сетевым необходим, поскольку трансдисциплинарность предполагает, что одновременно могут задействоваться результаты множества научных школ и направлений, а также могут быть привлечены все возможные участники исследовательского процесса, а не только собственно научные: вузы, НПО, консультативные органы и организации. Работа по установлению научных сетей ведется постоянно [11], трансдисциплинарный подход предлагает вывести ее на концептуально новый уровень комплексности.

Для формирования такого рода исследовательской сети Научный совет Японии разработал схему [113], которая показывает наиболее важных участников сети, а также направления и возможные результаты ее работы¹⁵. В ней показана роль всех акторов возможной сети и демонстрируются принципы их взаимодействия. Схема, составленная для Японии, в целом представляется нам универсальной и может использоваться в качестве модели и для прочих стран, а в перспективе – для всей системы мировых региональных исследований (рис. 2). Если экстраполировать ее в российское поле, то центром сети (овальная затемненная область в центре схемы) должны стать координирующая организация (она может быть выбрана или сформирована при поддержке государственных органов), ключевые НИИ и исследовательские центры в сфере регионологии, а также межвузовские научные организации. В ядре сети следует сформировать секретариат. Основная исследовательская работа будет вестись в профильных аспирантурах (для России такими в настоящее время следует считать те, которые сами избирают регионоориентированную проблематику, однако важным является и рассмотрение вопроса о

¹⁵ Подробнее с этой концепцией можно ознакомиться в монографии Е. В. Кремнёва «Региональные исследования в Японии» [34].

создании в будущем отдельной отрасли наук с присуждением степени кандидата и доктора регионологии), а также научно-исследовательских институтах соответствующего профиля. Ядро входит в область деятельности более крупного объединения, которое должно быть сформировано усилиями научного сообщества (обозначено большим овалом, очерченным пунктирной линией).

В схеме это объединение условно названо РАТР – Российская ассоциация трансдисциплинарной регионологии. Основной задачей такой организации является соединение усилий как государственных профильных исследовательских организаций, так и частных. За пределами центральной области существует множество других структур, с которыми центр вступает в сетевое взаимодействие: с иностранными партнерами осуществляется обмен специалистами, на базе зарубежных организаций создаются опорные точки, в российские вузы приглашаются ученые, входящие в ядро, к работе привлекаются организации в сфере международного сотрудничества, экономической деятельности, выдвижения предложений в области административной политики. Для вовлечения всех заинтересованных участников могут создаваться и другие ассоциации, в частности, МАТР – Международная ассоциация трансдисциплинарной регионологии. Нижняя часть схемы показывает, каких результатов можно достичь путем применения сети в рамках систем образования, продвижения научных исследований и совместного использования данных, а также ее социальный вклад.

Еще один важный подход, помогающий трансдисциплинаризации регионологии, – *переход от применения устоявшихся теорий к двунаправленному возвратно-поступательному движению между теорией и практикой*. Он также предложен японскими регионологами, находящимися на передовом крае этой парадигмы. Как полагают члены подкомиссии по развитию инфраструктуры региональных исследований Научного совета Японии, наука о регионах вступает в сложный комплекс взаимоотношений с другими науками.

Рис. 2. Сетевые регионологические исследования

Своеобразие региона закладывает необходимость нестандартным образом применять методы различных наук для изучения социальных событий в регионе: устоявшиеся теории не всегда способны их объяснить. Поэтому ученый, выходя в поле с отобранной ранее теорией, должен осознавать, что сбор данных не всегда позволяет применить именно эту теорию из конкретной отрасли наук, часто возникает необходимость пересмотра теоретических подходов. Таким образом, исследователю приходится многократно повторять схему «теория – сбор данных – смена теории – сбор данных», при этом пересматривая существующие теории, ставя их под сомнение, комбинируя и т. д. [34]. Этот алгоритм двунаправленного возвратно-поступательного движения между теорией и практикой позволяет привлечь и совместить различные теории из разных отраслей наук для объяснения конкретной региональной проблемы [11].

Дальнейшее внедрение указанных выше подходов позволит регионологам приблизиться к осуществлению трансдисциплинарного регионологического анализа при изучении как конкретных проблем, так и специфики развития регионов в целом.

3.3.2. Выбор теоретических подходов и методов исследования в рамках трансдисциплинарной регионологии

Проблема выбора теории и метода неоднократно становилась предметом научных изысканий в сфере регионологии. В основу этого выбора, как нам представляется, должно быть положено несколько иерархичных рядов, выстраивающих в определенном порядке регионы, научные направления, подходы и теории регионологии. На необходимость такого подхода указывает, в частности, У. Айзард, который при описании иерархий теорий и регионов отмечает, что «каждая из них становится более обобщенной по мере обобщения проблемы, это происходит до тех пор, пока

специализированные теории в каждом ряду иерархии не синтезируются в одну общую системную теорию» [80, р. 253].

Выбор теоретико-методологических подходов в русле новой парадигмы будет зависеть от нескольких составляющих, определяемых выбором исследователя в четыре шага:

- 1) определение уровня, на котором проводится исследование;
- 2) определение степени трансрегиональности исследования;
- 3) определение степени трансдисциплинарности исследования;
- 4) выбор научной школы или направления, в которых исследователь будет черпать подходы и методы.

Уровень исследования

Определение уровня исследования (фактологический, аналитический, теоретический) необходимо для четкого формулирования целей, задач, объекта и предмета исследования, что позволит в дальнейшем определиться с методами.

Фактологический уровень позволяет легко находиться в трансдисциплинарном поле: для работника, собирающего, обобщающего и систематизирующего факты, дисциплинарность стоит далеко не на первом месте. Именно поэтому краеведение и регионоведение (в его фактологическом понимании) обладают наиболее высокой степенью трансдисциплинарности. С точки зрения применения новых подходов фактологический уровень приобретает новое звучание благодаря применению методов региональной информатики: сбор и систематизация данных при помощи автоматизированных программ позволит аналитикам получать необходимые им сведения быстрее, а их точность возрастает, что делает результаты работы на фактологическом уровне репрезентативнее.

На аналитическом уровне сложность применения трансдисциплинарных подходов возрастает по нескольким причинам. Во-первых, научная аналитика диктует применение

более конкретизированных методов, нередко привязанных к предмету исследования: экономические явления требуют методов экономики и т. д. Выход за пределы должен сопровождаться изучением новых методов и подходов, «переизобретением» их в рамках исследования, формированием инструментов синтеза методов. Во-вторых, компетенций одного исследователя может не хватить для полноценной работы, поэтому возрастает необходимость привлечения сторонних специалистов, создания научных коллективов из представителей различных отраслей и т. п. Существуют яркие примеры высокопрофессиональных индивидуальных исследований не только в рамках социогуманитарной междисциплинарной сферы, но на стыке подходов социальных и естественных наук [21], однако такого рода межнаучные «переходы» – скорее исключение, чем правило, поэтому привлечение к сотрудничеству исследователей из других областей неизбежно.

Теоретический уровень возвращается к высокой степени трансдисциплинарности, поскольку ее роль заключается в охвате существующих концепций, их теоретическом переосмыслении, оценке применимости для решения региональных проблем и предложений по разработке новых методов. После разработанная концепция возвращается теоретиками на аналитический уровень и апробируется в конкретных исследованиях регионов и региональных явлений.

Схематически это соотношение можно изобразить так, как показано на рис. 3.

Рис. 3. Степень трансдисциплинарности на различных уровнях регионологических исследований

С точки зрения методологии аналитический уровень оказывается ядром, которому с фактологического уровня предоставляются данные для анализа, с теоретического уровня предлагаются новые методы и подходы для их апробации и закрепления.

Степень трансрегиональности исследования

Повышение сложности при повышении трансрегиональности исследований – общая проблема для всех уровней. Для фактологического уровня при увеличении количества изучаемых и сравниваемых регионов встает проблема понимания региональной специфики, для аналитического – проблема проведения сравнительно-сопоставительных исследований регионов с большими различиями в политическом, социальном, культурном и экономическом развитии, для теоретических – проблема применимости универсальных методов к специфичным регионам и специфично-региональных методов к регионам мира в целом.

Решение проблемы видится в распределении методов по степени трансрегиональности, которая может варьироваться в рамках шкалы от монорегиональных исследований до собственно трансрегиональных. В наиболее общем смысле можно выделить три вида методов в зависимости от степени трансрегиональности:

- 1) методология монорегиональных исследований (исследований с условно нулевой трансрегиональностью);
- 2) методология межрегиональных исследований;
- 3) методология мультирегиональных и собственно трансрегиональных исследований.

Методология монорегиональных исследований. Для монорегиональных исследований, т. е. исследований с условно нулевой трансрегиональностью, наиболее распространенными методами являются различные методы сбора и интегрального осмысления регионально-специфических знаний на основе системного подхода, а также методы анализа данных о проблемах конкретных регионов. При этом

чем более осведомленным становится научное сообщество об особенностях развития конкретного региона, тем чаще этот регион покидает поле зрения монорегиональных исследователей, выходя в область трансрегиональности для проведения сравнительного анализа.

Современные монорегиональные проекты чаще всего сосредоточены либо на конкретной тематике, сохраняющей свою специфичность в глазах научного сообщества внутри уже хорошо исследованного региона, либо на изучении слабоописанных регионов. Этим определяется все больший уклон в сторону выбора регионально-специфических методов, т. е. ориентир на рассмотрение региона через призму методологии, специально для него разработанной.

Так, для первого направления – *изучение конкретной специфики внутри хорошо исследованного региона* – поиск региональных особенностей порождает две тенденции. Одна из них заключается в постепенном уходе в древность (история, философия, культура определенных периодов развития региона и т. п.). Вторая, относящаяся к изучению современности, представлена характерными попытками индигенизации известных подходов и методов в стремлении сделать их подходящими для установления той региональной специфики, которая, по мнению многих ученых, ускользает из-под взора универсальных методов.

Подобного рода подходы предлагаются достаточно регулярно, в особенности это коснулось стран Восточной Азии, где поиски собственной методологии довольно часто становятся предметом научной дискуссии. Примером могут служить работы китайских ученых, например, докторская диссертация социолога Ли Цзункэ «Историческое развитие подходов к изучению индигенизации социологии и пересмотр теории», в которой на основе китайской региональной специфики обосновывается, в частности, приоритет качественных методов применительно к Китаю над количественными, преимущественно отражающими процессы в западных странах [122].

Другим ярким примером из японского опыта является методология, предложенная в работе «Проблемы и методы региональных исследований. Опыт социокультурно-экологической динамики» Татимото Нарифуми, специалиста по Юго-Восточной Азии, подробно проанализированная культурным антропологом Акира Адати [108]. Как полагает А. Адати, онтология и эпистемология, которые приводит в своей книге Н. Татимото, связаны с философией Нисида Китаро, прославившегося попытками интеграции японской традиционной философии и западных идей [63] в том числе в разрезе подходов к пониманию пространства [30]. Полевые исследования в представлении Н. Татимото по сути являются развитием антропологического метода «вчувствования», но с японской спецификой. Этот подход (хотя в книге Татимото об этом прямо не говорится) основывается на идеях, характерных для философии Нисида, таких как «логика места», «чистый опыт», «активная интуиция / интуиция действия» и др. Например, в философии Нисида опыт понимается следующим образом: конкретный опыт, выражающийся в форме «я повествую», на самом деле является проявлением формы «мир повествует». Говоря иначе, в то время, когда человек любит горы, покрытыми красной осенней листвой, эти горы не являются объектом, а человек не является субъектом, поскольку на самом деле он «повествует, став горами» [34]. Таким образом, в полевых исследованиях Н. Татимото определяется необходимость полной трансформации мышления в несколько шагов: 1) от логики субъекта (т. е. логики познающего) к логике предиката (в применении к регионологическому знанию – логике региона); 2) от мышления по модели «субъект – предикат» к так называемому самоограничению места, т. е. к отказу от дуализма субъекта и предиката, исследователя и региона; 3) выход на уровень формирования истории реальности [108]. Таковы векторы пересечения регионологии и японской философии в области теоретико-методологических подходов к изучению регионов.

Второе направление монорегиональных исследований – *изучение слабоописанных регионов* – тяготеет к использованию методов, специально разработанных под их специфику.

Примером служат методы исследования регионов с самобытной аборигенной культурой южной части Тихого океана, они разработаны в рамках научных школ региональных исследований Южно-Тихоокеанского региона. Среди них такие методологические подходы, как «кауапа маори», «какала», «вануа», «таланоа» и др.

«Кауапа маори» (Каурара Māori) – научная школа, философская, образовательная и культурная концепция, специализированная методология, основанная на использовании языка маори в образовании и исследованиях, с погружением для лучшего понимания маорийских ценностей и точек зрения на окружающий мир. Используется не только для максимального приближения к ценностным и культурным ориентирам коренного населения Новой Зеландии, но и для проведения объективного анализа социальных изменений, проходящих в рамках маорийских общин или интегрированных в общий новозеландский контекст маори [25]. Одна из целей данной школы – возрождение и передача традиционной культуры коренного населения Новой Зеландии [100]. Сегодня ведется работа по встраиванию этой методологии в общем поле пантихоокеанских исследовательских направлений [92].

«Какала» – подход, направленный на получение объективного знания о социальной и культурной специфике островных обществ и разработанный с учетом тонганских культурных особенностей и опорой на тонганскую картину мира [90]. Основы этого методологического подхода описала Конаи Хелу-Таман в книге «Какала». Термин «какала» – отсылка к тонганской традиционной практике плетения цветочных венков.

«Вануа» – методология, предложенная исследователем из Южно-Тихоокеанского университета Унаиси Набобо-Баба в 2008 г. и направленная на изучение общества Фи-

джи. «Вануа» означает «племя», в основе метода – этико-культурная первостепенность вовлечения в исследования самих фиджийцев и важность формулировки целей и задач научных проектов с пользой для них [25].

«Таланоа» – еще один теоретико-методологический подход в ЮТР. «Таланоа» на местном языке Тонга означает «место для беседы в неформальной обстановке для рассказывания историй и сопоставления опыта без жесткого диалогового каркаса», это культурно-детерминированный вид бесед, интервью, консультаций и фокус-групп, где интервьюером является местное население, тематика связана со взглядами, переживаниями и нуждами аборигенов [106]. «Таланоа» позиционируется как общий подход для населения всей островной части ЮТР. Этот метод способствует преодолению эпистемологической дистанции между субъектом и объектом изучения и помогает достижению более точных данных [103]. Критики метода указывают на отсутствие у него единой философской основы, что побуждает сторонников данной методологии к ее широкому обсуждению и постоянному поиску путей ее модернизации и совершенствования [105].

Идея изучения региона инструментами, разработанными в самом регионе, не нова, но порождает серьезные дискуссии в мировом научном сообществе, особенно среди последователей универсальных подходов. В то же время с точки зрения интегральной функции трансдисциплинарной регионологии наиболее продуктивным видится совмещение общих подходов с частно-региональными методами, которые разработаны с учетом специфики региона-объекта изучения, или, по крайней мере, предоставление исследователю такого выбора.

Методология межрегиональных исследований. Базовой методологией, применяемой к понятному и исчислимому количеству регионов, является совокупность сравнительно-сопоставительных подходов вкупе с другими, вспомогательными методами.

Японский региолог Синъити Сигэтоми в работе «Очерк сравнительных региональных исследований» [109, р. 26] предлагает общую схему применения сравнительного метода в региологических исследованиях, соответствующую описываемому типу исследований (рис. 4).

Рис. 4. Схема применения метода сравнительного регионального исследования

В рис. 4 сопоставляются два возможных региона – X и Y. В них была поставлена цель решить какую-либо проблему и предприняты для этого одинаковые меры (A). В качестве гипотетических мер у Синъити Сигэтоми приводится предоставление низкопроцентного финансирования фермерских хозяйств, проблемой выступает падении их рентабельности в условиях финансового кризиса [109]. Как мы видим, цель и методы воздействия одинаковы (A), но могут дать разный результат в различных регионах (α, β), что, в свою очередь, даст возможность выявить региональный контекст и структурные условия, определяющие полученную разницу в результатах. Системный подход к контексту и условиям позволит тщательно изучить как сами элементы системы, оказывающие влияние на результаты действий, предпринимаемых в регионе, так и механизмы их взаимодействия [34].

Точность данных, полученных при применении этой методики, определяется значительным числом факторов. Среди тех, что зависят от исследователя, Синъити Сигэтоми называет следующие [109, р. 26]:

1. Переменные, которые отбираются для исследования, необходимо максимально сузить, так как их чрезмерное количество вводит слишком много дополнительных элементов, учет которых будет представлять большую трудность.

2. Регионы, которые выбраны в качестве предмета сопоставления, должны обладать достаточным рядом сходных признаков, либо сравниваться могут лишь сходные контексты и условия в них. Попытка сопоставления чрезмерно различных регионов приведет к нерепрезентативному результату.

3. Понимание своеобразия региона – залог успешного результата, что приводит исследователя к необходимости привлечения к проекту ученых, глубоко понимающих специфику развития конкретных регионов.

Как видно из предложенного подхода, он не касается тех исследований, которые охватывают большое количество регионов и направлены на установление наиболее общих принципов регионального развития.

Методология мультирегиональных и собственно трансрегиональных исследований. Наиболее сложный для осуществления и спорный с точки зрения многих ученых уровень трансрегионализации направлен на изучение закономерностей регионального развития на уровне метарегионов и всего мира как единого региона.

Такого рода методология разрабатывается рядом регионологических школ и направлений (в отечественной науке и на постсоветском пространстве – под руководством А. Д. Воскресенского, И. Н. Барыгина, А. В. Лубского, В. А. Дергачева и Л. Б. Вардомского и др.)

В качестве примера такого рода подходов можно описать методологию мирового комплексного регионоведения А. Д. Воскресенского, в рамках которой предлагается выделять и сравнивать не сами регионы, а модели регионального развития, определяемые спецификой регионов и метарегионов.

Мировое комплексное регионоведение интерпретирует модели цивилизационного развития, в частности, модели

модернизации, сравнивая и выделяя особенности европейской и неевропейской (исламской, китайской и т. д.) модернизации. Активно используется метод моделирования процессов регионального развития. Как уже упоминалось ранее, А. Д. Воскресенский выделяет авторитарно-плановую, авторитарную индустриальную, антиавторитарную индустриальную и антиавторитарную постиндустриальную модели, демонстрируя разницу между западными моделями открытого типа и не-западными моделями закрытого типа [9, с. 7].

Несмотря на то что моделей выделено совсем не много, выбор не является заметно ограниченным: диапазон выбора модели варьируется от полного принятия открытой западной или авторитарной не-западной системы, следования модели с частичной децентрализацией, адаптации западной модели постиндустриального развития под национальные культурные параметры до создания региональной версии распространенной модели и предложения собственной модели развития. Очевидно, что в рамках подобных исследований ключевую роль играет системный подход. Подсистемами выступают политико-экономические системы. Взаимодействие региональных систем осуществляется в условиях интенсивного протекания процессов модернизации, технологического и информационного развития. Анализируются результаты принятия, адаптации и создания модели развития той или иной страной, при этом особое внимание уделяется роли национально-культурной специфики, национальной идентичности, исторически сложившимся особенностям.

А. Д. Воскресенский вводит фактор, влияющий на скорость эволюции систем доступа в определенных странах. Таким фактором выступает характер и степень «дифференциации (однородности/разнородности) мирового пространства» [9, с. 8] и связь с открытостью/закрытостью социального доступа в странах/регионах. Очевидно, что идея такого фактора связана с теорией полярностей мира (однополярности/биполярности/многополярности). Однако в последнее

время мы видим, как полюсами мира становятся целые регионы, региональные сообщества, растет влияние транснациональных корпораций, также выступающих как некий коллективный актор мирового пространства, формируются новые экосистемы, влияние которых на данный момент можно лишь пытаться предсказать. В этих реалиях развитие идеи дифференциации мирового пространства и увязка ее с моделями развития стран и регионов видятся весьма перспективными в плане разработки новых концепций регионалогического толка в поле исследования взаимосвязей и взаимодействий в мировом и региональных пространствах. Как справедливо замечает А. Д. Воскресенский, «возник импульс к формированию новых правил функционирования мировой системы» [Там же, с. 7]. Следовательно, возникает и потребность в разработке и применении соответствующих исследовательских подходов с учетом новых реалий.

При этом включение в исследования не-западной перспективы (здесь можно говорить и об уникальных особенностях развития не-западных обществ, и задействовании не востребованного прежде мировой наукой комплекса накопленных восточными учеными знаний, и в принципе использовании «свежего», нового, альтернативного западному (европейскому, североамериканскому) взгляда), безусловно, значительно расширяет набор исследовательских инструментов, раздвигает рамки дискуссионного поля, обновляет и трансформирует сложившуюся парадигму, обогащает теорию. На практическом уровне значительно увеличиваются возможности многостороннего сотрудничества с исследователями и целыми институтами из не-западных стран. Собственно, сама школа мирового комплексного регионоведения представляет собой пример активного сотрудничества с восточными академическими институтами. По мнению А. Д. Воскресенского, мировое комплексное регионоведение, сосредотачиваясь на региональном уровне исследований, обеспечивает себе широкий набор инструментов для выработки практических решений в сфере регионоведения и международных отношений [7, с. 359].

Необходимо подчеркнуть, что методологию модели доступа, моделей развития можно применять двояко: как глубоко теоретические модели, своего рода веберовские идеальные типы, так и реально реализуемые практики и действующие институты мировых государств. В любом случае ракурс, предложенный школой мирового комплексного регионоведения, способствует обретению нового взгляда на такие актуальные проблемы, как социальное расслоение, этнокультурные конфликты, социальная напряженность, конкуренция культурных моделей и многие другие. На подобное тематическое направление наталкивает идея, озвученная А. Д. Воскресенским, о взаимозависимости жизненного цикла моделей политико-экономического доступа от ряда социально-психологических и культурно-исторических причин [9, с. 14]. Отметим также, что указанные проблемы вполне укладываются в проблемное поле регионологии.

Подобным образом могут быть проанализированы и иные методологические подходы, позволяющие рассматривать объект исследования в мультирегиональном и собственно трансрегиональном ключе.

Степень трансдисциплинарности исследования

Когда понятен уровень и количество исследуемых регионов, ученый может определить со степенью трансдисциплинарности. Как видно из устоявшейся практики, трансдисциплинарность и трансрегиональность стремятся занять обратно-пропорциональные отношения и уравновесить друг друга. Большое количество исследуемых регионов сужает проблему, и как следствие, начинает доминировать дисциплина, занимающая ведущие позиции в решении такого рода проблем. Изучение меньшего количества регионов позволяет подходить к проблемам их регионального развития более комплексно и использовать большее количество подходов и методов из различных наук, но снижает репрезентативность результатов в рамках универсальной

парадигмы: остается вопрос, насколько применимы полученные результаты в регионах с другими характеристиками. И та и другая проблема в трансдисциплинарной парадигме решаются комбинированием описанных выше подходов, например, в рамках сетевых исследований и двунаправленного возвратно-поступательного движения между теорией и практикой.

Выбор методов конкретной школы или направления

После первых трех этапов возможен выбор научной школы или направления, в рамках которых исследователь будет черпать подходы и методы. От всех трех факторов (уровня, степени трансдисциплинарности и трансрегиональности) зависит количество направлений, которые могут предоставить методы и инструментарий, а также то, как исследователь (или группа исследователей) будет их комбинировать.

Современная регионология в интеграции с другими науками предлагает множество теорий регионального развития¹⁶.

Монодисциплины предлагают собственные подходы к изучению регионов в рамках своих отраслей: региональной социологии, региональной экономики, региональной политологии и т. д. Методологическое поле таких субдисциплин постоянно расширяется за счет методов конкретной науки, в частности, базовые методы политологических исследований (см., например, [47]) могут быть успешно применены к исследованию регионов.

Доминантно-дисциплинарные школы, будучи эволюционной ступенью соединения методологии какой-либо науки и регионологического знания, переносят акцент на регион как

¹⁶ Подробнее о теоретико-методологических подходах научных школ и направлений России, США, Китая, Кореи, Японии и других стран и регионов АТР можно прочесть в книгах серии «Трансдисциплинарная регионология», издаваемой в Иркутском государственном университете [27; 34; 38; 40].

объект изучения, но продолжают успешно применять методы наук, на которых базируются. Так формируются школы образовательного/педагогического, социокультурного, исторического регионоведения, филологической/лингвистической/литературоведческой, политической регионалистики и др.

Монорегиональные школы вполне успешно продолжают работу в рамках классических подходов страноведения, а также его аналогов, оформившихся и оформляющихся в самостоятельные научные дисциплины, в частности, востоковедение.

Мультидисциплинарные школы (а также доминантно-дисциплинарные с элементами мультидисциплинарности) находятся на передовом крае разработки теоретико-методологических подходов современной регионологии, поэтому их достижения требуют внимательного изучения, обсуждения, апробации и внедрения в регионологической среде.

Среди значимых для современной регионологии методологических подходов, сформировавшихся в отечественной регионологической науке и постсоветском научном поле, можно назвать следующие:

1) геополитический и цивилизационный подходы В. А. Дергачева и Л. Б. Вардомского;

2) геопространственный подход А. В. Лубского (географическая, геоисторическая, геополитическая, геоэкономическая, геоидеологическая, георелигиозная и геокультурная парадигмы);

3) интегральный социологический подход к региону А. В. Сухарева (изучение закономерностей развития региональных социумов);

4) мировое комплексное регионоведение как исследовательский подход А. Д. Воскресенского (изучение взаимосвязей международных внутривострановых/внутрирегиональных процессов, влияния специфики внутривостранового/регионального развития на глобальные процессы, не-западная перспектива изучения региональных подсистем с точки зрения теории среднего уровня между глобальным/общемировым и

страновым уровнями; интерпретативный подход на основе анализа цивилизационных моделей; моделирование процессов регионального развития в пространстве мира; концепция политических систем с открытым/закрытым доступом; концепция социальной инженерии форматирования национального и мирового пространства);

5) мультидисциплинарный мультипарадигмальный подход И. Н. Барыгина;

6) проблемный подход Я. Г. Машбица (анализ ключевых и специфических региональных проблем, определяющих важнейшие аспекты природопользования, общественно-экономического и этнокультурного развития и др.);

7) пространственный подход в рамках исследований различных региональных процессов (парадигмы регион – квазигосударство, регион – квазикорпорация, регион – квазисоциум А. Г. Гранберга, концепция непланарного пространства П. А. Минакира и др.);

8) регионалистика как «сумма технологий» воздействия на регион В. С. Елистратова (анализ технологий управления регионом, технологии ведения региональной политики).

Важный вклад в развитие теоретико-методологических подходов современной регионологии внесла основанная У. Айзардом региональная наука, продолжающая дополнять и переосмысливать свои теории регионального развития.

Современный региолог, работающий преимущественно в сфере ее интересов (т. е. в области изучения социально-экономических процессов), черпает подходы и методы из следующих теорий:

1. Теории региональной экономической конвергенции: теории экспортной базы (Ч. Тибу, Д. Норт; экономика региона разделена на ориентированный на экспорт базовый сектор и неосновной сектор удовлетворения внутреннего спроса; для экономического роста успех экспортного сектора имеет решающее значение), неоклассическая теория экзогенного роста (Р. Солоу и Т. Свон, Д. Борц и Д. Стейн, Д. Уильямсон; рост экономики региона определяется преж-

де всего заданными извне величинами: сбережения, прирост населения и эффективность труда).

2. Теории региональной экономической дивергенции, в частности, теория полюсов роста (А. Хиршман, М. Фридман; компактно размещенные и динамично развивающиеся отрасли промышленности (полюса роста) порождают цепную реакцию возникновения и роста промышленных центров на определенной территории).

3. Структуралистские теории: теория стадий/секторов (Э. Гувер и Д. Фишер, Й. Шумпетер, У. Ростои, У. Томпсон, А. Пред; рост экономики происходит внутри региона последовательно через несколько стадий), теория цикла прибыли / жизненного цикла продукта (Р. Вернон, Э. Маркусен; региональное развитие и изменения рассматриваются с точки зрения эволюции структур региональной промышленности, необходимой для продажи товаров), теория промышленного реструктурирования (С. Сассен, Б. Блустоун и Б. Харрисон, Т. Нойель и Т. Стэнбэк, Р. Уолкер и М. Сторпер; структурные изменения в организации отрасли промышленности влияют на региональные рынки капитала и рабочей силы), теория гибкой специализации / сетевая (М. Пиоре и Ч. Сабель, А. Саксениан, М. Портер, Э. Маркусен; экономический рост стимулирует «гибкая специализация» основанная на использовании гибких ресурсов труда и капитала, которые можно легко изменить в соответствии с потребностями меняющихся рынков), марксистские теории (Д. Гордон, Д. Харви, А. Уоткинс и Д. Перри, Э. Маркусен; корни экономического кризиса неравномерного развития регионов заключаются непосредственно в природе капиталистической системы).

4. Теории о роли политических институтов в региональном развитии: теория машины роста (Х. Молотч, Д. Логан; особенно важную роль в формировании городов играют интересы тех, чья недвижимость приобретает ценность, когда происходит экономический рост; эти действующие лица составляют «машины местного роста»), новая институциональная экономика (О. Уильямсон, Д. Норт; на

экономику влияют институты, основное внимание надо уделять анализу таких факторов, как транзакционные издержки, права собственности, контрактные агентские отношения).

5. Новые теории: теория эндогенного роста (Т. Купманс, Д. Касс, Й. Шумпетер, К. Эрроу, П. Ромер, Р. Барро, Д. Ашауэр, Д. Россер, К. Баттон; инвестиции в человеческий капитал, инновации и знания внутри региона вносят существенный вклад в экономический рост), новая экономическая география (П. Кругман, А. Пред; региональные кластеры экономической активности возникают благодаря комбинации центробежных и центростремительных сил по модели «ядро – периферия») [38].

Этот далеко неполный перечень теорий регионального развития и исследовательских подходов дает некоторое представление о выборе, который будет у исследователя после того, как он определит уровень своего проекта в структуре трансдисциплинарной регионологии, а также степень трансрегиональности и трансдисциплинарности. Однако вполне очевидно, что тематика подходов и методологии требует тщательного изучения и дальнейшей систематизации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение регионального знания и соответствующих наук в русле формирующейся парадигмы трансдисциплинарности позволяет сделать ряд выводов. Регионоведение вступило в период «экстраординарной науки», характеризующейся сменой парадигмы. Тенденции изменения парадигмальной теории в регионоведении следуют логике научных революций, описанной Т. Куном и В. С. Степиным. Подробное рассмотрение указанных концепций в применении к социальным наукам позволило обнаружить, что сама логика научных революций не противоречит в корне логике развития социальных наук, хотя последние проявляют ряд характерных особенностей развития, отличных от хода эволюции естественных наук. Исследование исторической реконструкции развития социальных теорий позволило сделать вывод о правомерности применения концепции научных революций к социальным наукам. Выявлено, что социальные науки (в их числе регионоведение) предстают специальным случаем в рамках концепции научных революций.

Несмотря на то что регионоведение, как все социальные науки, является мультипарадигмальной, анализ тенденций в современных исследовательских стратегиях и в широких контекстах (философско-методологическом и социально-культурном) позволяет констатировать формирование своего рода универсальной, доминирующей парадигмы в науках о регионе – трансдисциплинарной парадигмы. Обоснованность трансдисциплинарной парадигмы в регионоведении детерминирована рядом предпосылок. Во-первых, требуют концептуального оформления характерные для регионоведения междисциплинарность, мультидисциплинарность. Во-вторых, требует разрешения противоречие, происходящее из сложившегося в регионоведении сосуществования доминантно-дисциплинарного и мультидисциплинарного подходов. В-третьих, существует необходимость в устранении противоречия между объективным и субъективным по-

ниманием региона. В-четвертых, востребованность трансдисциплинарной парадигмы в регионологии соответствует возрастающей сложности региона как системы (в работе описана наблюдаемая сегодня исключительная ситуация, когда, с одной стороны, повышается субъектность регионов и значимость территориального капитала, а с другой стороны, происходит «отрыв» от территории, нивелирование привязки к территории вследствие цифровизации). В-пятых, в полном соответствии с концепцией научных революций в регионологии явно обозначился ряд «парадоксов» (расхождений с действительностью). В-шестых, существует востребованность интеграции академического и неакадемического знания. В-седьмых, явным признаком смены парадигмы явился концептуальный кризис в региональных науках, обнаруживший себя к началу XXI в. и широко описанный в регионологической литературе.

Проявившаяся трансдисциплинарная парадигма в регионологии, а также необходимость и актуальность включения в поле региональных исследований таких ключевых концептов, как региональное развитие и региональное своеобразие, обусловили целесообразность выделения трансдисциплинарной регионологии как интегральной науки. Эта наука изучает своеобразие регионов и нацелена на выявление и формулирование законов регионального развития. Ее базовая цель – выявление закономерностей развития регионов мира на основе трансдисциплинарного подхода с опорой на научно-прагматический опыт исследуемого региона или группы регионов.

Проведена работа по определению роли и места смежных и родственных дисциплин: регионоведения, регионалистики и других в рамках изучаемой отрасли. В рамках комплексного рассмотрения общих тенденций развития наук о регионе были сформулированы подходы к формированию регионологического знания в России, западной науке, в Китае, Японии и других регионах мира, проанализированы особенности регионологических школ зарубежных стран: США, Китая, Японии. Так, например, в китай-

ской регионологии четко прослеживается экономическая ориентация; японская регионология активно задействовала проблемный подход; в американской школе самым ранним подходом в определении региона в институционализированном регионологическом знании явился подход, базирующийся на политике и международных отношениях, после чего произошел разворот в сторону экономики.

Структура трансдисциплинарной регионологии выделена на основе нескольких подходов: по соотношению теории и практики, с точки зрения региональной специфики научных школ, а также по степени их трансдисциплинарности и трансрегионализации. Детализация структуры выражена в определении роли и места субдисциплин трансдисциплинарной регионологии, отечественных и зарубежных, общих и специальных.

Разработка проблемы формирования трансдисциплинарной парадигмы в науках о регионе, развитие теории и методологии трансдисциплинарной регионологии видится важнейшим направлением регионологических исследований, позволяющим систематизировать значительный, неоднородный объем разнообразных сведений о регионе, создать вектор региональных исследований, адекватный текущему состоянию социального мира, концептуализировать исследовательские проблемы, связанные с региональным развитием и другими региональными процессами, и способствовать получению нового комплексного, интегрального знания о регионах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Литература на русском языке

1. Аверинцев С. С. Два рождения европейского рационализма // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 3–13.
2. Баранский Н. Н., Каминский Б. М. Социалистическая реконструкция областей, краев и республик СССР в постановлениях партийных и советских органов : пособие для проработки районного курса экономической географии СССР. Ч. 2. М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1932. 276 с.
3. Барыгин И. Н. Теория международных отношений и регионоведение в контексте основных научных парадигм // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2005. Т. 1, № 3. С. 114–123.
4. Батищев Г. С. Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. М. : Наука, 1969. С. 73–144.
5. Бауман З. Текущая современность. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
6. Воскресенский А. Д., Колдунова Е. В., Киреева А. А. Трансрегиональные и региональные проекты в условиях «постзападной» международной реальности // Сравнительная политика и геополитика. 2017. Т. 8, № 2. С. 37–57.
7. Воскресенский А. Д. Мировое комплексное регионоведение как исследовательский подход и научная школа // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20, № 2. С. 356–366.
8. Воскресенский А. Д. Мировое комплексное регионоведение и перспективы построения незападной (китаизированной) теории международных отношений // Полис. Политические исследования. 2013. № 6. С. 82–96.
9. Воскресенский А. Д. Социальные порядки и пространство мировой политики (историческая эволюция мировой системы) // Полис. Политические исследования. 2013b. № 2. С. 6–23.
10. Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И. Регионоведение : учеб. пособие. М. : Гардарики, 2002. 384 с.
11. «Глубокие корни дают густую листву»: перспективы образовательных и научных связей между Россией и КНР / П. П. Дерюгин, А. А. Барбарич, Л. А. Лебединцева, Н. В. Кухаренко // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2019. Т. 12. Вып. 3 : Социология. С. 288–294.

12. Гранберг А. Г. Моделирование пространственного развития национальной и мировой экономики: эволюция подходов // Регион: экономика и социология. 2007. № 1. С. 87–107.

13. Гранберг А. Г. Экономическое пространство России: вечные проблемы, трансформационные процессы, поиск стратегий // Закономерности и перспективы трансформации общества : материалы V Междунар. Кондратьев. конф. М. : МФК, 2004. Т. 1. С. 17–23.

14. Григоричев К. В. Базар и город: «китайский» рынок как точка сборки городского пространства // Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи : сб. ст. / науч. ред. В. И. Дятлов, К. В. Григоричев; Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 2015. С. 86–105.

15. Губин О. И. Собираательно-имиджевая модель социологической парадигмы: критический анализ многопарадигматичной социологии Джорджа Ритцера // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и Политология. 2011. № 3. С. 37–54.

16. Дахин А. В. Политическая регионалистика в России: на пути к устойчивой научной полноте // Политическая регионалистика. 2016. № 2. С. 132–163.

17. Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие / пер. с англ. А. Маркова. М. : Нов. лит. обозрение, 2015. 576 с.

18. Дергачев В. А., Вардомский Л. Б. Регионоведение. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2010. 519 с.

19. Дневник Дыбовского / сост. А. Д. Калихман, Т. П. Калихман : сб. тр. Иркутск : Оттиск, 2020. 575 с.

20. Доленко Д. В. Александр Иванович Сухарев и развитие регионологии // Регионология. 2011. № 3 (76). С. 4–8.

21. Дробышев Ю. И. Климат и ханы: роль климатического фактора в политической истории Центральной Азии : монография. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2018. 264 с.

22. Елистратов В. С. Регионоведение: «ищите термин!» // Актуальные проблемы регионоведения. Работы преподавателей факультета иностранных языков МГУ им. М.В. Ломоносова. М. : МГУ, 2004. Вып. 1. С. 7–14.

23. Захаренко И. А. Востоковедное страноведение Китая: мифы и реальность // Общество и государство в Китае. 2013. Т. 43, № 2. С. 240–246.

24. Захаренко И. А. Историческая география Великого чайного пути: историко-культурные методологические аспекты исследования // Кяхта – национальное достояние России : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию Кяхтин. района и 290-летию г. Кяхта. Кяхта, 10–12 июня 2018 г. Улан-Удэ : Бурят. гос. ун-т им. Доржи Банзарова, 2018. С. 50–54.

25. Иванов К. А., Кремнёв Е. В. Региональные исследования в Южнотихоокеанском регионе: современное состояние, региональные особенности, перспективы развития // Южнотихоокеанский регион в прошлом и настоящем : монография / отв. ред.-сост. Д. С. Панарина ; Ин-т востоковедения РАН. М. : ИВ РАН, 2020. С. 348–416.

26. Институт геополитики профессора Дергачева. URL: <http://dergachev.ru/>

27. История и методология региональных исследований в Азиатско-Тихоокеанском регионе : монография / [под науч. ред. Е. Ф. Серебrenниковой ; отв. ред. О. В. Кузнецова]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. (Трансдисциплинарная регионология).

28. Калихман А. Д., Калихман Т. П. Концептуальные и парадигмальные основания регионоведения // IV Готлибовские чтения: востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в контексте трансдисциплинарного знания : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 7–9 дек. 2020 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [отв. ред. Е. Ф. Серебrenникова]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 266–284.

29. Калихман А. Д., Калихман Т. П., Сутула В. И. Южный Байкал: природа и люди. Иркутск ; Танхой, 2019. 269 с.

30. Карелова Л. Б. Пространство и время в философии Нисида Китаро // Японские исследования. 2018. № 1. С. 71–79.

31. Киященко Л. П., Моисеев В. И. Философия трансдисциплинарности. М. : ИФ РАН, 2009. 205 с.

32. Колдунова Е. В. Мировое комплексное регионоведение как исследовательский подход и учебная дисциплина // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 50 (5). С. 63–69.

33. Котенко В. П. Парадигма как методология научной деятельности // Библиосфера. 2006. №3. С. 21–25.

34. Кремнёв Е. В. Региональные исследования в Японии : монография / [под науч. ред. Е. Ф. Серебrenниковой]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 181 с. (Трансдисциплинарная регионология).

35. Кремнёв Е. В., Лесниковская Е. В. К вопросу о целях и задачах трансдисциплинарной регионологии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3. С. 65–75.

36. Кремнёв Е. В. Структура трансдисциплинарной регионологии как научной дисциплины // Теория и практика регионоведения. Т. 3 : тр. II Междунар. науч.-практ. регионвед. конф. Иркутск, 14–15 сент. 2019 г. / отв. ред. В. В. Яковлев. СПб., 2020b. С. 32–43.

37. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. №1 (001). С. 6–17.

38. Кузнецова О. В. Региональные исследования в США : монография / [под науч. ред. Е. Ф. Серебренниковой]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 363 с. (Трансдисциплинарная регионология).

39. Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. М. : Прогресс, 1977. 300 с.

40. Лесниковская Е. В., Кремнёв Е. В. Регионология, регионалистика, регионоведение и другие академические пространства российских региональных исследований : монография / [под науч. ред. Е. Ф. Серебренниковой]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. (Трансдисциплинарная регионология).

41. Лесниковская Е. В. Реконцептуализация регионоведения: современные вызовы // Социальное образование в современной России: смена парадигм и поиск новых решений : науч.-метод. материалы. Иркутск : Отгис, 2014. С. 122–124.

42. Лысак И. В. Междисциплинарность и трансдисциплинарность как подходы к исследованию человека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6 (44). В 2 ч. Ч. 2. С. 134–137.

43. Макеева С. Б. История регионального развития Китая в русле формирования системы китайских регионоведческих знаний : монография. СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. 204 с.

44. Макеева С. Б. Исследования развития регионов в рамках трансдисциплинарной регионологии // Теория и практика регионоведения. Т. 2 : тр. I Междунар. науч.-практ. регионoved. конф. Санкт-Петербург, 7 дек. 2018 г. / сост. и гл. ред. В. В. Яковлев ; отв. ред. Т. В. Вольская. СПб., 2018. Кн. 2. С. 6–14.

45. Максаковский В. П. Географическая карта мира. Общая характеристика мира. Региональная характеристика мира. М. : Дрофа (Высшее образование), 2004. 318 с.

46. Малявин В. В. Евразия и всемирность. М. : Рипол Классик, 2015. 352 с.

47. Мангейм Дж. Б., Рич Р. К. Политология. Методы исследования : пер. с англ. / предисл. А. К. Соколова. М. : Весь Мир, 1997. 544 с.

48. Машбиц Я. Г. Комплексное страноведение. Смоленск : Изд-во СГУ, 1998. 238 с.

49. Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. 2010. № 2. С. 6–32.

50. Науменко В. Е. Инновационный подход в разработке модели вузовского курса «Регионоведение» // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 4 (42). С. 74–78.

51. Обедков А. П. Северное регионоведение как научно-образовательное направление в комплексном регионоведении и страноведении // Пространственная организация общества: теория, методология, практика : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 7–11 нояб. 2018 г. Пермь, 2018. С. 636–643.

52. Обедков А. П. Северное регионоведение как научная и образовательная дисциплина: история развития, предмет, содержание // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления. 2017. № 19 (24). С. 130–141.

53. Павловский И. В. Введение в регионоведение : учеб. пособие / МГУ им. М. В. Ломоносова. М. : Центр по изучению взаимодействия культур, 2012. 199 с.

54. Павловский И. В. Регионоведение сегодня // Вестник Московского университета. Серия 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. С. 145–156.

55. Павловский И. В. Социокультурное регионоведение как гуманитарная специальность. Ч. 1 // Вестник Московского университета. Серия 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2. С. 102–109.

56. Платонова С. И. Научные революции и социальные науки // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2017. № 1–3. С. 63–67.

57. Разумовский В. Н., Севастьянов Д. В. Регионоведение и страноведение в структуре географической науки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 7, Геология. География. 2009. № 4. С. 81–86.

58. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб. : Питер, 2002. 688 с.

59. Рождественский Ю. В. Введение в культуроведение : учеб. пособие для вузов. М. : ЧеРо, 1996. 288 с.

60. Розов Н. С. Философия и теории истории. Кн. 1. Прологомены. М. : Логос, 2002. 656 с.

61. Руцкая И. И. Регионоведение и краеведение: масштабы различий и формы взаимодействий // Вестник Московского университета. Серия 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 3. С. 9–16.

62. Саушкин Ю. Г. Новое экономическое районирование. М. : Знание, 1963. 32 с.

63. Скворцова Е. Л. Японская культура в воззрениях Нисиды Китано // Философские науки. 2018. № 8. С. 46–66.

64. Степин В. С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.

65. Сухарев А. И. Регионология и современная региональная политика в Российской Федерации // Регионология. 1992. № 1. С. 4–9.
66. Шульц Э. Э. «Революция»: к вопросу о возникновении термина // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2016. № 24 (2455), вып. 38. С. 87–93.
67. Шумилин А. Т. Проблемы теории творчества. М. : Высш. шк., 1989. 143 с.

Литература на английском языке

68. Amabile T. The social psychology of creativity. New York : Springer, 1983. 390 p.
69. Christaller W. Central Places in Southern Germany / transl. Baskin C. W. Englewood Cliffs, N. J. : Prentice-Hall, 1966. 230 p.
70. Darian-Smith E., McCarty P. Beyond Transdisciplinarity: Developing a Global Transdisciplinary Framework // Transcience. 2016. Vol. 7(2). URL: https://www2.hu-berlin.de/transcience/Vol7_No2_1_26.pdf
71. Dawkins C. J. Regional Development Theory: Conceptual Foundations, Classic Works, and Recent Developments // Journal of Planning Literature. 2003. Vol. 18, N 2. P. 131–172.
72. Dirlik A. Asia Pacific Studies in an Age of Global Modernity // Remaking Area Studies: Teaching and Learning Across Asia and the Pacific : Honolulu : University of Hawaii Press, 2010. P. 5–23.
73. Du Plessis H., Sehume J., Martin L. Concept and Application of Transdisciplinarity in Intellectual Discourse and Research. Johannesburg, MISTRA, 2014. 266 с.
74. Duroselle J. B. Area Studies: Problems of Method // International Social Science Bulletin. 1952. Vol. 4, N 4. P. 636–646.
75. Edward de bono on innovation vs creativity. URL: <https://m.youtube.com/watch?v=eWM1PK2XrJ4>
76. Fox K. A., Krishna Kumar T. The Functional Economic Area: Delineation and Implications for Economic Analysis and Policy // Papers of the Regional Science Association. 1965. N 15. P. 57–85.
77. Hall R. Area Studies: With Special Reference to Their Implications for Research in the Social Sciences. N. Y. : Social Science Research Council, 1948. 90 p.
78. Hoover E. M., Giarratani F. An Introduction to Regional Economics. 3rd ed. New York : Alfred A. Knopf, 1985. URL: <https://researchrepository.wvu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1003&context=rri-web-book> (date of access: 26.11.2020).

79. Isard W. History of Regional Science and the Regional Science Association International. The Beginnings and Early History. Berlin, Heidelberg ; New York : Springer-Verlag, 2003. 267 p.
80. Isserman A. M. The History, Status, and Future of Regional Science: An American Perspective // International Regional Science Review. 1995. Vol. 17, N 3. P. 249–296.
81. James P. E. Discussion: The Core and Boundaries of Regional Science // Papers and Proceedings of the Regional Science Association. 1958. N 4. P. 23–26.
82. Kim H. Y., McCann P. Japanese contributions to regional science // Papers in Regional Science. 2020. N 99. P. 389–402.
83. Kim Sang Mook, Park Min Jae. Evaluation of Cross-National Global Market Segmentation and Strategy: The Case of Korean Wave for ASEAN Countries // Asia Pacific Management Review. 2020. Vol. 25. P. 207–215.
84. Kremnyov E. V., Lesnikovskaya E. V., Kuznetsova O. V. Modern transdisciplinary regionology: the goal and the objectives // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences (Prepublication). 2019. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/111803>.
85. Losch A. The Economics of Location / transl. Woglom W. H. New Haven, CT : Yale University Press, 1954. 520 p.
86. Loveridge S. Original Introduction to Regional Science by Director Regional Research Institute, West Virginia University, August, 2000. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/9695/d0f478e14865e36e9eddf4720bbf90d9f1c8.pdf> (date of access: 28.11.2020).
87. Ludden D. Area studies in the age of globalization. URL: <http://www.sas.upenn.edu/~dludden/GlobalizationAndAreaStudies.htm> (date of access: 10.05.2019).
88. Markusen A. Growing Pains: Thoughts on Theory, Method, and Politics for a Regional Science of the Future // International Regional Science Review. 1995. Vol. 17, N 3. P. 319–326.
89. Markusen A. R. Regions: The Economics and Politics of Territory. Totowa, NJ : Rowman and Littlefield, 1987. 304 p.
90. Meek V., Suwanwela C. Higher Education, Research, and Knowledge in the Asia-Pacific Region. New York : Palgrave Macmillan, 2006. 240p.
91. Morton L. National Security and Area Studies: The Intellectual Response to the Cold War // The Journal of Higher Education. 1963. Vol. 34, N 3. P. 142–147.
92. Naepi S. Navigating the currents of kaupapa Māori and Pan-Pacific research methodologies in Aotearoa New Zealand // MAI journal. 2015. Vol. 4, N 1. P. 71–84.

93. Petrie H. G. Interdisciplinary Education: Are We Faced with Insurmountable Opportunities? // *Review of Research in Education*. 1992. Vol. 18. P. 299–333.
94. Powers M. K. Area Studies // *The Journal of Higher Education*. 1955. Vol. 26, N 2. P. 82–89+113.
95. Prevelakis J. The relevance of Jean Gottmann in today's world // *Ekistiks*. Vol. 70 (422–423). P. 295–304.
96. Richardson H. W. Aggregate Efficiency and Interregional Equity // *Spatial Inequalities and Regional Development* / eds. H. Folmer and J. Oosterhaven. Boston: Martinus Nijhoff, 1979. P. 161–183.
97. Schafer W. Reconfiguring area studies for the global age // *Globality Studies Journal*. 2010. N 22. URL: <https://gsj.stonybrook.edu/article/reconfiguring-area-studies-for-the-global-age/> (date of access: 10.05.2019).
98. Sideway J. D. Geography, globalization and the problematic of area studies. <http://dx.doi.org/10.1080/00045608.2012.660397> (date of access: 17.04.2019).
99. Smith N. Remapping area Knowledge. Remaking Area Studies: Teaching and Learning across Asia and the Pacific. Honolulu: University of Hawaii's Press. 2010. P. 24–40.
100. Steward G. Kaupapa Māori science. Hamilton, NZ : The University of Waikato, 2007. 231 p.
101. Steward J. H. Area Research: Theory and Practice. N. Y. : Social Science Research Council. Bulletin 63, 1950. 183 p.
102. Szanton D. The origin, Nature and Challenges of Area Studies in the United States. URL: <https://escholaship.org/uc/item/59n2d2n1> (date of access: 10.05.2019).
103. Talanoa: Tongan epistemology and Indigenous research method / A. Tecun, I. Hafoka, L. 'Ulu'ave, M. 'Ulu'ave-Hafoka // *AlterNative*. 2018. Vol. 14, N 2. P. 156–163.
104. *The Oxford Handbook of Methods for Public Scholarship* / ed. by P. Leavy. Oxford University Press, 2019. 768 p.
105. Tunufa'I L. Pacific Research: Rethinking the Talanoa 'Methodology' // *New Zealand Sociology*. 2016. Vol. 31, N 7. P. 227–239.
106. Vaioleti T. Talanoa research methodology: a developing position on pacific research // *Waikato Journal of Education*. 2006. Vol. 12, N 1. P. 21–34.
107. Wallerstein I. Open the Social Sciences // *Items*. 1996. Vol. 50 (1). P. 1–7.

Литература на японском языке

108. 足立明. 立本成文著『地域研究の問題と方法——社会文化生態学の試み』// ソシオロジ. 1998. 43 (2). P. 91–101.
109. 重富真一. 比較地域研究試論 // アジア経済. 2012. 第 540 卷第 4 号. 23–33 ページ.
110. 柴宜弘. 地域研究としての日本研究 // 中欧研究. 2016 年 11 月. 第 2 号.
111. 大学教育の分野別質保証のための教育課程編成上の参照基準. 地域研究分野平 // 日本学術会議. 2014 年 9 月 3 日. URL: <http://www.scj.go.jp/ja/info/kohyo/pdf/kohyo-22-h140903.pdf> (date of access: 29.10.2020).
112. 地域研究分野の展望 // 日本学術会議. 2010 年 4 月 5 日. URL: <http://www.scj.go.jp/ja/info/kohyo/pdf/kohyo-21-h-1-7.pdf> (date of access: 29.10.2020).
113. 不透明化する世界と地域研究の推進 — ネットワーク化による体制の強化に向けて — // 日本学術会議. 2020 年 9 月 1 日. URL: <http://www.scj.go.jp/ja/info/kohyo/pdf/kohyo-24-t295-4.pdf> (date of access: 29.10.2020).
114. 山本博之. [総特集にあたって]新しい地域研究をめざして // 地域研究方法論. 2012a. 12 卷 2 号. P. 6–15.
115. 山本博之. 地域研究方法論——想定外に対応する「地域の知 // 地域研究. 2012b. 12 卷 2 号. P. 18–27.

Литература на китайском языке

116. RSAC. 中国区域科学协会. URL: <http://www.rsac.org.cn/>
117. 艾萨德. 区域科学导论 / 陈宗兴, 译. 北京: 高等教育出版社, 1991.
118. 陈宗兴. 经济活动的空间分析作. 西安: 陕西人民出版社, 1989 年.
119. 李京文, 李剑玲. 京津冀协同创新发展比较研究 // 经济与管理. 2015 年. 第 2 期. 第 13-17 页.
120. 李京文. 21 世纪的中国经济发展战略. 北京: 中国城市出版社, 2002. 354 页.
121. 李京文. 科技富国论. 北京: 社会科学文献出版社, 1995. 496 页.
122. 李宗克. 社会学本土化论题的历史演进与理论反思: 博士学位论文. 专业名称: 社会学. 上海: 华东理工大学, 2013. 132 页.
123. 李京文. 生产率与中、美、日经济增长研究. 北京: 中国社会科学出版社, 1993. 第 532 页.
124. 马洪. 经济结构与经济管理. 北京, 1984. 333 页.
125. 马洪. 社会主义制度下的商品经济. 上海, 1985. 69 页.
126. 马洪. 试论我国社会主义经济发展的新战略. 北京, 1982a. 134 页.

127. 马洪. 中国经济调整改革与发展. 山西人民出版社, 1982b. 404 页.
128. 米娟, 苏星宇. 区域经济增长影响因素及差异性分析 // 生产力研究. 2012 年. 第 9 期. 第 18-22 页.
129. 实施区域协调发展战略 . URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2018/0105/c415067-29747975.html>.
130. 孙久文, 夏文清. 区域差距与亟待解决的问题 // 改革. 2011 年. 第 6 期. 第 48-53 页.
131. 王在亮. 改革开放以来中国区域合作理论研究. 北京: 中国社会科学出版社, 2016 年. 259 页.
132. 张超, 沈建法. 区域科学论. 东京: 华中理工大学出版社, 1991. 359 页.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕРМИНОВ, СЛУЖАЩИХ ДЛЯ НОМИНАЦИИ НАУЧНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ И УЧЕБНЫХ ДИСЦИПЛИН О РЕГИОНАХ

Основания сопоставительной характеристики

В настоящее время в русскоязычном научном дискурсе нет единого подхода в употреблении терминов, обозначающих науку о регионах. При отсылках к школам и направлениям других стран каждый автор также самостоятельно выбирает эквивалент, который представляется ему наиболее подходящим. В связи с этим любой из приведенных ниже англоязычных терминов в различных источниках на русском языке обозначается разными способами: регионоведение, регионалистика, регионология, региональные исследования и т. д.

Предлагаемое нами сопоставление представляет собой попытку выстроить систему обозначения, при которой термины будут иметь собственный эквивалент и отсылать к тому референту, который этот термин называет в оригинале. Этот подход исходит из двух базовых принципов. Первый – принцип континуальности – предполагает, что термины, обозначающие эту науку или ее отрасли в разных странах, формировались и отбирались одновременно с предметным содержанием самой науки. Они отражают исторически сложившиеся в ней специфические подходы, а потому в силу значительной разницы этих подходов, их эволюции и источников они не могут служить эквивалентами для терминов других стран, за исключением тех случаев, когда наука и ее содержание были заимствованы из другой страны или региона вместе с термином. Второй принцип – принцип прямого соответствия – состоит в том, что при построении терминологической системы эквиваленты подбирались с максимально возможной степенью соответствия: применялся калькированный перевод с сохранением структуры и корневых морфем, где это возможно. Кроме того, мы полагаем, что в русскоязычных текстах термины, обозначающие школы и направления других стран, должны сопровождаться своими иноязычными эквивалентами, приведенными в скобках или сносках.

Термины и понятия, сформировавшиеся в русскоязычном дискурсе

Термины «регионоведение», «регионалистика», «регионоведение» часто используются как синонимы в следующих случаях:

- 1) для обозначения системы регионологического знания в целом;
- 2) для перевода сходных по значению терминов англоязычного дискурса, таких как *area studies*, *regional studies*, *regional science* и других, чаще всего без установления прямого соответствия, т. е. вариант перевода исследователь выбирает сам.

Разграничение терминов и понятий русскоязычного дискурса

Регионоведение (*Regionology*). Данным термином в русскоязычном научном дискурсе обозначается интегральное научное направление, предложенное А. И. Сухаревым в 1981 г. и первоначально развивавшееся на базе проблемной научно-исследовательской лаборатории, с 1991 г. это направление разрабатывалось на базе НИИ комплексного социального и экономического развития регионов Нечерноземной зоны РСФСР, с 1995 г. – на базе НИИ регионоведения, который определяет регионоведение как научное направление, исследующее закономерности комплексного экологического, экономического, социального, политического и духовного развития (воспроизводства) социумов регионов, управления этим процессом (по материалам сайта НИИ регионоведения).

В англоязычном дискурсе термин *Regionology* употребляется крайне редко, в основном как вариант перевода для понятия «регионоведение».

Регионалистика (*Regionalistics*). Термин, которым в русскоязычном дискурсе наряду с регионоведением обозначаются специализированные научные направления, посвященные изучению региональной специфики в рамках методологии одной науки или нескольких смежных наук (политическая регионалистика, филологическая регионалистика и т. п.).

Регионалистика в наиболее общем смысле нередко отграничивается от регионоведения путем указания на тесную связь последнего с профессионально-образовательной сферой, тогда как под регионалистикой предлагается понимать только научно-исследовательское и аналитическое направление.

Термин *Regionalistics* редко употребляется в англоязычном дискурсе, как правило, его используют для перевода русского термина.

Регионоведение (Area Studies). Термин, получивший значительное распространение в русскоязычном дискурсе. Им могут обозначать:

1) специализированные научные направления, исследующие региональные особенности в рамках методологии одной науки или нескольких смежных наук (социокультурное регионоведение, образовательное регионоведение и т. п.);

2) научные школы, изучающие проблемы регионального развития и позиционирующие себя как мультидисциплинарные (мировое комплексное регионоведение и др.);

3) комплекс направлений подготовки в системе высшего образования РФ, в настоящее время входящий в укрупненную группу «Политические науки и регионоведение».

Регионоведение в наиболее общем смысле часто отграничивается от регионалистики путем указания на тесную связь регионоведения с профессионально-образовательной сферой, тогда как под регионалистикой предлагается понимать только научно-исследовательское и аналитическое направление.

Термины для обозначения направлений подготовки в сфере высшего образования в РФ

Регионоведение России (Russian Area Studies). Направление подготовки в системе высшего образования РФ, целью которого является формирование компетенций для выполнения организационно-управленческих, проектных, экспертно-аналитических, научно-исследовательских, информационно-коммуникативных и педагогических задач в профессиональных сферах, связанных с регионами России. Входит в укрупненную группу «Политические науки и регионоведение».

Зарубежное регионоведение (Foreign Area Studies). Направление подготовки в системе высшего образования РФ, целью которого является формирование компетенций для выполнения дипломатических, организационно-управленческих, экспертно-аналитических, научно-исследовательских, консультационных и проектных задач в профессиональных сферах, связанных со взаимодействием с зарубежными регионами. Входит в укрупненную группу «Политические науки и регионоведение».

Термины и понятия, заимствованные из англоязычного дискурса

Regional Science (региональная наука). Научное направление, основанное американским экономистом Уолтером Айзардом в 1950-е гг. с целью проведения мультидисциплинарных исследований пространственного и территориального взаимодействия и взаимозависимости экономических, социальных, политических и экологических явлений, связанных с развитием городов и регионов (из книги У. Айзарда «История региональной науки и Международной ассоциации региональной науки»).

Regional Studies (региональные исследования). Междисциплинарная область знаний, первоначально получившая свое развитие на базе Ассоциации региональных исследований, основанной в 1965 г. с целью содействия образованию в области региональных исследований (исследований, связанных с экономическими, физическими и социологическими проблемами развития регионов) путем обмена идеями и информацией, поддержки исследований в области регионального планирования, развития функций и распространения их результатов (из меморандума Ассоциации). Позднее термин, наряду с Area Studies, стал обозначать разного рода исследования регионов мира в самом широком смысле.

Area Studies (регионоведение). Академическая дисциплина, первоначально получившая распространение в вузах Европы и США после Второй мировой войны с целью подготовки квалифицированных специалистов, способных давать комплексную оценку другим странам и регионам. Позднее термин, наряду с Regional Studies, стал обозначать разного рода исследования регионов мира в самом широком смысле.

Термины и понятия, предложенные участниками проекта «История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле современной трансдисциплинарной регионологии»

Трансдисциплинарная регионология. Наука интегративного плана, изучающая экономико-географическое, культурно-историческое, социально-политическое, языковое и иное своеобразие регионов, выявляющая закономерности регионального развития и межрегионального взаимодействия и опирающаяся на комплексную теоретико-методологическую базу, разработанную в регионах – объектах исследования. Термин применяется нами для

обозначения современной мировой науки о регионах в целом. Впервые употреблен в работе С. Б. Макеевой, одного из участников проекта «История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле современной трансдисциплинарной регионологии» [44].

Регионологическое знание. Совокупность знаний о регионах и подходов к получению такого знания. Включает проторегионологическое, систематическое регионологическое и институционализированное регионологическое знание.

Проторегионологическое знание. Первый из трех периодов развития регионологического знания. Включает все возможные для отдельно взятой страны этапы, связанные с накоплением знаний о регионах до их обобщения и систематизации в рамках отдельных научных дисциплин.

Систематическое регионологическое знание. Второй из трех периодов развития регионологического знания. Охватывает этапы с начала обобщения и систематизации знаний о регионах в рамках отдельных научных дисциплин до институционализации науки о регионах как относительно самостоятельной отрасли, для каждой страны в отдельности может начинаться и заканчиваться в разное время.

Институционализированное регионологическое знание. Третий из периодов регионологического знания, который начинается с момента оформления науки о регионах в качестве относительно самостоятельной отрасли или сферы знаний.

Научное издание

Кремнёв Евгений Владимирович
Кузнецова Ольга Владимировна
Лесниковская Екатерина Викторовна

**ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНАЯ РЕГИОНОЛОГИЯ:
ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ**

ISBN 978-5-9624-1915-2

Редактор *Н. А. Михайлова*
Дизайн обложки: *П. О. Ершов*

Темплан 2020. Поз. 129
Подписано в печать 27.12.2020. Формат 60×90 1/16
Усл. печ. л. 9,8. Тираж 125 экз. Заказ 146

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124